

31. Там же. Д. 698.
32. РГВИА. Ф. 400. Оп. 8. Д. 703.
33. Ф. 1528. Оп. 1. Д. 296.
34. Там же. Ф. 1528. Оп. 1. Д. 30.
35. Там же. Д. 705.
36. Свод военных постановлений 1869 года. Книга III. Местное военное управление. (Изд. 2-е). СПб., 1890.
37. Семенов С. Н. Генерал Брусилов: Документальное повествование. М.: Воениздат, 1988. 318 с.
38. Сизых С. Забастовка Иркутского гарнизона // 1905 г. в Сибири: Сборник статей и воспоминаний. Новониколаевск, 1925. 200 с.
39. Циркуляры Главного штаба (ЦГШ) № 43 от 11 февраля 1903 г.
40. ЦГШ № 85 от 2 апреля 1903 г.
41. ЦГШ № 234 от 15 октября 1903 г.
42. Ширшов М. А. Подготовка воинских чинов запаса для Маньчжурской армии в запасных батальонах Сибирского военного округа в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики № 3. 2018 г. С. 74–78.
43. Штутман С. М. На страже тишины и спокойствия: из истории внутренних войск России (1811–1917 гг.). М., 2000. 360 с.

Политическая и уголовная ссылка XVII – начала XX в. и сибирское общество

УДК 323.2(47)

Бобков А. К., Иркутск

Декабристы и М. Ю. Лермонтов: к вопросу об идейных и нравственных связях в период ссылки на Кавказ

Аннотация. Статья рассматривает связи гениального русского поэта с творческим и идейным наследием декабристов, которые сформировались у него еще в юности, но особенно окрепли на Кавказе, где томились под пулями горцев, и декабристы, и поэт. В период двух ссылок «в южную Сибирь» М. Ю. Лермонтов был знаком с А. И. Одоевским, М. А. Назимовым, Н. И. Лорером, А. А. Бестужевым-Марлинским. С Александром Ивановичем Одоевским он подружился особенно. Оба поэта погибли на Кавказе: М. Ю. Лермонтов был убит на дуэли, А. И. Одоевский умер от болезни.

Ключевые слова. Декабристы, М. Ю. Лермонтов, военные действия, Кавказ, политическая ссылка.

Bobkov A. K., Irkutsk

Decembrists and M. Y. Lermontov: to the question of ideological and moral ties during the period of reference to the Caucasus

Annotation. The article considers the relations between the genius Russian poet and the creative and ideological heritage of the Decembrists. These relations were formed in the poet's youth and significantly strengthened in the Caucasus during the two periods of exile. Here, in «southern Siberia», under the bullets of the

highlanders, the poet and the Decembrists spent a painful time of banishment simultaneously. During this period M. Y. Lermontov was acquainted with A. I. Odoevsky, M. A. Nazimov, N. I. Lorier, A. A. Bestuzhev-Marlinsky. With A. I. Odoevsky they were the closest friends. Both poets died in the Caucasus: M. Y. Lermontov was killed in a duel, A. I. Odoevsky died from disease.

Keywords. Decembrists, M. Yu. Lermontov, military actions, Caucasus, political reference.

Ссылка на Кавказ была не лучше ссылки в Сибирь. Боевые действия, неустроенность быта – жизнь в походных условиях, в палатках делали Кавказскую ссылку во многих отношениях более жестокой и бесчеловечной, а потому декабристы, «милостливо» сосланные из Сибири на Кавказ, где шла война, свирепствовала малярия, иронично называли Кавказ «южной Сибирью».

В восстании на Сенатской площади 1825 года и в тайных обществах декабристов поэт не участвовал. Был слишком юным. Однако связи с движением первых русских революционеров у Лермонтова были... тесные.

Лейтенант гвардейского экипажа Дмитрий Николаевич Лермонтов «...вышел с гвардейским экипажем на Сенатскую площадь, но вскоре оставил её и явился к командиру экипажа... По высочайшему повелению (15.06.1826 г.) освобожден и отправлен в гвардейский экипаж»¹. И так, Д. Н. Лермонтов за «поход» был арестован, но впоследствии освобожден, якобы из-за того, что в обществе не состоял. При этом существовало тайное общество гвардейского экипажа. И тем не менее полагают, что Д. Н. Лермонтов являлся членом северного общества, знал о существовании декабристских обществ и разделял их взгляды.

«Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма разлит, или, по крайней мере, разливается между войсками, что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по разным местам тайные общества или клубы, которые имеют при том секретных миссионеров для распространения своей партии: Ермолов, Раевский, Кисилев, Михаил Орлов, Дмитрий Столыпин и многие другие из генералов, полковников

¹ Мироненко С. В. Декабристы. Биографический справочник / под ред. С. В. Нечкиной. М.: «Наука», 1988. С. 101.

и полковых командиров»¹, – так писал Александр I будущему царю Николаю I.

Александр I назвал имена генералов, в их числе был дед М. Ю. Лермонтова – Дмитрий Алексеевич Столыпин, тесно связанный с идеологами и участниками декабристского движения. Таким образом, муж бабушки поэта разделял идеи декабристов и знал о существовании тайных обществ... Об этом Е. А. Арсеньева – воспитательница поэта, конечно же, говорила ему, когда рассказывала о деде, боевом генерале, сподвижнике Ермолова.

Осенью 1828 года Лермонтов поселился с бабушкой в Москве и поступил в пансион Московского университета, где преподавали лучшие профессора. Еженедельно проходили заседания «литературного общества», обсуждались сочинения воспитанников учебного заведения. Московский университет во вторую половину 20-х – 30-е гг. был центром свободомыслия в России. По рукам пансионеров ходят тетрадки с запрещенными произведениями Рылеева, Пушкина, Полежаева. Несомненно, что Лермонтов воспитывался под впечатлением восстания декабристов. Первые стихи поэта были написаны по аналогии с произведениями Кюхельбекера, Рылеева, Раевского. Лермонтов писал о крае, где «стонет человек от рабства и цепей»². Юный Лермонтов с горечью признавался, что этот край – его отчизна. Для того, чтобы скрыть антиправительственный смысл стихотворения он озаглавил его «Жалобы турка».

«Все мы были слишком юные, чтобы принимать участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем мы увидели только казни и изгнания. Принужденные к молчанию, сдерживая слезы, мы выучились сосредоточиваться, – скрывать свои думы – и какие думы. То были сомнения, отрицания, злобные мысли»³, – писал А. И. Герцен.

Осенью 1830 года М. Ю. Лермонтов был зачислен в Московский университет. Правительство помнило 14 декабря 1825 года и боялось того, что университет может стать центром «возмутительных мыслей», а потому здесь старались не просвещать и не

¹ Дубровин Н. Ф. Утверждение русского владычества на Кавказе / Н. Ф. Дубровин. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1901–1908. С. 356.

² Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. М.: «Художественная литература», 1981. С. 42.

³ Герцен А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 225.

образовывать молодых людей, но воспитывать из них верных престолу чиновников. Преподавали в ту пору чиновники, а не ученые. А. И. Герцен вспоминал: «...развивала студентов аудитория юным столкновением, обменом мыслей, чтений...Московский университет свое дело делал...»¹

Московский университет в 30-е гг. XIX столетия был центром вольнодумия и либерализма, центром развития науки, мысли, убеждений, просвещения в России.

«И если в последствии исполнительная часть литературы, ее прилавок, перешел в Петербург, то ее люди из Москвы. Лермонтов, Белинский, Тургенев, Кавелин – все это наши товарищи, студенты Московского университета»², – вспоминал А. И. Герцен.

Не случайно Александр Иванович подчеркивал роль бывших студентов Московского университета, в том числе и М. Ю. Лермонтова, в развитии демократических идей в русской литературе 30–40-х годов XIX столетия.

В поэме «Последний сын вольности» Лермонтов воспевал новгородского героя Вадима, поднявшего восстание против иноземного князя Рюрика. Вадим в русской поэзии – символ свободы. В поэме есть такие строки:

*«Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей,
Они, увидев падший гром, –
Не перестали помышлять
В изгнанье дальнем и глухом;
Как вольность побуждать опять.
Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны...»³*

«Горсть людей» – это, конечно же, декабристы. О тех, кто вышел на Сенатскую площадь в 1825 году думали, вспоминали, по их делам сверяли свои мысли студенты Московского университета. В Москве, в людных местах, появлялись листовки,

¹ Герцен А. И. Указ. соч. С. 123.

² Герцен А. И. Провинциальные университеты / А. И. Герцен. М.: Изд-во Акад. наук, 1956. С. 20.

³ Лермонтов М. Ю. Последний сын вольности / М. Ю. Лермонтов. М.: «Художественная литература», 1981. С. 107.

где декабристов называли «благороднейшими славянами». Прокламации призывали народ к восстанию. Эти молодые люди, входившие в кружки братьев Критских и Сунгоркина, разделяли идеи декабристов и гордились их подвигом. Поэзия Лермонтова отражала эти мысли, более того, она усвоила идеи декабристов, их философию, романтизм. Исследователи пишут о том, что поэт осуществил в литературе художественный синтез, вылившийся в высокий романтизм. Романтизм в 30 – 40-е годы XIX столетия вытеснялся другими художественными направлениями. Однако высокий романтизм запомнился нам именно в творчестве М. Ю. Лермонтова. Таким образом, поэт не просто продолжил декабристский романтизм, но и соединил его с реализмом¹.

С 1828 по 1830-е гг. поэт учился в Московском университете, где активно участвовал в кружках. Все это привело к тому, что Лермонтов, имевший дружеское объединение, так называемую «Лермонтовскую пятерку» (двое Шеншиных, Закревский, Поливанов, Алексей Лопухин), участвовавший в изгнании из аудитории профессора Малова, получил в 1832 году совет «уйти» из университета, что означало исключение².

Кружки братьев Критских, Сунгоркина, деятельность Герцена, Огарева, Белинского подтверждают, что Московский университет был сосредоточием либерализма и вольнодумия. Здесь помнили и чтили декабристов.

Власти, конечно же, боролись с вольнодумством. Летом 1828 года М. Ю. Лермонтов с бабушкой и воспитательницей Е. А. Арсеньевой переезжают в Петербург. Там в университет поэта не приняли, и он поступает в юнкерскую кавалерийскую школу, в обстановку муштры. По ночам тайком он писал роман о горбате Вадиме, поэму «Демон», повесть «Хаджи Абрек».

В конце 1834 года он вышел офицером в лейб-гвардии Гусарский полк, что в Царском селе.

1837 год. Дуэль и смерть А. С. Пушкина. М. Ю. Лермонтова арестовали за стихотворение «Смерть поэта». Шло следствие. Решали, что же с ним делать?

¹ Григорьян К. Г. Лермонтов и романтизм / К. Г. Григорьян. М.– Л.: «Наука», 1988. С. 98.

² Андронников И. Лермонтов. Исследования и находки / И. Андронников. М.: «Художественная литература», 1969. С. 555–556.

Благодаря своему стихотворению М. Ю. Лермонтов стал известен в высшем российском обществе, узнаваем в глазах Николая I и власти в качестве «мятежника».

Высланный из Петербурга за «Смерть поэта» он был назначен в Нижегородский драгунский полк на Кавказе.

«...21 апреля 1837 года Лермонтов прибыл в Геленджик, где получил назначение в Ольгинское укрепление – вблизи Туапсе»¹, – пишет Д. Романов, исследовав послужной список Лермонтова. Так началась первая ссылка поэта на Кавказ. В мае-июне 1837 года семь раз он участвует в перестрелках, стычках, боях на Черноморской линии, где познакомился с декабристом А. И. Одоевским.

Попов О. В., подготовивший том писем, статей декабриста М. А. Назимова в серии «Полярная звезда» в статье «Декабрист Михаил Александрович Назимов» писал: «Полагаем, что эта встреча Лермонтова с декабристами (в том числе и с Назимовым) могла состояться в первой половине октября 1837 г. ... декабристы находились в Ставрополе не менее восьми дней... Учитывая большой интерес Лермонтова к ссыльным декабристам, можно с полной вероятностью заключить, что встреча их могла иметь место в первой половине октября 1837 года»².

В первую ссылку опальный поэт познакомился в Ставрополе с декабристами. Встречался с ними и много беседовал.

«Во второй половине октября 1837 года декабристы, находившиеся в Ставрополе, были отправлены в назначенные для них полки: Нарышкин – в Навагинский, Лорер и Черкасов – в Тенгинский, Лихарев – в Куринский, Назимов – в Кабардинский егерский, Одоевский – в Нижегородский драгунский. Последним (22 октября) из Ставрополя вместе с Лермонтовым в свой полк (где и служил Лермонтов) отправился Одоевский»³, – писал О. В. Попов.

М. А. Назимов много встречался с М. Ю. Лермонтовым. «Их отношения переросли в теплую дружбу»⁴, – замечает О. В. Попов. Михаил Юрьевич, с насмешкой относившийся к россий-

¹ Романов Д. Об опасностях хотел умолчать. Исследуя формулярный список М. Ю. Лермонтова / Д. Романов // Советская Россия. 1982. № 26. С. 3.

² Попов О. В. Декабрист Михаил Александрович Назимов / О. В. Попов. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 240 с.

³ Там же.

⁴ Там же.

ской аристократии, подружился на Кавказе с декабристами М. А. Назимовым, А. И. Одоевским. Поэт благожелательно относился и к другим декабристам, с которыми встречался на Кавказе.

Из первой ссылки поэт вернулся благодаря многочисленным ходатайствам. Власти надеялись, что Лермонтов одумался. В Петербурге он застал все тех же злословивших аристократов. Поэт, вернувшийся с Кавказа, был остроумен, ироничен, с презрением относился к салонной аристократии, имел свое мнение.

18 февраля 1840 г. на Черной речке, неподалеку от места дуэли А. С. Пушкина, произошла дуэль Эрнеста де Баранта, сына французского посла с М. Ю. Лермонтовым. Барант промахнулся, а поэт выстрелил в сторону. Дуэлянты помирились. За дуэль Николай I распорядился сослать Лермонтова на Кавказ, в Тенгинский пехотный полк. Полк нес большие потери. Николай I отправил поэта на верную гибель.

Лермонтов уезжал на Кавказ. В Петербурге, в книжных лавках появился роман «Герой нашего времени». Михаил Юрьевич в предисловии к роману, предвидя вопросы читателя, писал: «Это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии»¹.

Читатель должен был понять, что Печорин – герой поколения 30-х гг. – это жертва общественного порядка в России XIX столетия.

На Кавказе поэту было разрешено заехать в Пятигорск для лечения на водах. Год второй ссылки, проведенный Лермонтовым на Кавказе, в Чечне, в кровавых, жестоких боях, где поэт проявил хладнокровие и мужество, закончился для него коротким отпуском. Лермонтов воевал на Кавказе, а в Петербурге вышла книга его стихотворений, о которой В. Г. Белинский писал: «превосходные стихи». Е. А. Арсеньева выхлопотала отпуск для свидания с внуком. Срок пребывания в столице кончился. 15 апреля 1841 г. Николай I повелел поэту в 48 часов покинуть Петербург.

Вернувшись на Кавказ он получил от тамошнего начальства разрешение и поехал лечиться в Пятигорск. Лермонтов надеялся, что бабушка в Петербурге сумеет выхлопотать ему отставку,

¹ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / М. Ю. Лермонтов. М.: «Худ. лит-ра», 1981. С. 4.

но Николай I отдал распоряжение, чтобы Лермонтова не отпускали с фронта, он отказывал поэту в боевых наградах и не пускал в отставку. «Бенкендорф отдал распоряжение неотступно наблюдать за поэтом»¹, – писал И. Л. Андронников.

Декабрист Н. И. Лорер встречался с М. Ю. Лермонтовым в Пятигорске в 1841 г. В записках декабриста писал: «Со смертью Лермонтова отечество наше лишилось славного поэта, который мог бы заменить отчасти покойного А. С. Пушкина, который так же, как и Грибоедов, и Бестужев, и Одоевский, все умерли в цветущих летах, полные сил душевных, умственных, и телесных и не своею смертью»².

Наблюдая за Лермонтовым в Пятигорске, декабрист заметил: «...Лермонтов был душою общества и делал сильное впечатление на женский пол...»³ Он встречался с ним за несколько дней до дуэли.

Декабрист Н. И. Лорер, много повидавший, много переживший, встретившись с Лермонтовым в Пятигорске, любуясь поэтом, узнавая его ближе, отмечал: «он был душою общества».

Поэта гнали на Кавказ в ссылки, боясь его огромного влияния на русское общество, а он и на Кавказе оставался любим обществом. Ссылая в «южную Сибирь», на Кавказ декабристов, М. Ю. Лермонтова власти пытались не допустить вредного влияния либералов и демократов на русское общество.

В Пятигорске была своя аристократия. Съезжались на воды и аристократы из Петербурга и Москвы. Поэт на водах был, как всегда, остроумным и находчивым, с иронией отзывался об аристократическом обществе великосветской молодежи. Отношение к Лермонтову в среде пятигорской знати становилось все хуже. 15 июля 1841 года на склоне Машука, недалеко от Пятигорска, Лермонтов был убит на дуэли.

«Намедни был я у Алек. Фед. Орлова, и он дуэль мне совсем уже иначе рассказывал. Что это за напасть нашим поэтам...»⁴, – писал почтдиректор Булгаков. Далее он продолжал «Странную

¹ Андронников И. Л. Лермонтов. Исследования и находки / И. Л. Андронников. М.: «Худ. лит-ра», 1969. С. 581.

² Лорер Н. И. Записки декабриста / Н. И. Лорер. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. С. 274.

³ Там же. С. 270.

⁴ Письма А. Я. Булгакова к П. А. Вяземскому. М.: «Литературное наследство», 1964. С. 712.

судьбу имеют знаменитые наши поэты, большая часть из них умирает насильственной смертью. Таков был конец Пушкина, Грибоедова, Марлинского (Бестужева)... Теперь получено известие о смерти Лермонтова... противу всех правил чести и благородства и справедливости», – так выглядела дуэль, похожая на убийство, писал А. Я. Булгаков. А он был человеком с большими связями и очень осведомленным в делах русского общества.

Ссылка в «южную Сибирь» на Кавказ завершилась для Михаила Юрьевича Лермонтова убийством на дуэли. Были убиты или умерли от болезней и половина декабристов, томившихся на Кавказе. От малярии умер декабрист, поэт Александр Иванович Одоевский, переведенный из Восточной Сибири, в бою убит писатель Александр Александрович Бестужев-Марлинский. Скорбный список можно продолжать...

Трагическая судьба декабристов и М. Ю. Лермонтова, сосланных на Кавказ, в «Южную Сибирь» еще более подчеркивает их духовную и нравственную близость.

УДК 947.073

Матрас М., Женева

Из истории участия ссыльных народников Якутска в Сибиряковской экспедиции

Аннотация. Статья показывает роль Статистического комитета Якутской области в 1880–1890-х гг. в привлечении ссыльнопоселенцев в научную жизнь области. Речь идет о том, как будущие члены Сибиряковской экспедиции внесли вклад в издательскую деятельность Статистического комитета. В статье также показывается, как народники относятся к состоянию якутского населения. Данная статья была написана с поддержкой Центра франко-российских исследований в Москве.

Ключевые слова: этнография, Сибиряковская экспедиция, народники, инородцы, Статистический комитет, Якутская область, общинно-родовая система, землепользование.

Mathilde Matras, Geneva

History of the participation of exiled populists in the Sibiriakov Expedition

Abstract. The article focuses on the activities of the Statistics Committee in Yakutsk during the end of the 19th century (1880–1890). It shows how exiled populists took part in scientific and public life of the region thanks to the Committee. Last but not least, the article gives some example of how populists who turned ethnographers looked at imperial situation and Yakut's life. For this work, the author received a grant from the Center of French-Russian Studies (Centre d'études franco-russes) in Moscow.

Key-words: ethnographic expedition Sibiriakov, populists, alien people, Committee for statistics, Yakutsk, clanic system, land use.

18 января 1894 г. в стенах Статистического комитета Якутской области бывший член Народной воли, ныне правитель Восточного отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО) Дмитрий Клеменц (1848–1914), высказываясь о научных исследованиях Сибири, заявил, что «время больших, дорогостоящих экспедиций, снаряженных по прошению столичных ученых, уже прошло»¹. Настоящая статья посвящается научной экспедиции, которая занималась лишь этнографией, в отличие от «больших, дорогостоящих экспедиций», на которые указывает Клеменц. Она имела место на рубеже XX века (1894–1896 гг.) в Якутской области благодаря финансированию золотопромышленника Иннокентия Сибирякова (1861–1901) и с помощью организационной работы Клеменца. Более всего в статье речь идет о том, что можно считать одним из начальных этапов Сибиряковской экспедиции: о сотрудничестве будущих членов экспедиции со Статистическим комитетом² Якутской области на рубеже 1880-х годов в Якутске.

¹ Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 202. Оп. 1. Д. 56. Л. 73.

² Губернские статистические комитеты появились в Российской империи в 1834 году. В 1857 г. был основан Центральный статистический комитет, который взял губернские комитеты под свое покровительство. На губернские статистические комитеты была возложена задача собирать сведения о хозяйстве, населении и территории губернских волостей. Они пользовались

Дмитрий Клеменц вносил существенный вклад в работу по подготовке Сибиряковской экспедиции, играя роль посредника между администрацией и вовлеченными в экспедицию лицами¹. В 1892 г. он снова вызвал к жизни проект экспедиции в Якутскую область, который тремя годами ранее разработал Иннокентий Сибиряков². В то время он уже обладал навыком в сфере организации научных работ, так как в 1880-х годах он принял участие в исследованиях Минусинского края в Енисейской губернии, где он сам отбывал политическую ссылку.

Сравнивая проект Сибиряковской экспедиции с инициативами предыдущих веков, Дмитрий Клеменц настаивал на том, что в нынешнее время эту работу должны осуществлять «местные интеллигентные силы»³. В качестве «местной интеллигентной силы» в Якутской области находилась группа ссыльнопоселенцев (народников), готовых к работе. Ссылный Николай Виташевский (1857–1918) уже однажды представлял план научной экспедиции, который однако не был одобрен местными органами власти⁴. В этом смысле, Дмитрий Клеменц дал новый импульс возможности изучения края в области этнографии якутского населения.

Сибиряковская экспедиция собирает около 10 человек, но речь идет здесь лишь о трех из них: о Николае Виташевском (1857–1918), Эдуарде Пекарском (1858–1934) и Владимире Иохельсоне (1855–1937). Николай Виташевский проживал в Одессе и там участвовал в нелегальном кружке, где, согласно донесению, «занимались вытравлением текста на паспортах»⁵. В 1878 г. он оказал вооруженное сопротивление при аресте. Он прибыл в Якутскую область на поселение в 1883 г. Эдуард Пекарский принимал участие в противозаконных действиях студенческого

некоторой автономией. Mespoulet M. *Statistique et révolution en Russie : un compromis impossible (1880–1930)*. Rennes. 2001. С. 26–31.

¹ Милевский О. А., Панченко А. Б. «Беспокойный Клеменц». Опыт интеллектуальной биографии. Москва, 2017. С. 524.

² Указ. соч. С. 511–518.

³ СПФ АРАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 56. Л. 73.

⁴ Милевский О. А., Панченко А. Б. Указ. соч. С. 524. Мы берем от них определение «памятной книжки»: «официальные провинциальные справочные издания в Российской империи, начиная с 1830-х гг. их выпускали либо органы внутренних дел, либо местные официальные лица».

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 76. Д. 7227. Л. 5 об.

кружка в Харькове в конце 1870-х годов. В его «Воспоминаниях о своей революционной деятельности», можно найти намеки на «хождение в народ» и пребывание «среди крестьян»¹. Он был арестован в январе 1881 г.

Владимир Иохельсон «вступил на путь борьбы в 1874 г.» и был арестован в 1885-ом году после пребывания за границей, где он участвовал в издательской деятельности «Народной воли»². Мы постараемся показать, как Владимир Иохельсон и Эдуард Пекарский, находясь в Якутской области, воспринимают условия жизни якутов в имперском устройстве. Мы рассмотрим две статьи, которые они опубликовали в Памятной книжке Статистического комитета Якутска за 1895 г. (публикация была запланирована на 1892 год): «Якутский род до и после прихода русских»³ (Э. Пекарский), «К вопросу о развитии земледелия в Якутской области»⁴ (В. Иохельсон). Мы рассмотрим важные пункты в научных интересах двух ссыльных народников в Якутской области: роль рода в социальном устройстве якутов с исторической и экономической точек зрения, форму землепользования в экономическом устройстве якутов. Мы воспринимаем работу этих двух ссыльных как отправную точку дальнейших экспедиционных работ. Кроме того, мы считаем общение Статистического комитета с ними одним из первоначальных этапов экспедиции.

Призыв Дмитрия Клеменца к изучению Сибири в более близком отношении к исследуемому субъекту не является единственной спецификой экспедиции Сибирякова. Тот факт, что команду этой экспедиции составляли в основном исключительно политические осужденные, должен обратить наше внимание не только на научные результаты этой экспедиции, но и на социальные условия изучения Якутской области в конце XIX века, а также на то, какой мотивацией руководствовались участвующие в ней ссыльнопоселенцы народники. Авторы биографии Дмитрия Клеменца говорят, что губернатор Якутской области Скрипицын дал свое согласие на экспедицию, потому

¹ СПФ АРАН. Ф. 202. Оп. 1. Д. 12. Л. 35; Л. 67.

² Милевский О. А., Панченко А. Б. Указ. соч. С. 525.

³ Пекарский Э. К. Якутский род до и после прихода русских // Памятная книжка Якутской области на 1896. 1895. № 1. С. 1–48.

⁴ Иохельсон В. И. К вопросу о развитии земледелия в Якутской области // Памятная книжка Якутской области на 1896. 1895. № 1. С. 19–116.

что «отношение губернского начальства к научной деятельности политических ссыльных не было таким уж негативным или настороженным [поскольку] их охотно привлекали к работе над областными памятными книжками»¹.

Участие политссыльных в официальных и, следовательно, контролируемых публикациях, таких как Памятные книжки, несомненно показывает «высокий уровень доверия со стороны местной администрации»². Основываясь на архивных документах Статистического комитета Якутской области, можно теперь добавить, что политссыльные, в том числе Владимир Йохельсон и Эдуард Пекарский, не только пользовались доверием губернатора, но и представляли собой единственных лиц, способных выполнить научные задачи, возложенные на издателей Памятной книжки области. Для анализа мы представим архивные документы из Национального архива Республики Саха (Якутия), а также опубликованный материал из Памятной книжки 1895 года. Вслед за несколькими современными монографиями о народниках³ мы надеемся придать изучению ссылки народников более глобальный оттенок. Для начала немного поговорим о деятельности Статистического комитета Якутской области и о научных вопросах, на которые ссыльные-ученые стараются ответить. После этого можно будет разобрать некоторые отрывки статьей Э. Пекарского и В. Йохельсона.

1. Привлечение ссыльных в экспедицию Сибирякова (1888–1894)

На первом заседании по подготовке Сибиряковской экспедиции, когда Дмитрий Клеменц говорил о «дорогостоящих экспедициях», он, скорее всего, намекал на экспедиции XVIII века, которые велись по поручению Российских царей с целью описания территории в различных научных направлениях⁴. В

¹ Милевский О. А., Панченко А. Б. Указ. соч. С. 524.

² Указ. соч.

³ Kan S. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln. 2009. Милевский О. А., Панченко А. Б. Указ. соч. Эклоф Б., Сабурова Т. Дружба, семья, революция. Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов. Москва. 2016.

⁴ Дальман Д. Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М., 2016. С. 169–171. Ученый Мессершмидт принял участие в одной из первых широкомасштабных экспедиций (1720–1727) по велению Петра I.

то время монархов занимал вопрос о существовании пролива между азиатским и американским материками, что послужило одним из главных мотивов двух «Камчатских экспедиций» (1725–1730; 1732–1743), которые возглавлял Витус Беринг¹. Продолжаясь до середины XIX века, экспедиции этого типа занимались вопросами, входящими в широкий научный спектр – от естественных наук, до этнографических описаний².

В чисто научном плане, как выясняется, Сибиряковская экспедиция внесла существенный вклад в знания о Якутской области, например, в области лингвистики и в археологии. Кроме того, согласно Милевскому и Панченко, экспедиция имела «прикладное значение» для подготовительной работы по проекту губернатора Скрипицына об уравнивании распределения земель в 1900 г.³ Следует упомянуть, что эта реформа вызвала положительный отклик в народнической прессе. В статье «Аграрный вопрос в Якутской области», помещенной в журнале «Русское богатство», автор положительно относится к проекту отклонять якутских скотоводов от традиционной формы производства⁴. Здесь мы не сможем коснуться этой реформы, хотя она и показывает, насколько некоторые идеи народников связаны с решениями губернатора о положении якутского населения в Российской империи XIX века. Итак, обращая внимание на «прикладное значение» экспедиции на основе более скромного материала, можно все-таки понять, в чем состояла цель ссылочнопоселенцев в научном изучении региона.

1.1. Наука и общественная польза

Прочитированные слова Дмитрия Клеменца о форме экспедиции находят отклик в письме от 1894 года, которое он отправил целой команде экспедиции Сибирякова после того как выполнил свои организационные задачи. В канун начала экспедиционных

Мессершмидт описал природу и собрал сведения о населении, тогда как его сотрудник, бывший шведский пленник Страленберг, нарисовал карту Сибири.

¹ Дальман Д. Указ. соч. С. 183. Во второй экспедиции Камчатки, помимо «морской команды», была «академическая группа» ученых, которые обошли территорию Сибири, из Петербурга в Приленский край и обратно.

² Указ. соч. С. 210.

³ Милевский О. А., Панченко А. Б. Указ. соч. С. 561–562.

⁴ Белевский А. Аграрный вопрос в Якутской области // Русское богатство. 1902. С. 91–115.

работ, в начале 1894 года, он написал членам Сибиряковской экспедиции: «Значение этого дела, по-моему, и научное, и общественное. Если взглянуть на него только с точки зрения временной экспедиции – результат ее несколько монографий и материалов. С этой стороны оно немногим отличалось ну хотя бы от моей экспедиции в Монголии. Был человек, были люди, сделали дело и делу конец. Мне кажется, исследование из местных сил должно носить в себе иные задачи. Не только собрать, но и оставить сведения и постараться оставить наследников. Пора уже рассматривать исследователя не только с той точки зрения, что он взял, но и что он дал исследуемой местности. Я здесь повторяю только Вашу общую точку зрения, так как Вы и без этой экспедиции трудились по мере сил для местного населения»¹.

Хотя Клеменц не подробно определяет, чем является «общественная» польза научной деятельности и что конкретно местный исследователь дает «исследуемой местности», можно предположить из этих слов, что он считает науку не только накоплением знаний, но также и общественным благом. Это напоминает давнюю дискуссию о роли науки, которая появилась в контексте реформ в 1860–1870 гг. в России. В то время новый Устав университета (1863) предоставил ему автономию², и ученые стали образовывать общества, которые пользовались некоторой автономией от контроля власти, иногда опираясь на частное финансирование³. Среди ученых бытовало мнение о том, что наука должна приносить пользу обществу и поэтому отвечать конкретным нуждам.

Тем не менее, выгода научной деятельности не столько измеряется прикладным характером тех или других результатов, сколько отвечает широко поставленным теоретическим вопросам. На какие вопросы отвечают ссыльнопоселенцы-ученые, можно частично обнаружить в переписке Статистического комитета с губернатором.

1.2. Статистический комитет Якутской области в 1888 г.

Местные статистические комитеты были ответственны за решение научно-технических задач на месте. Так, например, в

¹ СПФ АРАН. Ф. 253. Д. 2. О. 14. Л. 3.

² Vucinich A. Science in Russian culture. Stanford California, 1963. С. 46–49.

³ Могильнер М. Homo imperii. Истории физической антропологии в России. М., 2008. С. 56.

Якутске в 1888 году губернатор поручил Статистическому комитету Якутской области собрать данные по экономическому быту населения края. Хотя секретарь комитета потрудился найти сотрудников для составления Памятной книжки в соответствии с требованиями губернатора, он объявил последнему: «Вследствие этого, Комитет (...) поручил (...) пригласить к участию в составлении статей «Книжки» как г.г. членов Комитета, так и других лиц, готовых приложить свой труд в пределах проектированной для будущего издания программы. Но приглашение мое не имело успеха: из среды г.г. членов комитета, а также из числа посторонних лиц с легальным положением, никто не проявлял готовности сотрудничать в «Книжке», частью по неподготовленности к литературным занятиям, частью по незнакомству с бытом и условием жизни сельского населения (...)»¹

По этому поводу он добавляет что, «командировать же специально для сего кого бы то ни было в округа, у Комитета нет достаточно средств». Затем секретарь предложил следующее: «В виду сего, позволю себе обратить внимание Вашего Превосходительства на нескольких лиц из государственных ссыльных, известных мне близким своим знакомством с экономическим бытом инородцев»².

Письмо статистического комитета представляет собой яркий пример недостатков государственного аппарата, а также показывает специфичность положения ссыльных, о которых идет речь. Будучи «единственными сотрудниками, готовыми участвовать в будущем издании Комитета»³, Эдуард Пекарский и Владимир Иохельсон, среди других государственных ссыльных, не только являются единственной силой, способной разработать Памятную книжку, но также действуют, как кажется, самостоятельно, то есть без официального требования. По этому поводу можно предположить, что темы, которых они касаются, лежат в сфере интересов, типичных для народников.

К тому же, действие будущих участников экспедиции Сибирикова имеет свою определенную специфику, поскольку оно совпадает с изложенным принципом Клеменца о характере близости научной деятельности. На самом деле, кроме них, никто не

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 12. Д. 299. Л. 1.

² Там же.

³ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 12-И. Оп. 12. Д. 299. Л. 2.

имеет близких контактов с якутами в регионе, в результате чего никто не может сотрудничать со Статистическим комитетом. Кроме того, темы, которых они касаются, вероятно, совпадают с народническим интересом к жизни деревни, но не только. В 1894 г. эти темы были созвучны с интересом промышленника Сибирякова к народной жизни якутов. Следует здесь отметить, что на самом деле в конце XIX века народники не одни проявляли интерес к народной жизни и к судьбе не русского населения Российской империи.

1.3. От Комиссии по сведению о народных обычаях 1889 года до Сибиряковской экспедиции 1894 года

Нельзя сказать, что интерес ссыльных-ученых не соответствует довольно общим вопросам, которыми задавались разные ученые в конце XIX века. На самом деле в 1889 г. этнографический отдел Императорского русского географического общества направил Статистическому комитету Якутской области, а также другим комитетам всех губерний Российской империи программу по «собираению народных юридических обычаев»¹. Результаты Комиссии по собранию народных юридических обычаев вышли спустя десятилетие во втором томе «Сборника народных юридических обычаев»².

Для понимания контекста исследований ссыльнопоселенцев, интересно проследить, как сам председатель Комиссии С. Пахман определяет сущность вопроса о народных обычаях: «Желательно, чтобы в ответах на вопросы программы отмечалось с возможной точностью, проявлялись ли те или другие обычные правила и воззрения в самой практике народных судов, или применялись в действительной жизни помимо суда, или нашли себе выражение лишь в каких-либо известных собраниях поговорках, пословицах и т. п. или же, наконец, сохранились в народной памяти лишь в виде преданий»³.

С. Пахман хочет узнать, являются ли еще живыми практики той социальной группы (народ), которую он отличает от «выс-

¹ НА РС (Я). Ф. 343. Оп. 7. Д. 14. Л. 2.

² Пахман С. В. Программа для собрания народных юридических обычаев / Пахман С. В. Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 355–454. Как кажется, никто из Якутской области не дал для него статей.

³ Указ. соч.

ших культурных слоев общества»¹. Кроме того, видя различие между русским народом и не русскими народами России, он интересуется тем, «представляется ли известный обычай (...) плодом самостоятельного развития народа и его потребностей, или же он сложился при воздействии других племен, либо под влиянием условий иной общественной культуры»². Итак, интерес к народной жизни, то русской, то не русской, в конце XIX века в России связывается с вопросом об исчезновении, о вымирании народных общественных структур. Если углубиться в логику Пахмана, то, согласно этой логике, русский народ находится под влиянием зажиточных слоев населения, тогда как нерусские находятся под влиянием других народов.

Интересно заметить, что именно программа экспедиции Сибирякова ставит народникам-ученым вопросы того же содержания. На самом деле официальной целью экспедиции является: «а) выяснение вопроса о вымирании или прогрессировании инородцев, а при наличии первого – причин этого явления и способов к их устранению»³.

Мы взяли эти две цитаты из различных документов, первый из научного издания, другой – из протокола подготовительных работ Сибиряковской экспедиции. Оба показывают, насколько интеллектуальная жизнь в России в конце XIX века проникнута духом эволюционизма. Эволюционизм появился в России в середине 1860-х годов с переводом работы Чарльза Дарвина об истории биологических видов. Знаменитый историк Александр Вуцинич изложил процесс применения теорий Дарвина к социальным наукам в России⁴. Эволюционизм стал тогда универсальным пониманием пути к прогрессу. Появились идеи о «вымирании» или «исчезновении» тех форм и существ, которые не совпадают с идеей о «прогрессе». Можно сейчас обращать внимание на то, что ссыльные-ученые говорят по этому поводу.

2. Памятная книжка как первый этап экспедиции Сибирякова

Возвращаясь к обсуждению статей Памятной книжки 1896 года, можно определить взгляд Эдуарда Пекарского и Владими-

¹ Пахман С. В. Указ. соч. С. 344.

² Там же.

³ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 12. Д. 299. Л. 24.

⁴ Vucinich A. Darwin in Russian Thought. Los Angeles, 1988.

ра Иохельсона на состояние народной жизни якутов. Для этого сразу следует сказать, что Пекарский и Иохельсон опираются на идею, что ячейкой якутского общественного строя является род. В России в то время понятие о роде как общественном и экономическом строе было объяснено в ранних работах Максима Ковалевского, где он тоже предположил существование универсального пути к прогрессу. Максим Ковалевский, «научный друг Карла Маркса» и первый российский социолог¹, издал в 1879 г. работу о судьбе общинного образа производства. Он основывался на данных американских и британских юристов и этнографов, помимо его собственных данных о сельской швейцарской общине и замечаний о захвате общинных земель колонистами в Алжире². Ковалевский разработал теоретическую модель развития общественных структур, согласно которой общества проходят разные стадии развития, начиная с родовой системы коллективного хозяйства и заканчивая появлением мелкой собственности. В этом процессе сельская община является промежуточным моментом в раздроблении общинных земель и в становлении частной собственности на землю³. Что касается рода, основным принципом его существования является семейная связь: род представляет собой расширенную семейную группу, основанную на представлениях ее членов о том, что они принадлежат одной и той же семье.

2.1. Эдуард Пекарский и история якутских родов

Говоря об истории якутских родов, Пекарский объясняет, что они появлялись постепенно, по мере того как раздроблялись крупные семьи: «итак мы видели семьи, по составу своему ничем не отличавшиеся от обыкновенной русской семьи, и семьи большие, число членов которых не могло поместиться под одной кровлей. В этих случаях семья разбивалась на более мелкие семьи и группа таких семей, находившихся под главенством одного лица, составляла то, что принято называть родом»⁴.

¹ White J. Marx and Russia: The Fate of a Doctrine. London, 2019. С. 34–39.

² Ковалевский М. М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения: общинное землевладение в колониях и влияние поземельной политики на его разложение. М., 1879.

³ Указ. соч. С. 18–20.

⁴ Пекарский Э. К. Указ. соч. С. 17–18.

В своей основе клановая система гарантировала равенство между всеми членами клана. Таким образом, титул главы рода («тойона») получал человек, призванный выполнять определенные функции. Титул тойона не передавался по наследству его ближайшим родственникам, статус семьи тойона не отличался от статуса остальных семей рода. «Особенность якутского родового быта состоит в том, что не только глава рода считал всех, находившихся под его властью, своими детьми, даже когда в состав рода входили иноплеменники, но и род, со своей стороны, каждого из младших членов рода, в том числе и детей своего господина (тойона), считал своими детьми»¹.

Однако тойоны разных родов постепенно превращались в настоящих аристократов, отделенных от тех слоев населения, которые составляют «народ», согласно Пекарскому. После объяснения о развитии родовой системы до «прихода русских», Пекарский переходит к описанию политического закрепления российской имперской власти. В этом контексте он различает действия центральных властей и действия местных административных сил, говоря, что центральная власть в XVIII веке приняла меры по защите якутского покоренного населения от злоупотреблений местных чиновников и купцов, то есть играла положительную роль. Кроме того, известно, что в рамках реформ Михаила Сперанского в 1820-х гг. предусматривалось закрепить самоуправление якутских родов в имперском законодательстве². Пекарский заявляет, что родоначальники тогда сохранили свою должность, но преследовали прежде всего свои собственные интересы. Тем не менее, интересно заметить, что поведение родоначальников объясняется стремлением к потерянной «независимости», пусть даже в ущерб самому народу. «Мы позволили себе сделать эти выписки (...), чтобы отметить любопытный момент в истории якутского самоуправления. Идея «независимости», очевидно, сильно бродила в умах самых влиятельных родоначальников (...) Несомненным их стремлением было – захватить власть в свои руки»³.

¹ Пекарский Э. К. Указ. соч. С. 19.

² Дамешек Л. М., Ремнев А. В. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 230–231.

³ Пекарский Э. К. Указ. соч. С. 39.

Нет сомнения в том, что Эдуард Пекарский упрекает родоначальников в жажде власти. Однако можно заметить, что он связывает эту жажду не только с характеристикой аристократии, но и также с проблемой «независимости» от Российского устройства. Пекарский одновременно оправдывает действие Российского государства, но подчеркивает существование идеи о «независимости» среди якутов. Можно полагать, что он тем самым ссылается на альтернативное для той эпохи понимание имперской ситуации в якутии.

2.2. Владимир Иохельсон и землепользование

Статья Иохельсона представляет собой другое направление в обсуждении родового быта якутского населения, а именно, наблюдение за землепользованием. Владимир Иохельсон изучает «развитие земледелия в Якутской области», следуя за эволюционистской точкой зрения эпохи, согласно которой формы экономического производства чередуются, начиная с присваивающих практик и выходя на якобы самую высшую стадию эволюции: оседлый образ жизни. По этому поводу он считает печальным тот факт, что центральное государство не прокладывало нормального пути к привитию земледелия в Якутском крае. Согласно Иохельсону, государство руководствовалось лишь выгодой самого государственного аппарата, как, например, создание сети магазинов или «улучшение путей сообщения».

Итак, очевидно, что для Иохельсона земледелие – прогресс по сравнению со скотоводством, которое составляет тип экономического производства в регионе. Однако он думает, что земледелие среди якутского населения должно применяться в качестве дополнительного средства существования, с учетом местного образа жизни. «При теперешнем положении скотоводства бедный якут *должен* (курсив у автора. – М. М.) сеять (...). Земледелие является подсобным промыслом, наиболее желательная форма земледелия должна быть мелкая, натуральная; к нему должен быть привлечен только свободный от сенокосения труд, так, чтобы каждый хозяин, где это возможно, засеивал клочок земли сообразно потребностям семьи. Такое земледелие имеет массу преимуществ перед земледелием крупным, рассчитанным на сбыт»¹.

¹ Иохельсон В. И. Указ. соч. С. 102.

Иохельсон думает, что «подсобное» земледелие, то есть «скотоводство и полеводство в совокупности»¹, включает в себе лучший способ для возмещения потери скотины у якутов. Он не считает, что необходимо заменить скотоводство земледелием. Он даже думает, что в неких обстоятельствах, «род» или «общинно-родовой строй» могут защищаться от обеднения: «При известном согласии и солидарности между членами общины или рода, артель земледельцев в состоянии даже производить такие улучшения (...). Такому обобществлению труда вполне благоприятствует общинно-родовой строй якутов, их рассудительность и способность понять пользу, в какой бы форме она не явилась»².

В архивах мы нашли еще фрагмент, где Владимир Иохельсон отрицает чистый эволюционизм, говоря, что на севере Якутской области более выгодная система пропитания является «смешанной»: «При рыбном промысле у большинства якутов имеется скот и то или другое количество оленей. Неудача в одной хозяйственной отрасли вознаграждается обыкновенно другой отраслью. Таким образом, пропитание жителей более обеспечено, чем оно бывает у рыболовов, скотоводов или оленеводов по преимуществу. Эти смешанные хозяйства якутов довольно интересны, доказывая, как это племя умеет приспосабливаться ко всяким условиям»³.

В качестве вывода можно сказать, что переписка Статистического комитета с губернатором и разными лицами свидетельствует о долговременной деятельности будущих членов экспедиции Сибирякова по изучению местной жизни Якутской области. Эдуард Пекарский и Владимир Иохельсон не отрицают легитимности имперского устройства как такового. В сотрудничестве с государственным изданием их интерес к народной жизни теряет всякий оппозиционный оттенок. Но на примере коротких примеров, которые мы взяли из статей Пекарского и Иохельсона, можно было увидеть, что они смотрят на жизнь якутов как на автономную жизнь, не совсем зависимую от того, что могла бы приносить империя как представитель якобы более цивилизованного народа. Якутское общество имеет собственные элиты

¹ Иохельсон В. И. Указ. соч. С. 105.

² Там же. С. 102.

³ НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 12. Д. 299. Л. 112.

и определенный тип экономического производства, на который якутское население может положиться. Можно тогда предположить, что Пекарский и Иохельсон не интересуются жизнью якутского населения в том аспекте, который интересует Иннокентия Сибирякова с его рассуждениями о «вымирании».

УДК 947.073

Сальникова Е. С., Иркутск

Из истории повседневной жизни ссыльных: маршрут следования и занятия в местах отбывания ссылки во второй половине XIX в.

Аннотация. В России к XIX веку сформировалась особая система приема, отправления и препровождения ссыльных к месту отбывания наказания, которая была определена законом, установленным в «Уставе о ссыльных». Их путь занимал иногда от года до двух лет (пока не был открыт железнодорожный путь по Транссибу). Этапные партии ссыльных являлись особым миром со своими писанными и неписанными законами. Положение ссыльных после их распределения в различные районы Восточной Сибири для отбытия наказания было очень сложным. Единственными занятиями для них было сельское хозяйство, ремесло, промыслы.

Ключевые слова: ссылка, «Устав о ссыльных», уголовные ссыльные, путь следования, конвой, поселенцы, сибирское сельское хозяйство.

Salnikova E. S., Irkutsk

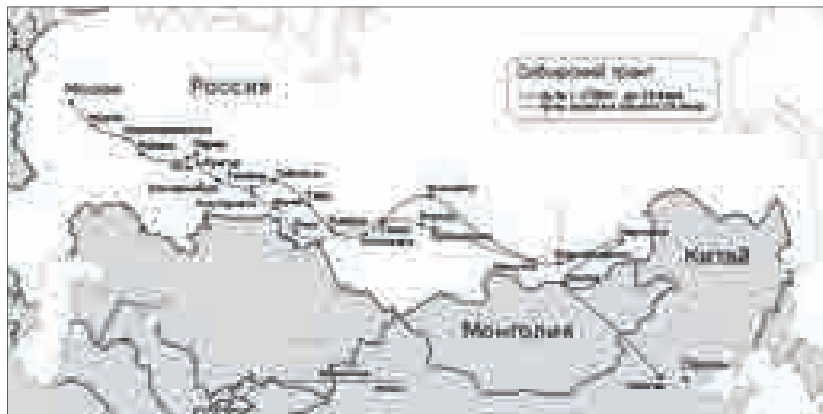
From the history of everyday life of exiles: the itinerary and the activities in places of serving exile in the second half of the XIX century

Summary. By 19th century in Russia there was a special system of the reception, departure, and commitment of the exiles. Their itinerary to the detention facility took sometimes from one year to two (before the becoming The Trans-Siberian Railway). The

exiled lot represented a particular word with their own laws. For example, the political exiles had some preferences and were the centerpiece. The situation of the exiles after their distribution to various regions of Eastern Siberia was very difficult. The only their occupations were agriculture, and crafts.

Keywords: exile, political exiled, criminal exiled, itinerary, convoy, agriculture, Charter on exiles, settlers.

В России к середине XIX в. сложилась целая система приема, отправления и препровождения ссылных. Их путь к месту поселения или каторжных работ занимал иногда от года до двух лет. Маршрут следования был установлен «Уставом о ссылных», который являлся законом, регламентирующим ссылку в Сибирь. Центральными пересылочными пунктами была Москва, Казань, Нижний Новгород, Пермь, Тобольск (позже Тюмень), Томск, Красноярск, Иркутск.

До 1858 г. существовал только один способ передвижения ссылных – пеший. С начала 60-х годов XIX в. партии ссылных стали отправлять по железной дороге, на баржах и пароходах. Из Москвы ссылные следовали поездом до Нижнего Новгорода (410 верст = 437 км) почти сутки. Здесь вагоны отцепляли от локомотива и дальше лошади везли их до пристани, где вагоны грузили на баржу. Погрузка шла в определенном порядке: сначала ссылнокаторжных, потом уголовных и затем

административных ссыльных. Баржу буксировал пароход, она следовала до Перми, в течение пяти суток. (Приложение № 1).

На палубе была устроена кухня, умывальник. Здесь же был вход в каюты, которые напоминали большие камеры. Партия обычно состояла из 500 человек, из которых около 40 человек были политические.

С прекращением навигации осенью и зимой путь арестантов лежал по почтовой дороге, на лошадях. Зимний путь обходился дороже, чем пароходный.

Далее ссыльные с Перми сутки ехали по Уральской железной дороге до Екатеринбурга (в 1885 г. железная дорога была проложена до Тюмени). Дорогу до Тюмени арестанты преодолевали на подводах, небольшими партиями, ежедневно отправлялось 20 повозок. В ней помещалось 6 человек уголовных с одним конвойным.

По пути следования арестантов, в 15–20 верстах друг от друга, располагались большие, мрачные здания, это были этапы для ночевки, в зданиях поменьше были устроены полуэтапы для дневки. На этапах находились казармы для солдат, конвоирующих арестантов, квартиры для офицеров. Во время остановок меняли лошадей, и на это время, во двор пускали крестьянок, у которых ссыльные могли покупать недорогую провизию. Партия проходила в день 15–20 верст, и дорога занимала четыре дня. На полуэтапах партия только ночевала, а утром следующего снова отправлялась в дорогу и уже на другом этапе отдыхала целый день, таким образом, каждый третий день для партии ссыльных устраивался отдых.

Тюмень для ссыльных имела важное значение, здесь их распределяли по городам и населенным пунктам Сибири, в особом учреждении, именуемом «Приказ о ссыльных» – распределительный и учетный пункт для арестантов, ссылаемых в Сибирь на поселение и каторгу. Приказ имел полномочия по установлению норм довольствия ссыльным и военнослужащим, а также утверждал выбор старосты.

Здесь составлялись особые статейные списки, заполненные по особой форме, как того требовал циркуляр МВД от 21 мая 1868 г. [3, ст. 25]. В списках указывалось семейное положение, сведения о судимости каждого, о выданных вещах, все было подробно расписано, в какие работы он назначен, т. е. рудники,

крепости или заводы и на какой срок. О тех, кто был сослан на поселение, в списках указывалось, куда должен был следовать, в отдаленнейшие места Сибири или места не столь отдаленные. При приеме сверялись приметы ссыльных со статейными списками, все эти сведения были необходимы во избежание неправильной заковки в кандалы, бритье голов и пр. Эти сведения посылались по почте из мест отправления арестанта в Тюменский приказ

В Тюменской тюрьме скапливалось значительное число арестантов, ожидавших дальнейшей отправки в различные районы Сибири. Здесь большая часть ссыльных дожидалась навигации, чтобы отправиться дальше до Томска. Отправка происходила один раз в неделю на барже, дорога занимала 8–12 дней. На этом пути арестанты часто умирали, особенно дети, так как условия содержания были ужасные, хотя на барже находился врач и фельдшер [1, с. 92].

Путь от Томска до Красноярска составлял 500 верст, это расстояние партия преодолевала пешим ходом в течение месяца, из них 20 дней в пути (по 17 верст в день), 10 дней – на дневках. Вся дорога по Восточной Сибири для ссыльных осуществлялась пешим порядком круглый год. Из Томска еженедельно по понедельникам отправлялись партии в 300–500 человек. Инstrukция обязывала не задерживать арестантов в пути, так как любая задержка была сопряжена с излишними расходами для казны [3, ст. 14].

Согласно статье 281 Устава о ссыльных, в Иркутске заканчивался прием ссыльных. Дальше отправляли лишь в Забайкальскую область, на каторжные работы. Но задержка в Иркутске не должна была составлять больше 6 дней.

Передача арестантских партий одним конвоем другому производилась накануне дня их отправки по этапу, рано утром, с таким расчетом, чтобы достигнуть ночлега до наступления сумерек. Впереди партии шли ссыльнокаторжные в ручных и ножных кандалах, в середине ссыльнопоселенцы без ножных оков, но прикованные по рукам к цепи по четверо, далее шли ссыльные на каторгу женщины, а в конце, обоз с багажом, большими, женами и детьми, следующими добровольно за мужьями.

Все арестанты, приговоренные по суду на каторжные работы, а также бродяги, должны были быть постоянно закованными в

кандалы. Кандалы весили 10 фунтов (4,5 кг), на каждую ногу надевали по большому железному кольцу, от этих колец шли две цепи, состоящие из маленьких колечек, которые прикреплялись к ремню, заменяющему арестанту пояс. (Приложение № 2). Из этого правила исключались лица привилегированных сословий, женщины и малолетние дети. Ссылные, осужденные не за тяжкие преступления, следовали без оков, но в железных наручниках. Ссылные, которым по суду не полагалось телесное наказание, следовали без всяких оков. Кроме этого, ссылные мужчины, лишённые всех прав и состояния, а также бродяги, отправлялись по этапу с выбритой правой половиной головы [3, ст. 70].

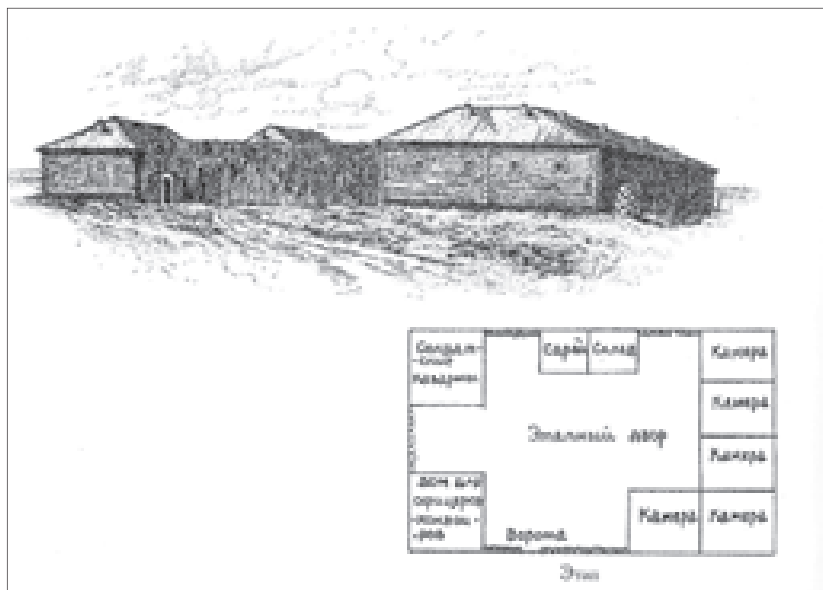
По закону с арестантов, прибывающих в острог и в центральные тюрьмы, немедленно снимались кандалы. Из этого числа исключались лица, осужденные за убийства и те, которые совершили преступления во время пути. С кандалами выдавались обязательно подкандалники и подвязки, чтобы они не натирали ноги. Оковы не подгонялись, они изготавливались трех размеров: на большой рост, средний и малый.

Но в Сибири уже не было цепей, сковывающих группы, арестантов здесь никогда не заковывали, как в Европейской России, чем дальше в Сибирь, тем ссылные чувствовали себя свободней. В Иркутске кандалные партии, как только покидали город, снимали кандалы и помещали их в мешок, офицеры, сопровождавшие их, понимали: чем больше свободы, тем арестанты лучше себя ведут [4, с. 150].

В инструкции главное место отводилось одежде ссылного. Состояние одежды и обуви проверялось в пересыльной тюрьме в каждом губернском городе. Для этого составлялась записка по особой форме: вид одежды, какой срок она должна служить, дата изготовления, стоимость. Смена старой на новую должна была производиться только в связи с негодностью старой. В случаи утраты или порчи одежды, инструкция предусматривала расследование, где и по какой причине это произошло. «Но арестантам из привилегированных сословий, отправляемых на поселение, а также лицам простого звания, не лишённых по суду прав, если у них есть собственная одежда, казенной не выдавать» [3, ст. 34]. Лица же ссылаемые на каторжные работы и

на поселение, но лишённые всех прав, не могли иметь собственную одежду.

Накануне выступления ссылные снабжались полным комплектом сезонной одежды и обуви. Также каждому разрешалось брать с собой от 30 фунтов до 5 пудов вещей, в зависимости от тяжести приговора.

Этап под Иркутском

Одежда для ссылных состояла из шапки, штанов, рубахи, кожаной обуви, халата, на который пришивался четырехугольный лоскут желтого цвета, у следующих на каторжные работы их было два, у следующих на поселение – по одному. На халате также еще обозначались буквы губернии, где он был выдан. Ссылаемым на жительство одежда выдавалась без нашивки (арестанты называли эту нашивку бубновым тузом).

В Сибири в пересыльных тюрьмах в зимнее время выдавали больше казенных вещей: треух, халат, штаны, варежки, сверху кожаные рукавицы, две рубахи, двое подштанников, бродни (особого рода сапоги). Женщинам суконные юбки, треух, халат, штаны, белье [4, с. 148]. Шубы, изготовленные для ссылных,

выдавались, только по состоянию здоровья и должны были сопровождаться медицинским заключением.

Управление Иркутской губернии ежегодно устраивало торги, по производству арестантской одежды. Пытаясь сэкономить, оно выдавало подряды тем купцам, которые предлагали за изготовление меньшую сумму. Например, если в 1860 г. на производство одного комплекта одежды подрядчики предлагали 9 руб. 23 коп., то в 1864 г. – уже 6 руб. 68 коп. [10, с. 34]. Таким образом, чтобы не упустить столь выгодный заказ, они шли даже на занижение цены (трудно предположить, что за 4 года могли так снизиться цены). В итоге купцы выигрывали за счет увеличения объемов: так, если в 1860 г. они выполнили заказ на 1300 комплектов одежды, то в 1864 г. – уже на 1663.

Изготовление одежды для ссыльных обходилось государству недешево, поэтому особо проверялось наличие, утрата или ветошь арестантской одежды. На утраченную одежду составлялся акт, который представлялся в Енисейскую экспедицию о ссыльных, и она проводила расследование, на каком этапе утрачены вещи, а затем следовало взыскание стоимости с виновного конвойного начальника, допустившего эту утрату. Арестант подвергался наказанию в установленном порядке (это были телесные наказания). Накануне выступления ссыльные снабжались полным комплектом одежды и обуви в зависимости от сезона.

Несмотря на все строгости мер, предпринимаемых для сохранности арестантской одежды, ее часто продавали, чтобы выручить деньги. Покупали ее те же арестанты, которые занимались торговлей или тюремные солдаты, или крестьяне. Тулуп стоил от 60 копеек до 3 рублей, бродни – 30–50 коп., халат – 30 коп., кожаные рукавицы шли за 20 коп. [4, с. 149].

Питание в длинной дороге к месту ссылки составляло одну из главных проблем арестантов во время пути. На основании утвержденного мнения Государственного Совета от 4 мая 1864 г. арестантам во время пересылки к месту назначения отпускались кормовые деньги: «лицам высших сословий и принадлежавшие к оным до осуждения по 15 копеек, а лицам прочих сословий по 10 копеек в сутки» [3, ст. 46]. Собственных денег ссыльным иметь не разрешалось, они изымались у них во время отправки в Сибирь и отсылались в то губернское правление,

куда следовали ссыльные, и они получали их по прибытии на место поселения.

Кормовые деньги выдавались во время остановок в пути, во время дневок на этапах, при задержках в губернских городах, вследствие непредвиденных препятствий. В остальных случаях на деньги арестантов конвойная команда производила закупку продовольствия, и пища готовилась на всех. Кормовыми деньгами распоряжалась стража, которая сопровождала ссыльных.

Лица, принадлежавшие до осуждения к привилегированным сословиям, ссыльные «иноверцы», а также добровольно следующие за мужьями жены и их дети, получали кормовые деньги на руки, даже в тех местах, где питание арестантов производилось из общего котла. Стоит отметить, что этих денег всегда не хватало. Дополнительным источником доходов, кроме продажи арестантской одежды, служило подаяние. В России издавна подаяние колодникам считали обязательным и богоугодным делом. «Нам в повозки бросали шаньги, булки, калачи, яйца. Даже тогда, когда нас везли на тройках и величали «дворянами». На всем пути от Томска следовавшая вместе с нами уголовная партия пела в деревнях и городах «милосердную» и ей подавали еще более, чем бросали нам», – вспоминал в своих очерках ссыльный поляк В. Серошевский [8, с. 206]. Подаяние делили между всеми арестантами специально выбранные для этого люди старосты.

Солдаты, сопровождающие партии ссыльных, смотрели на эту командировку как на время отдыха, когда можно на свободе, вдали от надзора повеселиться и погулять. Конвой и партия соглашались, что они не будут особенно требовательно следить за ссыльными, и они покупали алкоголь, ходили в кабаки, играли в карты и пр. Это выливалось в кутежи, пьянство как солдат, так арестантов, до тех пор, пока не сменится конвой, а там – новое соглашение. «Надо отдать справедливость солдатам, по части разгула они далеко оставляли за собой арестантов. Вряд ли можно строго относиться к ссыльному за такое поведение в пути. Люди, которым долго, иногда по несколько лет в острогах все запрещалось, естественно предавались радости при первых признаках свободы» [9]. Сопровождающие выдавали ссыльным кормовые на несколько дней вперед, чаще до смены конвоя, эта была одна из льгот, которая допускалась ими. Ссыльные очень

быстро тратили эти деньги и потом голодали в дороге, продавали казенные вещи и воровали у крестьян.

Офицеры, сопровождавшие арестантские партии, которым подчинялись солдаты, старались не злоупотреблять своей властью над уголовными ссыльными, но с солдатами они действовали наоборот: пропивали солдатские деньги, заставляли их работать на себя. Это объяснялось тем, что за малейшее нарушение прав уголовных ссыльных, полагавшимся им по закону и по установившимся обычаям, арестантская партия могла бы отомстить, причинив офицеру массу неприятностей. Поэтому офицеры никогда не вмешивались во внутреннюю жизнь уголовных ссыльных и предоставляли им определенную свободу, за одним исключением – побегов.

Офицеры смотрели сквозь пальцы на нарушение арестантами инструкций. Так, удалившись на несколько верст от Томска, пересыльные не только шли без кандалов и не брились, но и на этапах играли в карты, пили водку. Зато в огромной партии закоренелых преступников, в несколько сот человек, которые конвоировались небольшим взводом солдат, за весь огромный путь, который длился несколько месяцев, очень редко случались побеги, потому что артель не допускала этого. Она же следила и за внутренним порядком, чтобы не давать конвою повода вмешиваться в жизнь партии. Также редко случались драки и ссоры, которые пришлось бы разбирать конвою. Таким образом, происходило взаимное молчаливое соглашение между конвоем и арестантами.

Следуя к месту назначения, ссыльные, как правило, устраивали самостоятельную артель. Она существовала во время всего этапного пути, проходившего через Сибирь. Артель была придумана давно и свято соблюдалась всеми арестантами, такую артель любили и без нее не ходили по этапам. В сформированной еще в Тюменском приказе партии назначался староста, был здесь и откупщик, майданщик.

Созданию артели предшествовали торги, они проводились по отдельным статьям: 1. содержание водки, 2. содержание карт, 3. питание, 4. одежда. К торгам допускались все, но выигрывал тот, у кого были деньги, и для кого торговое дело являлось знакомым. Откупные статьи покупали один-два человека, но, если шла большая партия (более 100 человек), торги станови-

лись дробными. Они проводились не на всю дорогу, а только от города к городу, т. е. где партии разделялись.

Так, например, в Иркутске в 1862 г. майданщик за право торговли платил 17 руб. в месяц. У него был в городе подрядчик, который доставлял в острог продукты. Чтобы покрыть свои затраты, он содержал майдан т. е. игорный стол, майданщик имел несколько колод карт, и брал с выигравшего проценты. У майданщика всегда был табак и водка в три раза дороже, чем на воле [4, с. 137]. Заплатив несколько рублей, а иногда десятков рублей за право торговли, майданщик обязан был иметь товар по первому требованию арестантов. Часть денег, полученных от майданщика, делилась между ними поровну, другая, меньшая, отдавалась на руки казенному старосте. На эти деньги он покупали различные льготы у этапных начальников (офицеров или унтер-офицеров): например, право пропеть «Милосердную» и собрать деньги, право сходить в баню на этапе, иногда выкупаться в реке, сбежать в кабак майданщику, снять кандалы. Платили, чтобы идти впереди и занять место на нарах на этапе, чтобы нанять, помимо казенных подвод, на артельные деньги еще одну. Подводы брали в наем у этапных солдат и офицеров, которые их же и держали. Некоторые из них имели и кабаки.

Ссылных в Сибирь ссылали по четырем категориям: 1. ссыльнопоселенцы, 2. водворяемые рабочие, 3. сосланные на житье, 4. административные ссылные. Ссылка на поселение давалась за наиболее тяжкие преступления и была мерой пожизненной, с лишением всех прав состояния. Ссылка на водворение давалась за бродяжничество. По категории «сосланные на житье» шли лица привилегированных сословий. Административная ссылка была ссылка вне суда и имела два вида: по приговорам крестьянских обществ, за «порочное» поведение и по распоряжению властей, т. е. политические ссылные.

Основу всех партий составляли бродяги, как называли их на Руси «иваны, не помнящие родства». Некоторая часть исследователей считает, что большую часть бродяг составляли молодые люди, бежавшие от военной службы. На переключке в Тюмени характерны были имена бродяг: Иван Пострадавший, Петр По-терпевший, Семен Много-горе-видел, Хвостом на гору, Непомнящий. Любимыми фамилиями были: Алмазов, Бриллиантов, Львов, Орлов, Соколов, Бурин, Ветров, Скобелев, Гурко и т. п.

Бродяги были завсегдаятами сибирских тюрем, где они зимовали, а весной искали возможность, чтобы отправиться на вольное поселение. В тюрьмах они были хозяева положения. Частенько небольшая группа «иванов» держала в страхе и трепете и партию, и тюрьму. Бродяги вообще являлись сущим наказанием каждой партии, по преимуществу испорченные, эти люди цепко держались один за другого и составляли в партии государство в государстве [7, с. 12].

Бродяги были царьки в арестантском мире, они вертели артелью, как хотели, потому что действовали сплоченно. Они занимали все хлебные, доходные места, они были старостами, поварами, хлебопеками, больничными служителями, майданщиками. В качестве старост, они не давали кормовых, продавали места на подводах, в качестве поваров крали мясо из общего котла.

Благодаря хорошей организации, они всегда имели места на нарах. Староста из бродяг (его по обычаю всегда пускали на этап раньше других) еще до окончания поверки для своих товарищей занимал лучшие места в этапных помещениях, а каторжные и поселенцы ютились, большей частью, на голом полу. Такой порядок сохранялся до конца XIX в., пока бродяг по распоряжению правительства не стали ссылать на остров Сахалин, куда существовал другой путь отправки.

Устав о ссыльных не только определял маршрут следования, но и разрабатывал вопросы по трудоустройству ссыльных в местах их поселения. В уставе (в статьях 248, 249, 592 и др.) в точности определялись те виды занятий, которые должны были быть предоставлены ссыльным. Это работа на заводах, в особых ремесленных домах, занятия сельским хозяйством, общественные работы или же работа на золотых приисках (ст. 883).

Что же происходило в действительности? Ремесленных домов в Сибири не существовало, заводов было мало, да и там не было свободных рабочих мест. Поэтому большинство ссыльных причислялось в сельскую местность, в деревни к старожилам. К этой категории ссыльных относились ссыльнопоселенцы, бродяги и после отбытия каторги.

Прибывшие в деревню на водворение ссыльные, которые намеривались воспользоваться по закону наделом, обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. После ряда

проволочек, старостам селений приходилось предоставить землю поселенцам. Усадебная и огородная земля отводилась обыкновенно в том же размере, каким пользовался каждый крестьянин данного села. При этом ссылным доставались крайние и худшие участки земли. Надо было приложить много труда, прежде чем привести их в порядок и получить урожай. Покос, выгон, лесные угодья предоставлялись им в общее пользование с прочими старожилами.

Из пришедших ссылных брали наделы далеко не все, а их меньшая часть. Препятствием для ссылных к занятию земледелием являлась крайняя ограниченность материальных средств или их полное отсутствие. Для того чтобы приступить к земледелию, надо было купить лошадь, по крайней мере одну корову, завести соху, борону, телегу, сбрую и, наконец, поставить или купить избу. Даже при дешевизне сибирских цен на скот и лес, на все это необходимое требовалось, в самом лучшем случае, не меньше 50 рублей, число счастливых, обладающих такой суммой, среди ссылных было самое ничтожное. Примером положения ссылных в местах причисления может служить произведенная перепись в 70-х годах XIX в. в волостях Енисейской губернии. Семейных среди ссылных – 44 %, домовладельцев – 22 %, 57 % считались в отлучках и только 43 % налицо. Из числа последних: старых и увечных 15 % и нищенствующих – 7 % [11, с. 265].

Многие ссылные оставались в местах не потому, что имели склонность к оседлой жизни и работали над упрочением своего благосостояния, а исключительно в силу физического состояния. Сюда относились прибывшие в ссылку дряхлые и больные, которые не могли передвигаться на далекие расстояния, также ссылные, которые в местах причисления, по разным причинам (лень, отсутствие сил или средств и т. п.) не устраивались никак и не искали заработков, а предпочитали ходить по дворам и питаться подаванием. Количество таких ссылных было достаточно большое: в Енисейской губернии за 1892–1896 г. – 4,6 %, из проживающих в местах причисления, в Иркутской губернии – 5,1 % [6, с. 183].

После земледелия и скотоводства немалую роль в быту местного населения играли занятия промыслами и ремеслами. Согласно Уставу, заниматься торговлей и промыслами ссылные

могли не раньше 3-х лет со дня водворения. В Енисейской губернии, примерно 19 % старожилов были занятых разными промыслами и ремеслами. Среди ссыльных было около 25,3 % мужчин, которые занимались таким занятием, т. е. ссыльные были больше заняты промыслами, чем старожилы. Это явление вполне объяснимо: у сибирских крестьян главным делом было сельское хозяйство, которое шло у них достаточно успешно, а промыслы и ремесла являлись побочным. Между тем большинство ссыльных, не имея земли, искали себе другой источника существования. И в Иркутской губернии ремеслами и промыслами занимались 23 % крестьян, а ссыльных – 29,1 % [6, с. 185]. Важнейшими сибирскими промыслами являлся извоз, лесные промыслы, охота и рыболовство.

Уставом о ссыльных предполагалось, что основным занятием поселенцев должно было быть сельское хозяйство, но в действительности все складывалось по-другому: не найдя возможности устроиться в деревне, они нелегально перебирались в города Сибири. По закону в города водворялись лишь ссыльные двух категорий – сосланные на жительство и административно-ссыльные из мещан. На самом деле, города края страдали от переполнения ссыльным элементом. Именно ссыльные были здесь источником уголовной преступности, и бороться с ними полиция было не всегда под силу.

Развитие Сибири поставило на первый план вопрос об отмене уголовной ссылки. Бесперывный значительный наплыв уголовных преступников представлял весьма существенный тормоз для нормальной экономической и общественной жизни. «Перед вопросом о ссылке бледнеют все остальные вопросы сибирской жизни... Лучше жить среди осажженного города лицом к лицу с врагами, чем среди общества, непрерывно пополняемого потоком преступного населения» [2]. 12 июня 1900 года был издан закон об отмене ссылки в Сибирь для большей части осужденных.

Список литературы и источников

1. Белокопский И. П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни. Орел: Тип. Н. А. Семенов, 1887. 245 с.
2. Восточное обозрение. 1890. 6 мая.
3. Инструкция о порядке приема, отправления и препровождения ссыльных по Восточной Сибири. Иркутск: Губернская типография, 1876. 63 с.
4. Виллюец И. И. Арестанты в Сибири // Современник. 1863. № 11. С. 133–175.

5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 2. Д.178.
6. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии. Иркутск: Тип. Штаба, 1889. Т. 1. 190 с.
7. Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. СПб.: Тип. Н. Н. Клобукова, 1903. 386 с.
8. Серошевский В. Ссылка и каторга [Текст] // Сибирь. Ее современное состояние и нужды. Сборник статей. СПб: Типография Стасюлевича, 1908. С. 196–233.
9. Сибирь. 1885. 15 июня.
10. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения / Под ред. А. П. Саломона. СПб.: Тип. СПб. тюрьмы, 1900. 339 с.
11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Изд. 2-е исп. и доп. СПб.: Изд-во И. М. Сибирякова, 1882. 474 с.

Научные проблемы изучения ссылки поляков в Сибирь

УДК 947.073(571.5)

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-47-62

Гулин А. С., Москва

К исследовательской проблеме о численности сосланных в Восточную Сибирь в каторжные работы участников польского восстания 1863–1864 годов

Аннотация. В статье предпринят опыт анализа статистических данных о политических ссыльнокаторжных, сосланных в Восточную Сибирь по польскому восстанию 1863–1864 гг., и определения их количественного состава.

Ключевые слова: политические ссыльнокаторжные-участники польского восстания 1863–1864 гг., статистика сосланных в каторжные работы, С. В. Максимов, «Сибирь и каторга», III отделение с.е.и.в. канцелярии, Восточная Сибирь, Иркутская губерния, Забайкальская область.

Aleksey S. Gulin, Moscow

To the research problem of the number of the participants in the Polish uprising of 1863–1864 who were exiled to Eastern Siberia for hard labor

Abstract. The article deals with the analysis of statistical data on political exiles exiled to Eastern Siberia after the Polish uprising of 1863-1864, and the determination of their quantitative composition.

Keywords: political exiles-participants in the Polish uprising of 1863–1864, statistics on those sentenced to hard labor, S. V.

Maksimov, «Siberia and katorga», III Section of his Imperial Majesty's own Chancellery, Eastern Siberia, Irkutsk province, Trans-Baikal Region.

Сложнейшая исследовательская проблема о числе сосланных в Сибирь участников польского восстания 1863–1864 гг. до сих пор является неразрешенной и как бы отложенной на неопределенный срок до лучших времен. Но абсолютно невозможно внятно и четко что-либо утверждать относительно сибирской ссылки вышеназванных инсургентов, не опираясь на более или менее добротную статистику. Отсутствие таковой или отсутствие согласия между исследователями по достоверности статистических данных, приведенных тем или иным автором, расхождения, порой очень резкие и неоднозначные, не позволяют уверенно продвигаться вперед в нужном направлении на пути к исторической истине.

Чтобы понять глубину и неординарность этой проблемы достаточно обратиться к работам авторов, касавшихся этого вопроса: С. Ф. Коваль, Н. П. Митина, Л. П. Роцевская, Г. Скок, С. Стшижевская, В. Сливовская и др. Подробно проблематика и историография количественного состава польских ссыльных по Январскому восстанию 1863 г. рассмотрена в статьях Б. С. Шостаковича и А. А. Иванова, к которым мы и отсылаем читателя [16; 21]. А. А. Иванов, рассматривая историографию этого вопроса, заметил: «...настоящая научная проблема до сих пор далека от своего решения, значительная «разноголосица» итоговых цифр – отражение весьма сложной (а нередко противоречивой) источниковой базы проблемы» [16]. Каждый автор прежде всего предается критике и ревизии статистики С. В. Максимова. Тем не менее, так или иначе, какой бы критике не подвергалась эта статистика о количестве ссыльных участников польского восстания, опубликованная беллетристом-этнографом С. В. Максимовым в его знаменитом труде «Сибирь и каторга» [18], по сию пору, вот уже в течение 150 лет она по-прежнему незыблема, все еще остается и является основой и отправной точкой для всех исследователей польской ссылки указанного периода.

Так как данная статья посвящена в первую очередь статистике польских инсургентов сосланных в каторжные работы, то мы оставим за горизонтом нашего внимания работы авторов, писав-

ших в целом о количественном составе ссыльных по польскому восстанию, и обратим взор свой лишь на тех, кто писал именно о ссыльнокаторжных. К таким авторам, в первую очередь, относится сам С. В. Максимов и польский историк Г. Скок. С ними, отчасти, можно отметить и польского историка С. Стшижевскую, хотя ее статья касается исключительно численности сосланных в Сибирь из Царства Польского, в том числе и на каторгу, но в ней очень важно то, что сверка данных польских архивов, собранных автором, с «Перечневой ведомостью о числе политических преступников, сосланных из Царства Польского в Империю – на жительство, в арестантские роты и на общественные работы с содержанием при арестантских ротах, в Сибирь – на поселение и в каторжные работы; а также возвращенных на родину и умерших в ссылке, со времени высылки этих преступников по июнь месяц 1867 года» [1, л. 1–7 об.] начальника варшавского жандармского округа свиты его величества генерал-майора Восточной Сибири с 1873 по 1879 гг., по мнению автора, вполне сходны [20, с. 129] с данными польских архивов, что подтверждает определенную точность и достоверность статистики этого официального документа, к которому мы обратимся ниже.

Остановимся на главных пунктах преткновения статистики С. В. Максимова:

1. Сам Максимов предупреждает читателя, что в статистических данных отсутствуют те, кто были отправлены вначале ссылки, в горячую пору, иной раз без каких-либо документов;
2. Статистика страдает арифметическими неточностями;
3. Крайняя дата статистических данных, представленных автором, о которой он корректно упоминает, 20 декабря 1866 г., в то время как ссылка польских повстанцев продолжалась и в 1867, и в последующие годы.

Рассмотрим эти пункты.

1. Предупреждение автора о сосланных как попало, без документов, в горячую пору мало касалось сосланных на каторгу. Из высланных во Владимирскую следственную комиссию, из более чем 2000, только 8 человек были осуждены на каторгу [20, с. 129]. Или, к примеру, из собранных нами персональных данных видно, что Викентий Улас был доставлен в Тобольск с открытым листом начальника Новоградской команды внутрен-

ней стражи, где было сказано, что Улас следует в каторжную работу в рудники без срока [12, л. 469–469 об.], и все, но таких были единицы. Другое дело, что в суматохе дел многие из повстанцев-каторжан были высланы из Тобольского приказа без статейных списков или с неполными данными в статейных списках, неверно распределены в партионных списках, были искажены их фамилии и т. д. Но данные Максимова касаются высланных не из Тобольска, а в Тобольск, и их относительно этого вопроса следует принимать, как довольно точные, но не лишённые, естественно, как и любая статистика, погрешностей. В них можно сколько угодно сомневаться, но противопоставить им что-либо убедительное пока нечего.

2. Замеченные внимательным читателем арифметические неточности у Максимова в статистике каторжных, к примеру: из 3894 сосланных на каторгу автор рассматривает по сословиям 3399 человек (дворян – 1699, духовных – 98, мещан – 676, крестьян – 705, солдат – 212 [18, с. 181]), а в итоге при сложении получается 3390. Можно похулить автора, но существенно ли эта ошибка исказила статистику? Почему автор рассматривает 3390 из 3894? Ответ простой – отсутствие данных. И не всегда из-за попустительства бюрократии, а по причине сокрытия сведений о себе осужденных: известный факт, что большое число повстанцев шло в ссылку под вымышленными именами или с фальшивыми паспортами. Все эти проблемы отражены в документах восточносибирской администрации, и до конца ссылки все еще собирались сведения о сосланных польских инсургентах, уточнялись или разыскивались статейные списки, особенно в первые годы их массового наплыва с 1864 по 1866 гг. К самой цифре 3984 мы вернемся ниже.

3. Теперь обратим внимание на дату 20 декабря 1866 г. Возникает логичный вопрос, почему не на 1 января или на 31 декабря? Что более очевидно, ответ таится в порядке отчетности, а именно, при знакомстве с отчетами Аудиторского департамента военного министерства. Отчеты о военно-судных делах стекались в Главное Военное Судное Управление военного министерства, а Аудиторский департамент указанного министерства предоставлял ведомости о конфирмациях по ним в III отделение для доклада императору. Часть этих документов в копиях хранится в ГАРФ в фонде III отделения [3; 4; 5], однако в них отсутствуют

отчеты за конец 1864 г. и за весь 1865 г., как раз за тот период, когда была сослана огромная масса ссыльных. Отчеты за 1866 г. заканчиваются именно датой 20 декабря 1866 г. [4, л. 369–389], той, на которую указал С. В. Максимов, отсюда можно сделать вполне логичное предположение, что это как раз те материалы, которые и использовал автор или тот, кто помогал автору, тем более, что никаких иных схожих сводных данных с подобной датой нигде и никем до сих пор не обнаружено, а сводные отчеты Аудиторского департамента содержат все, что необходимо для составления подобной статистики. Последняя в этих делах ведомость по конфирмациям командующего войсками Киевского военного округа генерал-лейтенанта А. Р. Дрентельна от 13 сентября 1872 г. касается освобожденных от ответственности или бежавших за границу и осужденных заочно [5, л. 375–380]. Эти отчеты добавляют к данным Максимова некоторое число ссыльных, но кардинально ее не меняют. К концу 1866 г. спокойствие в Царстве Польском и Западных губерниях было восстановлено, и поток ссыльных многократно сократился.

Посему, по нашему мнению, к статистическим данным Максимова следует относиться прежде всего как к неполным, но достоверным данным, хотя бы потому, что они подкреплены документом, некогда обнаруженным и опубликованным в полном виде Г. Скоком в его монографии «Поляки на Байкале (1863–1883)». Мы же для иллюстративности и для подкрепления наших доводов тоже приведем здесь этот документ полностью. Эта таблица под заголовком «Распределение политических ссыльных в Сибири, поступивших туда с 1863 по 1867 год» [22, s. 108; 2, л. 365].

Таблица 1.

Копия

[Надпись карандашом: к делу о ссыльных. 5 апреля]

Распределение*

политических преступников в Сибири, поступивших туда с 1863 по 1867 год.

ВЫПУСК 9 (241)

	В ка- торгу	На по- селение	На житие		На водворе- ние	При- бывших добро- вольно	Всего
			По 35 ст.	Адм. поряд.			
В Тобольской	9	49	689	359	2377	618	4101
Томской	1	10	621	440	4305	929	6306

Научные проблемы изучения ссылки поляков в Сибирь

Енисейской	1	1690	21	60	1802	145	3719
Иркутской	3883	404	5	4	1	127	4424
Якутской	-	-	-	53	-	3	56
Всего	3894	2153	1336	916	8485	1822	18606

* Подлинное по приказанию г. Управляющего Отделением отправлено к флигель-адъютанту Горяинову 5 апреля 1867 г. [с 1866 г. – штабс-рот-мистр, флигель-адъютант военного министра Д. А. Милютин. – А. Г.].

При знакомстве с таблицей сразу же бросается в глаза ее почти полная идентичность со статистикой Максимова, а если обратимся к примечанию автора № 61 в книге «Сибирь и каторга»: «по Tobол. 4101, Томск. 6306, Енис. 3719, Иркутск. 4424, по Якутск. обл. 56» [18, с. 602], то обнаруживаем уже абсолютную идентичность. Из таблицы также видно, откуда есть упоминание С. Ф. Коваля об 11 ссыльнокаторжных, которые не поступили в Иркутскую губернию или Забайкальскую область. А как же быть с содержащимися в Енисейской губернии в Троицком солеваренном заводе, которые прямо из Красноярска, с 1865 г., не доходя до Иркутска, были отправлены туда, и общее число коих далеко превышало 100 человек? Общее же количество в 22 000 сибирских ссыльных по польскому восстанию [17, с. 43-46] – это гипотетическое предположение автора книги «За правду и волю», а не плод кропотливых и скрупулезных подсчетов. Когда авторы выдергивают из документов различные цифры и, манипулируя ими пытаются просто приумножить количество ссыльных аж до невероятных размеров, следует помнить, что ссыльный, обходившийся казне при этапировании почти что в один рубль в сутки: питание, одежда, кандалы, транспортные расходы, охрана и проч., требовал количественного учета. Могла быть путаница в категориях, местах назначения, в именах и сословиях, но количество было священно. Следуя традициям казнокрадства, требовалось бы не занижать, а наоборот надбавить, приписать количество ссыльных, чтобы списать побольше средств.

Фантазия же у авторов встречается разнообразного рода. Так, весьма поверхностными утверждениями страдает упомянутая ранее статья С. Стшижевской «Ссыльные участники Январского восстания», где автор, ничтоже сумняшеся, не изучив приговоров сосланных в каторгу, резюмирует, что в пер-

вых эшелонах в тяжкие работы шли «серые шинели», лица, попавшие в плен из повстанческих отрядов [20, с. 130]. Если к таким «серым шинелям» отнести ряд деятелей Народового Жонда: Витольда Марчевского, Николая Эпштейна, Сигизмунда Суминского и других; целую группу ксендзов; а также графов Эдварда Чапского, Романа Бнинского, братьев Михаила и Мечислава Виельгорских, князей Витольда и Николая Гедройцев, то, наверное, так оно есть. Просто же попавшие в плен шли, как правило, на поселение или в арестантские роты, на каторгу же, взамен смертной казни, отправлялись взятые с оружием в руках, участвовавшие многократно в стычках с войсками в разных мятежных шайках, принимавшие участие в грабежах, насилиях над мирными жителями и убийствах, даже причастные к организации жандармов-вешателей (карательных повстанческих отрядов), если о них не было сведений об участии в конкретных убийствах и грабежах, не всегда шли на каторгу, а отправлялись или на поселение, или в арестантские роты. В обязательном же порядке шли на каторгу бывшие и действительные, срочно и бессрочно-отпускные военные, принимавшие вооруженное участие в восстании, и т. д. и т. п.

Дальнейшее декларирование автором, что минимальный срок каторжных работ был равен пяти годам [20, с. 130], также далеко от истины, т. к. самый маленький срок каторжных работ для польских инсургентов, зафиксированный нами по данным из статейных списков Буйко Люциана и Шаповского Ивана равен 3 годам в заводы [15, л. 5–21 об.], а в целом довольно широко был распространен в приговорах срок каторги 4 года в заводы. Встречаются и экзотические сроки приговоров на 5,4 лет и 6,8 лет, где 5,4 производная от 8 лет каторги, а 6,8 от 10, сниженные в виде смягчения приговора несовершеннолетним на 1/3. Также и сроки 5, 7 и 9 лет каторги есть смягчение приговора на один год. Так сказать, «нормальный» срок каторги был кратен двум: 4, 6, 8, 10, 12, 20, исключение составлял в «нормальных» сроках нечетный срок 15 лет в рудники. Не уклоняясь далеко от темы, заметим, что проблема сословного и гендерного состава ссылнокаторжных по польскому восстанию требует отдельного исследования, и мы оставим ее в стороне.

Отважную попытку взять штурмом неприступный бастион статистики С. В. Максимова предпринял в свое время в упо-

мянутой выше монографии польский историк Г. Скок. Но изначально, имея статический взгляд на сибирскую ссылку, не полностью разобравшись в специфике движения и перемещений ссыльных, в общем-то талантливый историк совершил методическую ошибку, взяв в расчет собранные им в архивах разнородные статистические данные, отнюдь далеко не все, и простое сопоставление и сложение этих разных данных разных ведомств не дало исследователю желаемого результата, так что капитулировав, автор сделал печальный вывод, что с какого конца не подойди, – результаты везде будут разными, и вывод его повторяется исследователями словно мантра. Относительно темы нашей статьи автор не смог найти данных, которые бы подтвердили цифру Максимова, и сделал следующий обобщающий вывод: «Общее количество каторжников постоянно менялось. Оно увеличивалось систематически до весны 1866 г., когда приток их стал особенно велик. В конце 1864 г. в Восточной Сибири было 1418 заключенных, осужденных на тяжкие работы, в октябре 1865 г. – 2900, в конце 1865 г. – 3112, наконец, в апреле 1866 г. – 3894. С этого момента количество их уменьшалось, чему способствовали поочередные амнистии, в результате которых каторжники переходили в категорию сосланных на поселение, причем наибольшее значение имела амнистия 16 апреля 1866 г. Кроме того, количество заключенных уменьшается также вследствие побегов и смертей, хотя и происходившее падение численности было незначительным» [22, с. 112–113]. Завершающая фраза: «в апреле 1866 г. – 3894», где цифра просто взята автором у Максимова, так как ни одна статистика восточносибирской администрации не превышала цифры в более чем 3112 человек, упомянутых автором, а сама дата – такая фантазия автора для логического завершения излагаемого. Следуя тем же путем, буквально по пятам Г. Скока, мы таким же образом упирались в эту неразрешимую проблему, задаваясь вопросом, куда же делись остальные ссыльнокаторжные, пока не обнаружили те материалы, которые Скоку были неизвестны, и пока не изменили методический подход к самой проблеме.

Вернемся к исходному количеству сосланных на каторгу – 3984 человека, эта цифра есть у Максимова и в приведенной таблице, берем здесь ее как достоверные исходные статистические данные. Принимая во внимание, что, по всей вероятно-

сти, статистика Максимова составлена по отчетам Аудиторского департамента военного министерства, наличествующие отчеты сего ведомства с 1867 по 1872 гг. дают нам дополнительное количество осужденных к каторге по польскому восстанию, а именно 225 человек, из которых 5 сбежавших за границу, были осуждены заочно [4, л. 416–502; 5, л. 1–380]. Складывая полученные результаты, получаем цифру в 4119 человек, исключая осужденных заочно 5 человек, как не сосланных в каторгу, а также 9 человек солдат и унтер-офицеров, осужденных за дисциплинарные проступки (неповиновение командиру) и грабежи [4, л. 231–232; 236 об. – 237], мы имеем результат в 4105 человек сосланных в каторгу с 1863 по 1872 гг.

Здесь возникает правомерный вопрос: насколько достоверен итоговый результат? Для его проверки мы попытались решить задачу иными способами, взяв для сопоставления ведомость о высланных из Царства Польского начальника Варшавского жандармского округа, о которой говорилось выше, «Общий отчет Временного Полевого Аудиториата Виленского военного округа о политических преступниках, военно-судных и следственных делах о них по 6-ти Губерниям Виленского Военного Округа со времени открытия мятежа в Северо-Западном крае по 1-е января 1866 года» [14, л. 71–75 об.], «Ведомость о числе лиц, выбывших из Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Могилевской и Минской губерниях, по случаю участия в последнем мятеже, со времени открытия оногo» (с 1863 по 1 января 1873 гг.) [2, л. 489–491 об.], «Дополнительный отчет о политических преступниках Августовской губернии, сужденных во время причисления ее к Виленскому Военному Округу» [14, л. 31–37]. По Юго-Западному краю данные по 20 декабря 1866 г. взяты по Максиму, в виду отсутствия таковой ведомости, а с 1867 по сентябрь 1872 гг. по «Ведомостям конфирмациям, постановленным главнокомандующим Киевским военным округом о лицах, сужденных военным судом по полевым военным законам» [4, л. 471–502; 5, л. 59–380]. У нас получилась следующая таблица:

Таблица 2.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сосла-но на катор-гу из	Данные на дату	Численные данные Максимов	Данные на дату	Численные данные по отчетам и ведомостям о конфир-мациях ко-мандующих военными округами	Данные на дату	Численные данные по отчетам и ведомостям о конфир-мациях ко-мандующих военными округами	Период, за который были сосланы остальные участники восстания в каторгу	Численные данные по отчетам и ведомостям о конфир-мациях ко-мандующих военными округами
ЦП	20.12.1866	1785	01.01.1867	1829	01.06.1867	1886	июнь 1867-январь.1872	162
СЗК	20.12.1866	927	01.01.1866	1200	01.12.1873	1298		
ЮЗК	20.12.1866	687	20.12.1866	687	20.12.1866	687	1867-сент.1872	8
Итого:		3399		3716		3871		170
Всего:		3894					Всего:	4041

Сокращения: ЦП – Царство Польское, СЗК – Северо-Западный край вместе с Августовской губернией, ЮЗК – Юго-Западный край.

Из таблицы 2 (столбец № 4) видно, что на дату, близкую к дате, приведенной Максимовым 20 декабря 1866 г., на 1 января 1867 г. по Царству Польскому было сослано в каторжные работы 1829 человек [1, л. 1–7 об.], что на 44 человека больше, что существенно не меняет статистики. По Северо-Западному краю вместе с Августовской губернией на дату более раннюю, на целый год, т. е. на 1 января 1866 г. было выслано на каторгу 1081 человек [14, л. 71–75 об.; 14, л. 31–37], что уже на 154 человека превышает данные Максимова. Далее, столбец № 6, уже к 1 июня 1867 г. число сосланных в каторгу по Царству Польскому равно 1886 осужденным [1, л. 1–7 об.], что на 101 человека превышает исходные данные автора «Сибири и каторги», а на 1 января 1873 г. эта разница достигает уже значения в 263 человека (101+162).

По Северо-Западному краю на 1 декабря 1873 г. та же разница в количестве сосланных достигает 371 человека, а ссылка в каторгу с Юго-Западного края добавляет за период с 1867 по

сентябрь 1872 г. к общему числу политкаторжан еще 8 человек [4, л. 471–502; 5, л. 59–380]. По общему же числу сосланных в каторжные работы в итоге разница по приведенным документам в таблице с данными Максимова составляет всего 147 человек и равна 4041 человеку, что, по сути, мало корректирует статистику в целом с погрешностью в 3,7 %, а итоговые данные вполне согласуются между собою.

Но первый метод дал результат общей численности сосланных в каторгу в 4105 человек, что на 64 человека или на 1,6 % больше, чем результаты второго метода исчисления, и на 211 человек или на 5,4 % больше цифры Максимова. Мы еще раз перепроверили полученные результаты, применив третий метод и исследуя отчеты жандармских штаб-офицеров (тобольского, томского, красноярского и иркутского) за период с 1863 по 1872 гг. о движении политических ссыльных в Сибирь, имеющиеся в фондах ГАРФ в делах III отделения, где каждый штаб-офицер фиксировал прибытие и убытие политических ссыльных всех категорий, в какой партии и каким способом прибыл и отправлен. Эти отчеты далеко небезгрешны, в них часто искажены сложные польские, литовские и еврейские имена и фамилии, имена каторжников иногда встречались среди имен ссыльно-поселенцев, иные фамилии присутствовали в одних отчетах и отсутствовали в других; имена часто русифицировались. Так, Теофил становился Феофилом или Федором, Вавржинец – Лаврением, Викентий – Виктором и т. д. Михаил Тиль записывался как: Тилль, Тыц, Тыль, Толь, Тэль; еврей Нейгаузен Мейер встречался под искаленной писарем фамилией: Нейхоуз, Нейгавзен и т. д. и т. п.

Писарские ошибки порождали множественные варианты этих «поручиков Кижэ», выявление которых дело довольно нелегкое и кропотливое. Вычистив двойников, мы получили, пока еще неокончательный, список более чем в 4300 имен, включая государственных преступников из россиян, а также поляков, отданных в солдатчину за участие в манифестациях в 1861 г. или восстании, отказавшихся принять присягу на верность царю, тоже сужденных как государственные преступники в Омске и Казани, чье общее количество не более сотни. Отсюда число осужденных и сосланных по польскому восстанию из этих списков простирается более чем за 4200 человек, но окончатель-

ный результат потребует еще дополнительных неопределенных временных затрат, и публикация конкретных и окончательных данных исследования этих материалов ждет своего времени.

Таким образом, сама цифра в 4105 человек выглядит вполне реалистично и убедительно, и три разных способа подсчета количественного состава дают довольно схожие результаты. Но существует один нюанс – где же было размещено такое количество политических ссыльных? Как мы уже упоминали, ни один восточносибирский отчет не превышал цифры в 3112 человек. География распределения политических ссыльнокаторжных охватывает всю Восточную Сибирь от Енисейской губернии, где каторжные содержались в Троицком солеваренном заводе, до Забайкальской области, где крайней точкой пребывания каторжан был Кадаинский рудник у границы с Китаем.

Потому-то ни у кого ранее и не возникла мысль посягнуть на «священную» цифру Максимова в 3894 человека сосланных на каторгу. Предположение – умерли, сбежали. Но такие случаи в отчетах отмечались отдельно, и их было мизерное количество. Так, в пути следования из Тобольска в Иркутск умерли: Крживобиоцкий Болеслав 8 ноября 1864 в Красноярске [7, л. 394–398 об.; 568 об.], Мечниковский Владислав в больнице Ачинского тюремного замка 19 мая 1864 г. [8, л. 6, 10], Рафаловский Иосиф Карлов в Томской острожной больнице в 1864 г. [8, л. 25], Туловский Осип в октябре 1864 г. в больнице Красноярского тюремного замка [7, л. 513 об.], Новородский Станислав в Томской острожной больнице в 1864 г. [8, л. 25] – это все, что касается вышедших из Тобольска, возможно, какое-то количество умерло до прихода в Тобольск и в Тобольске, но у нас этих сведений нет.

Какое-то количество сбежало еще в пути на каторгу, к примеру, хорошо известный и описанный в литературе побег Зыгмунда Минейко или Вильгельма Гроссмана [19, с. 230–244; с. 338–343].

Какое-то количество было возвращено на родину прямо с пути следования, это была абсолютно исключительная вещь, к примеру: Навроцкий Иосиф Иосифов 14 августа 1864 г. прибыл в Красноярск, а уже 18 августа был задержан в Красноярске при следовании в Иркутск и возвращен на родину в Августовскую губернию [9, л. 260 об.].

Некоторые из сосланных в тяжкие работы поляков были исключены из числа каторжников и размещены в Западной и Восточной Сибири как поселенцы или водворенцы сибирскими властями по причине тяжелой болезни или малолетства. По всей вероятности, самые молодые каторжники – подростки 14 лет Свидерский Юлиан и Улецкий Леон из мещан, сосланные на заводы на шесть лет, осужденные за участие в убийстве в 1863 г. по подозрению в шпионаже четырнадцатилетнего крестьянского мальчика, были размещены где-то в Тобольске в виде ссыльнопоселенцев [3, л. 251]. К примеру, Герман Иван 17 лет по болезни был оставлен на поселении в Енисейской губернии с причислением в Тесинскую волость Минусинского округа [11, л. 190 об.]; Трохановская Текля, сосланная на восемь лет в заводы за содержание в своем доме типографии революционного жонда, была исключена из каторжных работ по болезни (рак матки) и перечислена на поселение в Шушенскую волость Минусинского округа Енисейской губернии [9, л. 276] и т. д.

Часть же польских ссыльнокаторжных была размещена сибирскими администраторами на «временном поселении» во время «великого стояния» и полной неразберихи со статейными списками, когда в середине 1865 г. было приостановлено движение политических каторжных на всем протяжении пути от Тобольска до Иркутска по причине массового скопления ссыльных и разногласия между западносибирским и восточносибирским генерал-губернаторами по поводу принятия каторжных сосланных в крепостные работы в виду отсутствия в Восточной Сибири крепостей. Итог разрешения этого конфликта – приравнение правительством крепостных работ к заводским и определения, что все сосланные в каторжные работы политические преступники должны быть размещены в Восточной Сибири [13, л. 1–141]. Пока разрешался вопрос, а ссыльные скапливались в пересыльных пунктах, западносибирская и восточносибирская администрации рассеяли часть каторжных на так называемое «временное жительство», так и оставив их, какое количество неизвестно, в этом положении. Доклад томского жандармского штаб-офицера майора Тица к шефу жандармов графу П. А. Шувалову от 6 марта 1867 г. о беспорядках в деятельности томской губернской администрации свидетельствует: «[...] поляки, прибывшие в Томскую губернию, назад тому два и три года, без

письменных сведений, [...] остаются и до сего времени в ожидании [...] распределения по округам и городам, по их личному заявлению, что они осуждены без лишения прав на жительство в Томскую губернию. [...] Всего таковых в Томской губернии муж[ского] пола 312 челов[ек], [...] многие из них осуждены в каторжную работу» [10, л. 15–15 об.]. Когда же, промежду прочим, встал вопрос об облегчении участи и амнистиях, о таких тоже вдруг вспомнили и эти поселенцы-каторжные стали выявляться. Так, осужденный на 8 лет в крепости Долобовский Франц находился на так называемом временном жительстве в Мариинском округе Боготольской волости в деревне Карабейниковой [11, л. 99 об.]; а Александрович Иосиф временно содержался в Енисейской губернии как еще не прибывший в работы [9, л. 420 об.].

Прусский же подданный Далевский Владислав Аполинарый вместо каторги проживавший на водворении в Нижне-Каинской волости [7, л. 442–443], сам явился перед очи губернского начальства и дал примечательные показания, рисующие довольно своеобразную картину, как банальнейшим образом, пользуясь неразберихой, сосланные на каторгу оказывались на водворении и как жили в ссылке: « [...] Не доходя до г. Тары четырех станций, нашу партию остановили по причине замерзания рек, на этой станции я находился три дня, и так как я заболел тифозною горячкою, то уже был отправлен на подводе в Тарскую больницу, в ней я находился три с половиной месяца, по выздоровлении, Полицмейстер и казначей выдали мне кормовые деньги и отправили с партией Бонасевича [партионный староста. – А. Г.] [...], о том, что я был осужден в каторжную работу, Бонасевич не знал. [...] На водворение я был назначен по той причине, что мой статейный список был отправлен с партией Бучинского, а в партии Бонасевича меня в Таре записали на водворение в Томскую губернию [...], а о том, что я был назначен на каторжную работу, но не на водворение, никому не говорил ».

В течение четырех лет Далевский нанимался на службу по разным деревням и весям, пас скот, строил бани, служил кучером, молот рожь и т. д. А по выходу полной амнистии для иностранных подданных, решил явиться с повинной и далее пишет: «Возвратившись в Каинск, я обратился с просьбою к Начальнику Окружного Полицейского Управления Боршкеви-

чу, чтобы он приказал мне выдать на проживание в Каинском Округе и других волостях письменный вид, но он мне в том отказал. По этому поводу в феврале месяце 1868 года я, без письменного вида, отправился в г. Омск и в марте месяце, за отсутствием г. генерал-губернатора, подал прошение г. генерал-майору Окольникову о возвращении меня на родину как прусского подданного; местная же полиция выдала мне вид на проживание в г. Омске, впредь, до получения обо мне справок.

На четвертой станции, не доезжая г. Тары, этапный офицер, отсылая меня в больницу, прописал в бумаге: что я ссылаюсь в Иркутскую губернию в каторжную работу; когда я выздоровел, городничий и казначей, фамилии которых не знаю, потребовав меня спросили: “я ли Владислав Далевский”, получив утвердительный ответ, выдали мне кормовые деньги по 16-ти коп[еек] в сутки, которые я прежде получал по 10 коп[еек], и объявили мне, что я ссылаюсь на водворение в Томскую губернию. В следствии чего, я и полагал, что мне изменили конфирмацию, но об этом городничего не спрашивал. О том что я был осужден в каторжную работу, говорил в партии одному Черняку, но он мне, не доверяя, на это сказал, что: “если бы ты был осужден в работу, то и пошел бы”. Равным образом, кто из осужденных в каторжную работу остался по какому случаю на водворении, не знаю, только мне в Тарской больнице говорил Колянковский, что и он ссылается в каторжную работу на 8 лет, которого в последствии я видел кузнецом в Каинске, и когда ему рассказывал, что я был осужден в каторжную работу, что он объяснил, что и он также был осужден, но осчастливила его Тарская больница, зачислив его в водворенцы. Я слышал, что много освобождено Тарской больницей от каторжной работы, но фамилий их не знаю [...]» [6, л. 188–191 об.].

Красноречивая картина, описанная Далевским, явствует, как часть ссыльнокаторжных, за мзду, мелкими сибирскими чиновниками, снабжались подложными документами с переменной категории ссылки с каторги на поселение или водворение. Среди таких «счастливых» мы находим Ратынского Иосифа находившегося на поселении в Енисейской губернии по подложным документам с 18 сентября 1865 г., который был отправлен в каторжную работу 11 марта 1867 г. [11, л. 38 об.; 169]; Олтаржевского Иосифа, прибывшего в Красноярск 3 ноября 1865 г.,

судился за перемену имени, однако был признан невиновным и отправлен в Иркутск 8 июля 1867 г., а по этому делу был осужден писарь Тобольского приказа о ссыльных Паршин, занимавшийся по корысти подлогом документов [11, л. 91].

Ко всему вышесказанному большое количество ссыльнокаторжных оказалось среди ссыльнопоселенцев и сосланных на водворение или житие, переменяв фамилии, по розыску и сверке часть их, какая именно – доподлинно неизвестно, была выявлена и предана суду. Так, Вольф Ян прибыл в Красноярск 3 марта 1865 г. под именем Иван Соболевский, судился за перемену имени, наказан 100 ударами розог, с прибавлением 5 лет каторжных работ. Был отправлен в Иркутск 5 октября 1867 г. [11, л. 102]. Двороковский Валентий прибыл в Красноярск 1 ноября 1865 г. под именем Рациборский Павел, судился за перемену имени, добавлено 5 лет каторжных работ и 100 ударов розгами, отправлен в Иркутск 12 июля 1867 г. [11, л. 90 об.].

Резюмируя изложенное и подводя итоги констатируем, что в результате всех вышесказанных событий и манипуляций до мест каторжных работ не дошло порядка нескольких сотен ссыльнокаторжных поляков. Сколько? Оценки могут быть разными, до полного составления списка прибывших. На этот вопрос ответят дальнейшие исследования. Ясно одно, что далеко не все по разным причинам высланные в каторгу по польскому восстанию 1863–1864 гг., прибыли к месту ссылки. Общую же численность именно сосланных на каторгу польских инсургентов, по нашим расчетам, мы предлагаем принять на сегодняшний день равную 4105 человекам, как документально подтвержденный факт, если предпочесть оперировать более конкретными цифрами, а не гипотетическими предположениями.

Литература и источники

1. ГАРФ, ф. 109, 1863, оп. 2 а (секретный фонд), д. 820.
2. Там же, оп. 38, д. 23, ч. 341.
3. Там же, ф. 109, 1863, оп. 38, д. 23, ч. 416.
4. Там же, 416, приложение I.
5. Там же, 1863, оп. 38, д. 23, ч. 416, приложение II.
6. Там же, ф. 109, 1863, оп. 38, д. 23, ч. 490.
7. Там же, 1864, оп. 39, д. 265.
8. Там же, д. 266.
9. Там же, ф. 109, 1866, оп. 41, д. 217, ч. 3.
10. ГАРФ, ф. 109, 1866, оп. 41, д. 217, ч. 7.
11. Там же, 1867, оп. 42, д. 54.

12. Там же, 1872, оп. 47, д. 86 (б).
13. Там же, ф. 122, оп. 5, д. 1, Делопроизводство III. Главное Тюремное Управление.
14. Там же, ф. 811, оп. 1, д. 57 (Фонд М. Н. Муравьева за 1825–1897 гг.).
15. Там же, ф. 29, оп. 6, д. 4.
16. Иванов А. А., Кузнецов С. И. К определению количества сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года // *Baikal Research Journal*, 2016. Т. 7, № 6.
17. Коваль С. Ф. За правду и волю. К столетию восстания политических ссыльных в Сибири в 1866 г. / С. Ф. Коваль. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 191 с.
18. Максимов С. В. Собрание сочинений : в 7 т. / С. В. Максимов. М. : Кн. клуб Книговек, 2010. Т. 2: Сибирь и каторга. Ч. II–IV. 640 с.
19. Сливовская В. Побег из Сибири: пер. с пол. / В. Сливовская. СПб. : Адептейя, 2014. 536 с.
20. Стшижевская С. Ссыльные участники Январского восстания / С. Стшижевская // *Сибирь в истории и культуре польского народа: пер с пол. / под ред. А. Кучинского, С. П. Романова. М. : Ладомир, 2002. С. 124–134.*
21. Шостакович Б. С. Численность ссыльных в Сибирь участников Январского польского восстания как исследовательская проблема / Б. С. Шостакович // *Сибирская ссылка*, вып. 3(15). Иркутск : Оттиск, 2006. С. 254–272.
22. Skok H., *Polacy nad Bajkałem 1863–1883*. Warszawa, 1974. 335 s.

References

1. GARF, f. 109, 1863, op. 2a (secret fund), d. 820.
2. GARF, f. 109, 1863, op. 38, d. 23, ch. 341.
3. GARF, f. 109, 1863, op. 38, d. 23, ch. 416.
4. GARF, f. 109, 1863, op. 38, d. 23, ch. 416. Prilozheniye I.
5. GARF, f. 109, 1863, op. 38, d. 23, ch. 416. Prilozheniye II.
6. GARF, f. 109, 1863, op. 38, d. 23, ch. 490.
7. GARF, f. 109, 1864, op. 39, d. 265.
8. GARF, f. 109, 1864, op. 39, d. 266.
9. GARF, f. 109, 1866, op. 41, d. 217. ch. 3
10. GARF, f. 109, 1866, op. 41, d. 217. ch. 7
11. GARF, f. 109, 1867, op. 42, d. 54.
12. GARF, f. 109, 1872, op. 47, d. 86(b).
13. GARF, f. 122, op. 5, d. 1. Deloproizvodstvo III. Glavnoye Tyuremnoye Upravleniye.
14. GARF, f. 811, op. 1, d. 57 (Fond M.N. Murav'yeva za 1825-1897 gg.).
15. GARF, f. 29, op. 6, d. 4.
16. Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. On determining the number of the January 1863 revolt participants exiled to Siberia. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).17. (In Russian).
17. Koval' S.F. *Za pravdu i volyu. K stoletiyu vosstaniya politicheskikh ssyl'nykh v Sibiri v 1866 g.* [For truth and will. On the centenary of the uprising of political exiles in Siberia in 1866]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoye izdatel'stvo. Publ., 1966. 191 p. (In Russian).
18. Maksimov S. V. *Sobranie sochinenii* [Collection of Works]. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2010. Vol. 2. 640 p. (In Russian).

19. Stshizhevskaya S. The exiled participants of January revolt. In Kuchinsky A., Romanov S. P. (eds). *Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda* [Siberia in history and culture of the Polish people]. Moscow, Ladomir Publ., 2002, pp. 124–134. (In Russian).

20. Slivovskaya V. *Pobegi iz Sibiri* [Runaways from Siberia]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2014. 536 p. (In Russian).

21. Shostakovich B. *Chislennost' ssyl'nykh v Sibir' uchastnikov Yanvar'skogo pol'skogo vosstaniya kak issledovatel'skaya problema* [The Number of exiled to Siberia participants of the January Polish uprising as a research problem]. *Sibirskaya sсылка*, vyp. 3 (15). Irkutsk, Ottisk Publ., 2006. p. 254-272. (In Russian).

22. Skok H. *Poles on Lake Baikal 1863-1883*. Warsaw, 1974. 335 p.

УДК 947.073(471.3)

Логачева Н. В., Пенза

**Политическая ссылка участников Польского восстания 1863 г.
(католических священников) в Пензенскую губернию
в 1870–1890-е годы**

Аннотация: Статья посвящена политической ссылке католических священников в Пензенской губернии. Рассматриваются основания и порядок учреждения ссылки, характерные черты осуществления полицейского надзора и особенности положения политических ссыльных в Пензенской губернии.

Ключевые слова: политическая ссылка, участники Январского 1863 г. Восстания, Пензенская губерния, полицейский надзор, денежное пособие.

Logacheva N. V., Penza

**Political exile of the participants of the Polish Uprising of 1863
(Catholic priests) to Penza Province in the 1870s–1890s**

Summary: The article is dedicated to political exile of catholic priests to the Penza governorate. The article reviews grounds for political exile and mode of its establishment, it outlines the distinctive features of police surveillance and describes special position of political convicts in the Penza governorate.

Key words: political reference, participants of January 1863 Uprising, Penza province, police supervision, money allowance.

Одной из главных движущих сил Польского восстания 1863 года было низшее католическое духовенство. Ксендзы во время проповедей обвиняли правительство в притеснении польского народа и открыто призывали население к борьбе. Некоторые из них не ограничивались проповедями: ксендз Мацкевич был руководителем карательной организации «жандармов-вешателей», которая занималась поимкой и убийством представителей власти и помещиков; ксендз Пашковский создал и возглавил повстанческий отряд крестьян.

Как известно, восстание было жестоко подавлено. Многие представители католического духовенства были казнены. Из 143 осужденных в январе 1864 года за «печатание возмутительных сочинений и участие в беспорядках» было 29 ксендзов и монахов¹. После отбытия каторги большинству участников Польского восстания административным порядком была назначена ссылка под полицейский надзор.

Порядок ссылки и полицейского надзора определил «Проект правил об административной высылке и полицейском надзоре», представленный 10 апреля 1875 г. на рассмотрение министра внутренних дел А. Е. Тимашева. В соответствии с ним право административной высылки предоставлялось министру внутренних дел и шефу жандармов «по взаимному между ними соглашению»; дела о высылке могли возбуждаться как губернаторами, так и градоначальниками; место ссылки определялось министром внутренних дел. Губернаторы, в ведении которых находились ссылки, могли ходатайствовать об облегчении их участи и даже об освобождении от полицейского надзора¹.

Пензенская губерния наряду с Тамбовской, Симбирской, Тульской являлась очень удобным местом для ссылки под полицейский надзор². Она была достаточно удалена от столицы, не имела железнодорожного сообщения и высших учебных заведений, а также, по донесению пензенского жандармского

¹ ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Собр. 2-е. Т. 46, отд. 1, № 49615.

² Тот Ю.В. Административная высылка и полицейский надзор // Политический сыск в России. СПб., 1997. С. 168–176.

полковника Глобы, «...настроения населения были самыми верноподданническими»¹.

Среди политических ссыльных Пензенской губернии, участников Польского восстания, были представители дворянства, бывшие офицеры, крестьяне, но большую часть (около половины) составляли бывшие ксендзы. В ведомостях о лицах, состоявших под надзором полиции в 1870–1890-е годы, упоминаются имена ксендзов Владислава Желеговского, Вагурского, Яковича, Юзефа Развадовского, Мендцкевича, Мацкевича, Томашевского, Годлевского и других². В их случае полицейский надзор применялся как дополнительная мера – после тюремного заключения или каторжных работ, которые были определены решением суда. В этом случае участь политических преступников облегчалась, они были переведены на поселение в Пензенскую губернию под полицейский надзор.

Порядок полицейского надзора на местах законодательно не регулировался, чаще всего он зависел от особенностей и традиций местной администрации. В Пензенской губернии основная роль в наблюдении за политссыльными принадлежала полицейским ведомствам и осуществляли его чины общей полиции: городовые, уездные исправники и полицмейстер. Что касается губернского жандармского управления, то его лишь ставили в известность об установлении надзора, запрашивали разрешение на снятие надзора и изменение положения поднадзорного³. Рапорты уездных исправников о состоянии полицейского надзора направлялись полицмейстеру и затем, по инстанции, – губернатору. Циркуляры и распоряжения Министерства внутренних дел и III отделения С.Е.И.В.к. (с 1880 года – Департамента полиции) направлялись в канцелярию губернатора, оттуда копии – полицмейстеру, уездным исправникам и в губернное жандармское управление.

Количество политссыльных в Пензенской губернии в рассматриваемый период, как и во всей империи, неуклонно росло. К концу 1870-х годов в ведомости «О лицах, состоящих под надзо-

¹ ГАПО (Государственный архив Пензенской области). Ф. 5. Оп. 1. Д. 4542. Л. 17.

² Там же. Д. 5372. Л. 48–55.

³ Там же. Ф. 202. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

ром полиции» около половины находящихся под полицейским надзором были политссылные.

Ведомость «О лицах, состоящих под надзором полиции» была составлена аккуратно и подробно. Она содержала следующие данные о ссылных: чин и звание; фамилию, имя и отчество; место рождения; по какому распоряжению и за что подвергнут надзору; с какого времени учрежден надзор; имеет ли содержание от казны и в какой сумме; семейное положение; сведения о перемещениях; аттестация. Аттестацию давал уездный исправник, под чьим наблюдением находился поднадзорный. Она требовалась в тех случаях, когда необходимо было изменить положение поднадзорного (в случае его поступления на службу, перемещения в другое место или освобождения от надзора).

Полицейский надзор включал следующие меры, ограничивавшие права высланных: они касались передвижения, корреспонденции, поступления на государственную и общественную службу, осуществления коммерческой и предпринимательской деятельности. Поднадзорному запрещалось заниматься всеми видами педагогической деятельности, выступать с публичными лекциями. Он должен был извещать полицейских начальников о любом собрании у себя дома, если на нем присутствовало более трех человек. Собрание могло быть запрещено полицией.

Полицейские чиновники могли входить в жилище поднадзорного в любое время суток. В определенных случаях находящимся под полицейским надзором запрещалось покидать свои квартиры в ночное время. Политическим ссылным запрещалось поступать на работу на промышленные предприятия. Обыски у поднадзорных допускались в «крайних, чрезвычайных случаях», на просмотр частной корреспонденции необходимо было «испрашивать Высочайшее соизволение». Если поднадзорный не имел достаточных материальных средств существования, то ему «для насущного пропитания» предоставлялось пособие от государства.

Хотя политическим ссылным было разрешена трудовая деятельность, область ее применения была очень ограничена. Для бывших священников это было особенно сложно: мало кто из них владел ремеслами или мог применить себя на тяжелой физической работе.

Процедура назначения пособия была достаточно сложной – через несколько инстанций (уездного исправника, полицмейстера, губернатора) ходатайство политического ссыльного с запросом губернатора направлялось в Министерство внутренних дел, где по «Высочайшему повелению» назначалось пособие на содержание ссыльного и наем квартиры, а также приобретение одежды и обуви, если у того не было ни доходов от имущества, ни состоятельных родственников. Максимальной была сумма содержания в 6 рублей ежемесячно и 1 руб. 50 коп. за наем квартиры; минимальной – так называемая «арестантская дача», составлявшая 15 коп. в сутки. Бывшим ксендзам Развадовскому и Мендцкевичу в качестве пособия была определена «арестантская дача», Мацкевичу, Томашевскому, Годлевскому и Яковичу – 6 руб. ежемесячно и 1 руб. 50 коп. за наем жилья.

При перемещении поднадзорных оформлялись сопроводительные документы – так называемый «статейный список», составлявшийся уездным исправником. Такой список присутствует в деле участника Польского восстания, бывшего католического священника Франца Яковича. Статейный список содержал следующие данные: фамилия, имя и отчество; прежнее состояние; состав вины и решение суда о наказании (Якович был осужден за участие в мятеже и убийство солдата, за что был лишен прав и состояний и сослан в Сибирь на 10 лет каторжных работ, однако Высочайшим помилованием каторга была заменена поселением); приметы; место причисления, время причисления; получал ли пособие от казны¹.

Политический ссыльный помещался под надзор уездного исправника, который имел в подчинении нескольких полицейских служителей. Уездный исправник регулярно извещал в виде рапортов губернатора о всех изменениях в положении политического ссыльного, а также его действиях.

Например, если политическому ссыльному было разрешено вести какую-либо трудовую деятельность, и он находил себе «занятие», уездный исправник докладывал об этом губернатору. Уездный исправник и подчиненные ему служители также следили за всеми связями и перепиской политссыльного, на основании чего делался вывод о его благонадежности. В его деле отмечалось: «вел себя хорошо» или «ведет недостойный образ

¹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 5378. Л. 3.

жизни». Это касалось не только политических связей и действий, но и поведения в быту – осуждалось пьянство и аморальное поведение. На основании наблюдения уездных исправников и полицейских служителей принималось решение о досрочном освобождении от полицейского надзора. Условия политической ссылки в губерниях европейской части России не были такими тяжелыми, как в сибирской ссылке, прежде всего, в связи с благоприятным климатом и природными условиями¹. Кроме того, политические ссыльные обладали достаточными для нормальной жизни средствами и определенной долей свободы.

К сожалению, архивные данные не позволяют проследить судьбу всех сосланных в Пензенскую губернию ксендзов, однако, известно, что Вагурский и Якович были освобождены от надзора досрочно и возвратились на родину, с Томашевского был снят надзор только в 1890-е годы. Некоторые участники Польского восстания остались после освобождения в Пензенской губернии, поскольку им просто не к кому было возвращаться, ведь большая часть их жизни прошла на каторге и в ссылке.

УДК 947.073(571.55)

Семенов Е. В., Улан-Удэ

Взаимоотношения польских политических ссыльных в Забайкалье в 60–70-е годы XIX в.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы взаимоотношений в среде ссыльных участников польского восстания 1863–1864 гг. во время их нахождения на каторге на территории Забайкалья. Автор представляет основные направления, сложившиеся в среде польских ссыльных, сформировавшиеся в период подготовки и проведения польского восстания 1863–1864 гг. и их функционирование в условиях каторги. Автор анализирует

¹ Из воспоминаний Д. Д. Лейвица // Тобольский север глазами политических ссыльных XIX – нач. XX в. Екатеринбург, 1998. 418 с.

воспоминания польских ссыльных, описывающих формы взаимодействия и противостояния между представителями двух основных направлений.

Ключевые слова: польские политические ссыльные, Забайкалье, взаимоотношения между ссыльными, красные, белые.

Semenov E. V., Ulan-Ude

Relationship between Polish political exiles in Transbaikaliya region in the 60-70th XIX century

Summary. The article discusses the relationship between the exiled participants of the Polish uprising of 1863–1864 during their stay in hard labor in the territory of Transbaikaliya region. The author presents the main directions that have developed among Polish exiles, formed during the preparation and conduct of the Polish uprising of 1863–1864 and their functioning in hard labor conditions. The author analyzes the memories of Polish exiles describing the main forms of interaction and confrontation between representatives of two main directions.

Key words: Polish political exiles, Transbaikaliya region, hard labor, relationship between exiles, the «Reds», the «White».

Польское национально-освободительное восстание 1863–1864 гг. было не только самым продолжительным в истории национально-освободительного движения поляков, но и самым многочисленным по количеству принимавших в нем участие повстанцев. Одной из важных особенностей восстания 1863–1864 гг. явилась его социальная и этническая разнородность. Еще до начала восстания внутри польского общества сформировалось два основных направления, представители которых видели разные пути общественного и политического развития польского народа и разрешения основных вопросов, стоявших перед польским обществом в середине XIX в. Странники ненасильственных методов борьбы за расширение автономии Польши, восстановление государства в границах 1772 г. и за проведение реформ, получили название «белые» [9, с. 218]. Противоположной стороной, выступавшей за радикальные социальные и политические изменения в Царстве Польском, в том числе за воз-

можность вооруженного восстания за независимость Польши, являлись «красные» [9, с. 124].

Противоречия между двумя этими политическими силами проявились как в период, предшествовавший началу восстания, так и во время самого восстания, и в особенности на его заключительном этапе [9, с. 224]. Поражение восстания и многочисленная ссылка его участников на каторгу в Сибирь еще более обострила существовавшие противоречия. Представители данных направлений высказывали взаимные обвинения в поражении в восстании, что приводило к спорам и противостоянию внутри, и без того разнородного, сообщества ссыльных.

В рамках настоящей статьи автор постарается рассмотреть основные формы взаимодействия польских ссыльных в условиях их движения по этапу в места, предназначенные для отбывания наказания, и, собственно, на территории Забайкалья, где были сосредоточены основные места каторжных работ. Несмотря на то, что многие авторы воспоминаний описывают взаимодействие польских ссыльных в условиях этапа, каторги и поселения, тем не менее это не стало до настоящего времени самостоятельной темой исследования и требует своей детальной разработки.

В восстании 1863–1864 гг., в отличие от предыдущих восстаний, принимали участие не только представители шляхты, но и члены практически всех слоев польского общества: аристократии, шляхты, духовенства, мещанства, крестьянства и разночинцев. Восстание охватило территории Царства Польского, современной Литвы, Украины и Белоруссии, в связи с чем в него были вовлечены и представители всех национальностей, населявших данные территории, в основной своей массе поляки, но также белорусы, евреи, литовцы, русские, украинцы. Кроме того, в восстание активно включались поляки из исконно польских территорий, которые после разделов Польши конца XVIII в. вошли в состав Австрии и Пруссии, а также добровольцы из других европейских государств.

Практически сразу с началом восстания царской администрацией в основных губернских городах стали создаваться специальные органы, целью которых было проведение следственных мероприятий и судов над участниками восстания. Подобные военно-полевые комиссии и полевые аудиторiatы функциони-

ровали в Варшаве, Вильно, Гродно, Киеве, Витебске, Могилеве и других городах. После оглашения приговора ссыльные направлялись в Петербург и Москву для отправки их по этапу в Сибирь.

На первоначальном этапе пути, охватывающем место следствия и суда, пересыльные тюрьмы Петербурга и Москвы, ссыльные в партиях, в основной своей массе, были связаны единством места своего происхождения и территории прежнего проживания, зачастую они были не просто знакомы друг с другом, но и приходились родственниками, что в значительной степени облегчало их взаимодействие и сотрудничество. В местах объединения партий польских ссыльных, а именно в пересыльных тюрьмах Петербурга и Москвы, они встречались с участниками восстания из других территорий Царства Польского, Литвы, Белоруссии и Украины.

По мере следования таких партий по этапам, зачастую в составе объединенных команд, включающих в себя русских ссыльных, приговоренных к каторге в основном за совершение уголовных преступлений, происходило еще большее объединение польских ссыльных именно на основе общности своего происхождения и прежнего места проживания. О таких группах пишут все без исключения польские ссыльные, оставившие воспоминания по возвращении из ссылки.

Сигизмунд Минейко, которому удалось совершить побег из мест поселения, так описывает встречи ссыльных в пересыльных тюрьмах: «В это время мы были сосредоточены в широких залах огромного здания (тобольской тюрьмы. – *Е. С.*), приговоренные пяти или шести партий, представлявшие все части Польши. Долгое время мы были заняты знакомством и представлением друг другу, часто происходили встречи родных и знакомых, при этом разыгрывались сентиментальные сцены» [11, с. 421].

Изменения в составе этапных партий происходили в основном во время остановок в крупных сибирских городах (Тобольске, Томске, Красноярске и Иркутске), где часть ссыльных оставалась и распределялась на каторгу и поселение в Западной Сибири и Прибайкалье. Заболевшие во время следования по этапу ссыльные оставались в больницах и по излечении присоединялись к последующим партиям. Приговоренные к

значительным срокам каторги и поселения направлялись далее за Байкал.

В одной из таких партий ссыльных, следовавших в Забайкалье, находился известный исследователь Бенедикт Дыбовский. Местом отбывания каторжных работ ему было предназначено Сивяковское тюремное помещение, расположенное недалеко от Читы. Следуя в партии ссыльных из Иркутска, где произошло очередное изменение в составе партии ссыльных, он сообщает следующее: «Наша партия состояла в основном из новых личностей, ранее нам неизвестных, здесь следует упомянуть несколько главных групп, сформировавшихся в нашей достаточно многочисленной партии. А. Кружок могилевчан, к нему относились Здзислав Миткевич и двое Карницких. Б. Кружок «псевдо Килинского». Главной личностью в этом кружке был портной из Варшавы Бжезинский ... Остальные из его кружка представляли собой бессмысленную чернь, руководимую Бжезинским «атаманом кинжальников», как его позднее называли. В. Кружок художника Коссака. Г. Кружок мазуров, в основном крестьян из Царства Польского. Д. Кружок жмудинов, в основном ремесленников. Е. Кружок волынян, в основном интеллигенции» [13, с. 71–72].

Как мы можем заметить, связь с местом происхождения и близость, основанная на этом, способствовали формированию устойчивых групп внутри сообщества ссылаемых в Сибирь участников польского восстания 1863–1864 гг. Эти связи не только не прерывались после выхода ссыльных на поселение, но в некоторых случаях укреплялись и помогали польским ссыльным вполне сносно обустраиваться на поселении и находить, благодаря поддержке земляков, достойный заработок.

В то же время, взаимоотношения польских ссыльных не представляли собой пример братской солидарности, уже по пути следования на каторгу и, в первую очередь, в местах длительных остановок партий ссыльных, возникали споры о судьбе восстания и той роли, которую сыграли основные силы, принимавшие в нем участие. Зачастую среди представителей групп «белых» и «красных», оказавшихся в одной партии при анализе хода восстания и причин его поражения разгорались серьезные споры, доходившие до довольно серьезной конфронтации и напряжения в среде ссыльных [14, с. 205]. К «белым» в основной

своей массе относились представители аристократии, шляхты и духовенства, программу «красных» поддерживали близкие им по своим общественно-экономическим и политическим интересам крестьяне, ремесленники и мещане.

Один из представителей группы «белых», граф Эдуард Чапский, оставивший свои воспоминания, описывает следующий случай, участником которого она стал по пути следования на каторгу: «В красноярской тюрьме задержали нас на десять дней, открыто здесь выступали комиссары и важные деятели движения, и в своих необузданных высказываниях высказывали священникам, находящимся среди нас, их предполагаемое охлаждение к народному делу. Целые ночи лежа на нарах приходилось мне слушать непочтительную логику нападавших и слабую оборону жертв. Когда же наконец закончилось мое терпение я такому «комиссару» сказал в глаза, что не священники виновны в нашем поражении, а правительство, которое для важных заданий использовало таких людей как он.

«Не являюсь противником твоих добрых желаний, – говорил я, – но слушая тебя несколько ночей подряд, я убедился, что ты ничего из себя не представляешь кроме своих добрых желаний. Если бы я входил в состав безымянного правительства, то не бросил бы ни одного камня ненависти ни на кого, а признался бы себе, что выполнял азартную работу, несвоевременную, которая сама в себе несла зародыш несчастного и близкого конца». Велико было удивление слушателей, каждый посмотрел друг на друга как бы взывая к протесту, а более всего к подавлению голоса правды. Никто не хотел быть первым, поэтому все замолчали и с этого времени вполголоса только разговаривали. Соседи мои, лежащие рядом, предостерегали меня, чтобы я был осторожным в своих высказываниях, но это мое выступление никакого результата не имело, разве что только стали меня избегать те, общества которых я и сам, с самого начала, не искал» [6, с. 269].

Основой для разногласий между партиями являлись неразрешенные проблемы польского общества середины XIX в. которые, в основной своей массе, сводились к феодальному и сословному расслоению [9, с. 20–26]. Представители аристократии и шляхты стремились к сохранению своего положения даже в условиях утраты независимости. Представители крестьянства и

мещанства, напротив, высказывались за проведение радикальных общественных, экономических и политических изменений.

Практически все авторы воспоминаний отмечают о существовании сословных различий, которые особо ярко проявились в условиях движения по этапу, на каторге и поселении. Проявлялось социальное расслоение также и в отношении центральных и местных властей к польским политическим ссыльным различным категориям. Представители привилегированных слоев даже в условиях ссылки обладали рядом послаблений, по сравнению с представителями сословий непривилегированных. Дворянам выплачивалось большее ежедневное содержание по сравнению с мещанами и крестьянами – 15 и 10 копеек соответственно. Они были освобождены от заковывания в кандалы во время следования по этапу, а также им полагались телеги для передвижения [5, с. 50]. В случае движения по железной дороге ссыльные привилегированных слоев перевозились в вагонах третьего класса, а непривилегированных – в товарных вагонах [14, с. 85].

Польский ссыльный Ян Сивинский, происходивший из Галиции, писал о том, что не каждый повстанец мог или хотел указать во время следствия и суда на свое благородное происхождение. В своих воспоминаниях он следующим образом характеризует социальное расслоение, сложившееся в среде ссыльных во время передвижениях их по этапу: «Здесь следует упомянуть о самой больной теме, поскольку я собираюсь вывести на явь поведение шляхты закордонной в отношении нас, обращаю внимание, что случаи мною описанные, никоим образом не могут относиться ко всей шляхте Царства Польского, а имеют отношение только к некоторым особам, но я все-таки решил назвать этих господ и товарищей в моем несчастье таким именем, на которое, своим отношением к нам, жителям Галиции – кандалникам, заслужили! Фамилии их перечислять не буду, поскольку предполагаю, что немногие из них еще живы. Что же случилось: в системе российского правительства существует следующий введенный порядок, объединяют всех преступников, как политических, так и уголовных в одну группу, в одну партию и так их отправляют в Сибирь. Но для того, чтобы выделить из этой массы уголовных преступников, заковывают их в кандалы и делают это для того, чтобы они не убежали. Мы же, политические ссыльные, не шляхта, также были закованы

и при этом ничем не отличались от уголовников. Принимая во внимание этические вещи, такой кандалник всегда и у всех будет вызывать отвращение. Только этим аргументом можно объяснить то, что братья наши и союзники стыдились нас и отрекались. ... Кровь текла из наших ног, тесно обхваченных железными обручами, мы падали и теряли сознание, но ни один из господ и товарищей по несчастью, тех, которые шли в собственных шубах и без кандалов, как польская шляхта, не подставил нам плечо, не вступил в грязь, и более того, отреклись от нас перед москалями называя нас простонародьем» [8, с. 31–32].

Вполне понятны сожаления и претензии, высказываемые Я. Сивинским, по отношению к своим более счастливым товарищам. Испытав на себе тяжелые условия движения по этапу, он справедливо замечает, что хотя восстание было общим делом, большую тяжесть наказания понесли представители непривилегированных сословий. Хотя он и не выступает категорически против самого существующего положения дел и социального расслоения, тем не менее, с горечью отмечает, что ссыльные из шляхты, исходя из солидарности, не должны были допустить подобного отношения к своим товарищам по оружию [6, с. 34]. В другом месте своих воспоминаний, описывая случай ревизии тюрем генерал-губернатором Восточной Сибири М. С. Корсаковым, отмечает, что при попытке коменданта одной из тюрем разделить ссыльных на две части согласно сословного разделения и представить их таким образом губернатору, тот в свою очередь отчитал руководство тюрьмы сказав: «У меня нет лучших, все мятежники, все бунтовщики» [6, с. 34].

Представители привилегированных слоев не могли привести к кардинальным изменениям в отношении крестьян и мещан находясь в своего рода сословной зависимости. Некоторые из них в своих воспоминаниях, хотя и высказывали противоположные мнения, тем не менее приукрашивали сложившуюся ситуацию и старались представить ее несколько идеалистически [14, с. 206]. Об этом также в положительном свете писал и упоминавшийся выше С. Минейко: «Среди нас, выступающих сегодня в дорогу 130 каторжников, было около двадцати человек, закованных в кандалы. Это были мещане и крестьяне, менее, от нас не закованных, виновных перед москалями, а приговоренные на несравнимо большие страдания по причине того, что не

имели шляхетских прав. Это были наши братья, пожелавшие по примеру старших принять участие в борьбе освобождения отечества от отвратительной московской неволи. Мы желали заменить их в их страданиях, но враг имеет преграды для всего, умеет в изобилии посеять виселицы и могилы для шляхты, а кандалы и наручники для остальных слоев народа» [11, с. 361]. Несмотря на проявленное сочувствие по отношению к своим товарищам, Л. Минейко, как представитель шляхты, не допускает кардинального решения сословного вопроса, даже в условиях каторги и ссылки.

Таким образом, мы можем отметить, что среди польских ссылных в 60-е гг. XIX в. еще не сформировалась идея внесловной солидарности, и существующее положение приводило к еще более серьезному отдалению различных слоев ссылных поляков друг от друга.

Основными местами размещения польских ссылных на территории Забайкалья в 60-е гг. XIX в. становятся Петровский железоделательный завод, Сивяковское тюремное помещение, Александровский сереброплавильный завод, рудники в Акатуе, Кутомаре и Кличке, золотые промыслы на р. Кара.

Именно существовавшая сословная стратификация привела к разделению ссылных по местам отбывания каторжных работ на территории Забайкалья. Центральные и местные власти старались различными способами внутренне разделить ссылных. Одним из наиболее опасных и вредоносных элементов, по мысли властей, среди польских ссылных являлись католические священники. Именно они выступали активными противниками ассимиляции польских ссылных среди местного населения, перехода в православие, а также резко критиковали заключение браков польских ссылных с православными сибирячками [12, с. 42]. Отношение к католической церкви и активное участие в богослужениях по римско-католическому обряду способствовало большей внутренней консолидации польских ссылных, а также сохранению национального духа и самосознания. Несмотря на то, что по решению судов католические священники были лишены права проведения богослужений, тем не менее большинство из них являлись организаторами проведения служб среди польских ссылных. Властями пресекались случаи

совершения богослужений по римско-католическому обряду в местах каторги [2, л. 50].

Для предупреждения влияния католических священников на большую часть польских ссыльных и их изоляции в 1866 г. была выбрана небольшая деревня Тунка, расположенная вдали от мест заключения и поселения польских ссыльных, куда стали направляться католические священники со всей Восточной Сибири. В последующие годы в Тунке было сосредоточено 156 католических священников, находившихся на тот момент на каторге и поселении [12, с. 45].

Еще одним шагом, предпринятым на пути разграничения польских ссыльных по сословному признаку, явилось выделение особых мест для отбывания наказания представителей привилегированных и непривилегированных слоев. Во второй половине 1865 г. местами каторги для представителей привилегированных слоев становится Сивяковское тюремное помещение, где было сосредоточено наибольшее количество ссыльных [1, л. 251]. Представители непривилегированных слоев направлялись для отбывания наказания в деревню Домна, селение Беклемишевское, Муравьевскую гавань и Петровский железоделательный завод. В число непривилегированных были включены и те представители польской шляхты, которые, как в случае с Я. Сивинским, не смогли доказать в Герольдии свое дворянское происхождение. В связи с этим они были лишены всех тех привилегий, какими обладали представители аристократии.

Особенно ярко разделение двух основных направлений польского восстания 1863–1864 гг. проявилось во время Кругобайкальского восстания 1866 г. Именно представители лагеря «красных» являлись основными проводниками идеи вооруженного побега из Забайкалья. Большая часть ссыльных, относящихся к лагерю «белых», не поддерживала этой идеи, а «белые», находившиеся на строительстве Кругобайкальского тракта, не принимали участия в восстании, считая его успех нереальным, а затею авантюристской [13, с. 94].

В местах размещения продолжали сохраняться территориальные и сословные разделения в среде польских ссыльных. Наиболее показательным является Сивяковское тюремное помещение, сосредоточившее в себе, на начальном этапе, представителей различных регионов Польши, Белоруссии, Литвы и

Украины. Размещение ссыльных происходило при верфи, на которой строились баржи для нужд амурского сплава. В связи с увеличением количества ссыльных поляков встал острый вопрос строительства тюремных помещений. Местная администрация решила эту проблему путем расширения территории тюрьмы и разрешения ссыльным строить дома и землянки.

Зелонко Л. описывает это следующим образом: «В течение двух месяцев более шестидесяти домов было почти построено, расширены границы тюрьмы, переноса ограждение на полторы версты, построены каналы и рвы для стекания воды. Сивяково превратилось в небольшой городок. ... Свой городок мы назвали «Маленькая Варшава» и поделили на две части: на Старый и Новый город, находилось там Краковское предместье, улицы: Сенаторская, Королевская, Медовая, Депутатская (Посельская) и даже Железные ворота» [7, с. 47–49]. Другой ссыльный, находившийся одновременно с Л. Зелонко в Сивяково, Э. Чапский называет в своих воспоминаниях эту часть Сивяковского тюремного посещения «Сиваковская марка (маркграфство)» [6, с. 298].

В Сивяково в полной мере проявились различия между территориальными группами участников восстания. Э. Чапский описывает это следующим образом: «Здесь, в Сивяково, среди сосредоточенных вместе 700 заключенных, собранных со всех провинций Польши еще до ее разделов, заметили мы новое болезненное проявление нашего общества, которое имело дальнейший и глубокий зародыш на будущее, и хотя оно проявилось в самых худших моральных условиях нынешней неволи, но возникнуть могло не только из-за нее. Проявлением этим было объединение жителей различных провинций, отличающихся языком и одеждой, а в некоторых случаях образом жизни и понятиями, и даже враждебным отношением таких провинциальных кружков друг к другу. Русины, т. е. заключенные из Киевской, Волынской и Подольской губерний, пели хором свои малорусские песни, в их демократизме проявлялась гордость гайдамаков и смешивалась с теориями Антоновича, как бы научно и исторически-общественными. Отличались они своими бараньими шапками и широкими шароварами, более всего сторонились жителей Царства Польского и литвинов; представителей Великого княжества Познанского называли немцами и почти не

понимали их язык, как и язык жмудинов, которых повсеместно называли «жемайтами». Эти последние менее всех общались с основной частью ссыльных, а выгоду непонятного для всех языка использовали не только для того, чтобы отделиться от других, но чаще всего потому, что большинство из них совершенно не говорили по-польски. Заключение из Царства Польского, повсеместно называемые конгрессовяками, также имели свои отдельные сообщества, выступали как бы начальниками народа, высшими по своей культуре, чистоте языка и цивилизацией, и позволяли себе безобразия и презрение в отношении других земляков. Литвины и жмудины симпатизировали друг другу, не проявляли нежелания в отношении русинов и вместе собирались только в том случае, если требовалось дать отпор претензиям поляков Царства Польского. ... Жители Галиции, хотя их и было больше всего, вели себя скромно и жили разделенные между народами» [6, с. 283–285].

Кроме разделения по национальному и территориальному признаку, в Сивяково проявилось и разделение по партийным предпочтениям, о которых также пишет большинство ссыльных. Б. Дыбовский отмечает: «Жизнь наша в Сивяковской тюрьме протекала бы вполне сносно, как в Усолье под Иркутском, если бы не партийные междоусобицы, ветренные проявления неподготовленных умов и, если бы не водка, все это производило неприятное впечатление» [13, с. 92].

В другом месте автор воспоминаний говорит о том, что противоречия между польскими ссыльными, представителями разных направлений все более углублялись. И если представители «красных» являлись сторонниками радикальных мер, которые, как правило, приводили к неповиновению и даже бунту, «белые», которых Б. Дыбовский называет «интеллигенцией», призывали к внутреннему совершенствованию и тщательной работе над собой. Поскольку, по мысли автора, этот второй путь являлся наиболее трудным для осуществления в условиях каторги, не все ссыльные ему следовали [13, с. 94].

Сам Б. Дыбовский непродолжительное время находился в Сивяково и при представившейся возможности, в числе других ссыльных, был переведен в д. Дарасун, где занялся обустройством создаваемого курорта и лечением больных. В своих воспоминаниях общество ссыльных, находившихся в Сивяково,

он называет «Речь Посполитая Сиваковская», таким образом подчеркивая его не совсем положительное значение. Сам автор воспоминаний старался не вмешиваться в партийные противоречия, являясь сторонником концепции выживания [13, с. 94], основанной на принципах органической работы.

Подобным образом противоречия и противостояние представителей двух основных направлений в Сивяково описывает и Л. Зеленко: «В Сиваковой движение было как в улье, все крутится и почти каждый, как может, работает; но общество, разделенное на две части, устраивает польским способом сеймики, зажигает речи и т. п., а этим внутренним несогласием пользуется только Заборовский» [7, с. 50].

Об одном из острых противостояний между двумя направлениями, произошедшем в Сивяково, упоминает российский революционер, находившийся в рассматриваемый период в Сивяково, П. Д. Баллод. Он в письме, датированном 3 июля 1870 г., сообщал о своем избрании старостой ссыльных в Сивяковском тюремном помещении. Избрание и назначение старостой ссыльных П. Д. Баллода в среде польских ссыльных не было единогласным решением всех польских ссыльных, часть из них, выступала резко против. Вот что об этом пишет сам ссыльный: «... взбунтовались паны и говорят: нечего рассчитывать на своих, надо выбирать распорядителем Б[аллода]. Это, разумеется, говорили ярые демократы, к которым причислял себя и я. Хотя в «ярость» мою многие и не верили. Другая половина, т. е. аристократия, запротестовала, что стыдно полякам выбирать своим представителем «москаля» и что скажет Европа на то, что 600 поляков выбирают своим представителем единственного «москаля». Не знаю какие размеры принимало по этому поводу волнение в Европе, только у нас в Сиваковой 600 поляков кричали на всю степь и обе партии сделались до того непримиримыми, что каждая из них хотела просить у начальства автономии, т. е. права иметь своих представителей» [4].

Таким образом, следует отметить, что напряжение во взаимоотношениях польских политических ссыльных, сосредоточенных в Сивяковском тюремном помещении, на протяжении всего периода существования было очень высоким и приводило к конфронтации, основанной на национальных и сословных различиях. Тем не менее подобные различия не мешали ссыльным

организовывать свою жизнь на взаимовыгодных условиях. Некоторые ссыльные из привилегированных сословий обращались к различного рода услугам крестьян, мещан и ремесленников.

Польские ссыльные также были сосредоточены при Петровском железодельном заводе. По сравнению с Сивяково, в Петровском заводе находилось значительно меньшее количество ссыльных ввиду незначительного количества тюремных помещений, для чего использовалось помещение острога, в котором в свое время содержались декабристы. До момента принятия решения о размещении в Петровском заводе представителей непривилегированных сословий здесь также были сосредоточены представители аристократии и шляхты. Некоторое время здесь пребывал и Э. Чапский, воспоминания которого мы цитировали выше. Поскольку он является ярким представителем направления «белых», следует еще раз обратиться к его описанию взаимоотношений между польскими ссыльными в Петровском заводе. При описании внутреннего климата среди ссыльных поляков он пишет следующее: «Также проявлялись здесь открыто претензии нивеляторов, а ремесленники и мещане провозглашали угрозы панам и аристократам, насмехались над т. н. партией «белых» и гордились своей краснотой. Повсюду их следовало избегать, чтобы не поддаваться на какую-нибудь авантюру. Исходя из этой осторожности, я не участвовал в избирательных собраниях, на которых с огненными речами выступала молодежь всех сословий и провинций. С господином Марчевским проживал Николай Эпштейн, которого я когда-то знал в Остенде, мы называли господина Витольда нянькой Эпштейна, столько было в этом последнем добровольной инертности и женственности. Я должен был избегать близких связей с камерой, в которой проживали эти господа, поскольку поэзия и все разговоры Эпштейна сводились к проявлению презрения по отношению к т. н. «панам» и всей шляхте. А когда мы отмечали годовщину революции 29 ноября 1830 года, собрались все в одном помещении (устроенном для этого в лазарете), то должны были выслушать долгий рассказ г. Эпштейна, прямо направленного против «белых» [6, с. 276].

В тоже самое время в воспоминания польских ссыльных, находившихся в Петровском заводе, подчеркивается видимость добрососедских отношений, сложившихся между ссыльными.

Об этом упоминает Э. Чапский, говоря: «Так, освобожденные от груза общности жили мы в видимом согласии и тишине» [6, с. 278]. Более позитивно внутренний климат общества польских ссыльных в Петровском заводе, хотя и не имеющий ничего общего с реальным положением дел, описывает Л. Зелонко: «В Петровске, несмотря на различия в убеждениях, происхождении и образовании, благодаря Витольду Марчевскому, ... господствовали между нами согласие, единство и дружба, жили мы рядом как братья, работая и обучаясь друг у друга» [7, с. 41].

Польский исследователь проблем польской ссылки в Сибири второй половины XX в. Г. Скок опираясь на большое количество дневников и воспоминаний польских ссыльных, представляет весьма сложную картину взаимоотношений польских ссыльных как среди своих соузников, так и их взаимоотношения с местным населением и окружающими на месте каторги и поселения. По словам автора, в среде польских ссыльных во время следования на каторгу и ссылку сформировались две основные концепции поведения в условиях заключения: концепция продолжения вооруженной борьбы (*konsercja walki*) и концепция выживания (*konsercja przetrwania*) [14, с. 208–209]. Первой концепции придерживались представители «красных», стремившиеся к внутренней организации и готовности в любой момент продолжить борьбу, даже в условиях каторги и поселения. Принципы второй концепции провозглашали представители партии «белых».

Б. Дыбовский, являясь приверженцем концепции выживания, всеми силами старался привить основные ее принципы не только в своем окружении, но и среди других членов сообщества ссыльных. Исследователь выступал категорически против употребления алкоголя и участия в азартных играх. Он также призывал к интеллектуальной работе и моральному совершенствованию для того, чтобы являться примером для местного населения. После перевода на работу в Дарасун, ученый смог более свободно заняться научными исследованиями. В воспоминаниях он отмечает, что в сравнительно небольшой группе ссыльных, сосредоточенных в Дарасуне, удалось создать комфортную атмосферу общежития польских ссыльных. В то же время автор отмечал, что некоторые из польских ссыльных не

принимали участия в данной работе. Вот что он отметил в своих воспоминаниях: «Политические заключенные, находившиеся в Дарасуне, за исключением украинцев, познаняка и словака, старались совместными усилиями работать во славу и на пользу Отчизны, имея цель с одной стороны оставить после себя хорошее мнение о поляках, с другой стороны самим профессионально и морально подготовиться к тому, чтобы вернувшись на родину, стать образцовыми членами общества» [13, с. 238].

Довольно напряженная внутренняя ситуация в среде польских ссыльных также сложилась и среди тех, кто был направлен на работы в Александровский сереброплавильный завод. Ссыльные, находившиеся при Александровском заводе, занимались добычей руды и ее перевозкой. Кроме польских политических ссыльных, здесь в рассматриваемый период были сосредоточены и русские государственные преступники. Самым известным русским ссыльным являлся Н. Г. Чернышевский, о пребывании которого, упоминают в своих воспоминаниях в том числе и польские ссыльные. Ссыльные были сосредоточены в нескольких тюремных помещениях, что привело к относительной изоляции их друг от друга. В частности, Менжинский Л. отмечал: «Каторжники трех тюрем не общались между собой, разве что только при работе, а поскольку был это сбор со всех земель бывшей Польши поэтому мы практически не были знакомы» [10, с. 76].

Одно из помещений, в котором были размещены ссыльные, называлось «контора», поскольку было переоборудовано из бывшего помещения управления (конторы). Находящийся на каторге в Александровском заводе участник «каракозовского дела» Петр Федорович Николаев следующим образом описывает взаимоотношения в среде польских ссыльных и отношение их к Н. Г. Чернышевскому: «Население «конторы» состояло преимущественно из простолюдинов, городских рабочих и особенно много было жмудинов, полукрестьян-полупанов. Народ этот был отчаянно патриотичный и страстные католики. В особенности они ненавидели интеллигенцию, которая, по словам их учителей, ксендзов, погубила «справу» и «отчизну»; как бывало подошьет немного эта фантастическая полуголая толпа, так и раздаются крики: «бей академиков» ... В особенности эта польская черная сотня, подстрекаемая ксендзами, ненавидела соци-

алистов. ... Николая Гавриловича такая даже компания любила и уважала; с каким-то удивительно трогательным доверием они относились к нему и умели щадить и беречь его, с поразительной, только им свойственной деликатностью избегая всего, что могло бы огорчить или взволновать «пана Чернышевского» [3].

Подводя итог следует отметить, что взаимоотношения польских политических ссыльных, сложившиеся во время их пребывания на каторге и в ссылке, несли на себе отпечаток того опыта, который ими был вынесен из самого восстания 1863–1864 гг. Сложившиеся противоречия в период подготовки восстания и его проведения, особенно усугубились после его поражения. Взаимные обвинения в недееспособности и допущенных ошибках между представителями двух направлений, на каторге и поселении приобрели особо острое звучание. Споры возникали как во время движения партий по этапу, что занимало не один месяц, так и в тюремных и каторжных помещениях.

Основой для подобных споров и конфронтации являлись словесные различия и преграды, которые не способствовали сближению представителей различных социальных, территориальных и национальных групп. В связи с чем не сформировалось единого консолидированного подхода к оценке результатов восстания и все рассуждения с обеих сторон, переходили на уровень взаимных обвинений. Дополнительной причиной разделения польских политических ссыльных на каторге и поселении, являлись национальные и территориальные различия, сложившиеся в среде ссыльных.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 111.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (п). Д. 217.
3. Николаев П. Ф. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе) 1867–1872 гг. М., 1906. 52 с.
4. Польская политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 292 с.
5. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей, и о ссыльных. Санкт-Петербург, 1832. 79 с.
6. Czapski E. Pamiętniki Sybiraka. London, 1964. 371 s.
7. Jastrzębiec Zielonka L. Wspomnienia z Syberii od roku 1863-1869. Kraków, 1906. 320 s.
8. Katorżnik czyli pamiętniki Sybiraka napisane przez Jana Siwińskiego zesłanego w roku 1863 na ośm lat do robót katorżniczych w kopalniach Nerczyńskich, kraju Zabajkalskim w Syberyi. Kraków: Spółka Wydawnicza Polska w Krakowie, 1905. 127 s.
9. Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2009. 795 s.

10. Mężyiński L. Wspomnienia z powstania styczniowego i sybirskiej katoggi 1863–1869. Tarnopol, 1910. 164 s.

11. Mineyko Z. Z tajgi pod Akropol. Wspomnienia z lat 1848–1866. Opracowanie Eligiusz Kozłowski i Kazimierz Olszański. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1971. 552 s.

12. Niebelski E. Tunka. Syberyjskie losy księży zesłańców 1863 roku. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2011. 394 s.

13. Pamiętnik dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: wydawnictwo Zakłady Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 627 s.

14. Skok H. Polacy nad Bajkałem. 1866–1883. Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974. 336 s.

УДК 947.073(571.51)

Скоробогатова Н. Н., Шушенское

**Особенности размещения и социально-экономического положения
польских политических ссыльных
в сельской местности Енисейской губернии**

Аннотация. В статье на основе новых архивных данных делается попытка рассмотреть положение польских политических ссыльных в сельской провинции Восточной Сибири. Анализируется численный состав, социальное и экономическое положение польских политических преступников, высланных в сёла Енисейской губернии. Особое внимание уделено проблеме ограничения прав этой категории населения, как фактору, повлиявшему на выбор профессии, образ жизни.

Ключевые слова: политическая ссылка в Сибири, принудительная миграция, ограничения в социально-экономических правах, полицейский надзор, адаптация польских мигрантов.

Skorobogatova N. N., Shushenskoe

**Features of the accommodation and socio-economic situation
of Polish political exiles in rural Yenisei Province**

Summary. On the basis of new archival data, the article attempts to consider the situation of Polish political exiles in the rural province of Eastern Siberia. The numerical composition,

social and economic situation of Polish political criminals exiled to the villages of Yenisei province is analyzed. Special attention is paid to the problem of restricting the rights of this category of the population, to the factor that influenced the choice of profession and lifestyle.

Keyword: Political exile in Siberia, forced migration, restrictions in social and economic rights, police supervision, adaptation of Polish migrants.

Довольно подробно в исторической науке рассмотрены вопросы социально-экономического положения польских ссыльных в губернских городах Восточной и Западной Сибири, в сёлах с компактным проживанием польского населения, однако значительно меньше внимания уделено положению «мигрантов по-неволле», которые проживали в большинстве своём в сельской местности и провинциальных городах Сибири дисперсно. Происходит это, видимо, из-за скудости источников, которые могут привлечь исследователи для полноценных работ по данной теме.

Принудительная миграция, как крупное социальное явление, сыграла значительную роль в освоении Сибири, в развитии её производительных сил. С 30-х годов XIX в., на протяжении примерно четырёх десятилетий, поляки численно преобладали среди государственных преступников и определяли облик политической ссылки. В результате дробления этноса, на далёких окраинах России сформировались довольно значительные диаспоральные объединения польских мигрантов. Сибирский регион, как принимающий социум и место формирования новой идентичности, выполнил функцию «меняющегося мира» применительно к новым контингентам населения.

По данным исследователя М. В. Миско в период восстания и после его подавления было осуждено в ссылку и на каторгу около 18 тыс. человек, конфисковано имений в Царстве Польском – 1660¹. Первые 43 участника Январского восстания 1863–1864 г прибыли в Енисейскую губернию в 1864 г.² Самая большая партия ссыльных появилась здесь в 1866 г. Все они были при-

¹ Миско М. В. Польское восстание 1863 года. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 334.

² Шульбаев О. Н. Политические ссыльные в Минусинском округе – участники восстания 1863 г. в Польше // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Сер. 3: История. Право. 2002. № 2. С. 28.

говорены к каторжным работам, но после восстания на Крубгобайкальской дороге, под давлением общественного мнения «царской милостью» от 16 апреля 1866 г. им было даровано поселение, в частности, и в Шушенской волости до конца срока ссылки.

Вторая крупная партия ссыльных прибыла в Южную Сибирь из Иркутской губернии в 1871 г. по Высочайшему повелению от 13 мая с. г. Переселение ссыльных поляков в Шушенскую волость, в основном, было закончено в 1873 г.¹

В соответствии со списками, имеющимися в архиве музея, мы располагаем сведениями о 241 человеке – это приблизительно 6,5 % из тех 3719 человек², которые подверглись репрессиям и оказались на поселении в Енисейской губернии.

Перейдя в положение ссыльных, бывшие жители Польско-го королевства в подавляющем большинстве утратили свой прежний социальный, профессиональный и сословный статус и оказались в положении маргиналов. Они стали нищими, безработными, лишившимися семьи, имений, социальных привилегий, несмотря на различия, определённые лестницей наказаний и принадлежностью к разным социальным слоям, попадая в ссылку, поляки сливались в единую социальную массу – ссыльнопоселенцев.

Не случайно польский исследователь Станислав Орсини-Розенберг (Stanisław Orsini-Rosenberg) охарактеризовал сибирских поляков как «сумму людей, угнетенных их общественным положением и силой определенных, общих для этой группы, объективных культурных условий, как бы приговоренных к соответствующему образу мыслей и действий»³.

На окраинах России возникло особое явление в политической, социальной и культурной истории сибирской провинции – массовая польская политическая ссылка, имеющая общие географические, экономические и культурно-исторические параметры.

«Число поляков, проживающих в Сибири, поначалу весьма скромное, значительно возросло после 1863 г. Прибыли сюда

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 397–398, коробка 1805, без указания страниц.

² Митина Н.П. Во глубине сибирских руд. М., 1966. С. 11, 13.

³ Orsini-Rosenberg S. Procesy rozkładowe w grupach etnicznych niezorganizowanych. Warszawa : Drukarnia L. Nowaka, 1933. С. 15.

люди различного социального положения: интеллигенция, ремесленники, купцы, торговцы, простой народ, незначительная часть богатых, в большинстве своём люди с низкими доходами, либо вовсе без гроша в кармане. Кое-как справлялись с нуждой крестьяне и ремесленники. Одни были в услужении у крестьян: пахали землю, молотили, жали, за что получали небольшую плату и пропитание; другие, при огромном недостатке хороших мастеров, если попадали в города или крупные посёлки, очень быстро находили работу. Купцы и торговые люди, при отсутствии капитала немного могли сделать. Но хуже всего было здесь людям науки, разбросанные по деревням, между крестьянами они были весьма ограничены в средствах, а часто нужда заглядывала им в глаза»¹.

Обустройство ссыльных во многом зависело от их энергии, умения устроиться на новом месте, состояния здоровья, обладания теми или иными трудовыми навыками.

«Жилинский Бронислав и Малкевич Антон – имеют к пропитанию себя свои средства и могут обойтись без получения от казны пособия, т. к. Жилинский находится в услужении у торгующего крестьянина Тарасова, а Малкевич имеет деньги даже и в рост, и кроме того, получает деньги от родственников. Цидзиков Михаил – занимаясь закупками хлеба и другими оборотами, даёт займы и взаимобразно получает от жителей проценты, Лагун Александр – находится приказчиком у торгующего поселенца Дубровина. Имеет в д. Комаровой собственный свой дом, занимается закупкой хлеба на свои деньги. Войцеховский Франц – мастерства никакого не знает, а по слабости здоровья и старости лет ни к каким работам не способен. Вансович Людвиг – по слабости здоровья решительно ни к каким крестьянским работам не способен, а получаемого им пособия едва хватает на полмесяца, а остальное за тем время он пропитывается у товарищей почти что Христа ради. Адам Пограшевский кормовых не получает. Ранее он получал их, но с год прекратилась выдача, т. к. он в то время занимался работами»².

¹ Chyliczkowski Jan Syberia pod względem etnograficznym, administracyjnym, rolniczym i przemysłowo-handlowym”. Włocławiek, 1898. С. 239–240 – пер. с польск. Н. Skorобогатовой.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 92. Л. 59–60.

Местные власти вынуждены были предпринимать необходимые меры по урегулированию материального положения этой части сибирского населения. Размер пособия для этой категории ссыльных был определён в 1822 г. Как доносил Департамент полиции, для 60-х гг. XIX в. оно стало «крайне ограниченным и не обеспечивающим первых потребностей жизни». Процедура распределения ссыльных по Сибири была чисто механической, хотя соблюдалось пропорциональное соотношение численности политических ссыльных со старожильческим населением. Власти рассчитали пропорцию, соотношения поляков и старожильского населения: «один ссыльный к 10 душам мужского пола»¹.

Места водворения политических ссыльных, занимающихся сельской промышленностью в волостях Минусинского и Канского округа, были определены на основании 2§ правил от 8 января 1866 г. Для Канского округа это были Усьянская, Тасеевская и Ирбейская волости, для Минусинского: Тесинская и Шушенская. Поэтому в этих волостях была сгруппирована почти вся масса политических ссыльных и западно-польских переселенцев, несмотря на то, что многие из них были вовсе неспособны к сельским занятиям. К тому же иногда количественное соотношение ссыльных и старожилов было не в пользу последних, т. к. число душ старожилов учитывалось по ревизии, т. е. детьми малолетками, престарелыми, тогда как политические ссыльные, были преимущественно молодого и среднего возраста².

Группировка политических ссыльных в одних «тесно ограниченных местностях, значительно увеличивала народонаселение. Неизбежное в подобных случаях возвышение цен на жизненные потребности и понижение цен за рабочую плату привело к тому, что те из них, которым свойственны сельские занятия, с трудом могли найти работу у сельских жителей, а если и находили, то за весьма низкую плату, не соответствующую расходам для производства»³.

Местные власти старались регулировать численность ссыльных, переводя их с одного места водворения в другое, о чём

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10 к. 1664. Д. 18. Л. 63–63 об.

² ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 21. Л. 137 об.

³ Там же. Л. 143 об.

свидетельствует предписание Минусинского исправника Шушенскому волостному старшине о переводе ссыльных Фаддея Бронницкого, Владислава Пеховича, Эмильяна де Тыли и Болеслава Турского из д. Каменки в с. Шушенское от 26 ноября 1866 г. для уравнивания численности политических ссыльных с душами старожиллов»¹.

Первое время пребывания в ссылке было самым трудным, т. к. это был период недостатка и крайней нужды. До обзаведения собственным домом и хозяйством за ссыльным устанавливалось строгое полицейское наблюдение. Функции полицейского надзора в сельской местности на уровне волости, села, деревни полностью ложились на крестьянское общество. Непосредственными организаторами полицейских функций в сельской местности были старосты и подчинённые им сотские и десятские.

5 сентября 1865 г. крестьяне с. Дубенского Шушенской волости доносили в волостное правление, которое собирало сведения в комитет для устройства быта политических ссыльных, следующие данные об Андрее Галицком: «Мы ниже подписавшиеся Енисейской губернии Шушенской волости с. Дубенского государственные крестьяне, сим удостоверяем, что политический преступник, причисленный в наше село, Андрей Галицкий ни в чём предосудительном не замечен, а т. к. он, Галицкий живёт в месте причисления без отлучки, к тому же не имеет с обществом нашего села сношений, то не можем сказать об образе его жизни, ни о наклонностях его»².

Ссыльные из Польши обладали более высоким социальным статусом и образовательным цензом. Не случайно М. Садко в статье «Кто виноват?» писал: «Сибирь любит ссылку, знает её и благодарна ей, ссылка многое ей дала. Ссыльные были более образованны, чем местное население. С другой стороны, местная общественная жизнь, в которую втиснута ссылка, в отношении образования стоит неизменно ниже последней, в енисейской деревне образование оценивается не по существу и не так уж высоко, так как некоторые считают, что оно не имеет практического значения и хозяйственного приложения. Ссылка оказы-

¹ МКУ АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1541. Л. 4.

² Там же. Л. 53–54.

вается, в силу своего образовательного ценза, изолированной от местных мелочей жизни и этим самым поставлена сверх неё»¹.

Следовательно, поступившие на жительство или поселение в Сибирь пополняли ограниченные в правах сегрегационные группы, т. е. лишались собственности, социального положения и возможности добывать хлеб насущный, т. е. использовать свои профессиональные знания. При этом законы о ссылке тщательно регулировали трудоустройство, активно задействуя их труд ради освоения сибирских окраин.

Огромная сельскохозяйственная территория давала весьма ограниченный спектр занятий, т. к. в составе населения губернии преобладали сельские социальные слои. Об этом свидетельствуют статистические данные. По данным 1863 г., «сельские жители составляли 92,2 % всего населения Енисейской губернии. Это население проживало в 136 селах, 594 деревнях и 63 улусах»². В сфере сельского хозяйства в середине XIX в. было занято «94 % населения губернии, или 235,3 тысяч человек. В это время горожан было 15,1 тысяч»³.

Существенной особенностью польской политической ссылки этого периода был её «текущий характер», что объясняется тем, что ссылные периодически занимались приисканием работы или более выгодного места службы.

Ведомость о состоянии политических ссылных на 1868 г.⁴

В Минусинском округе ссылных	На март месяц	На апрель месяц
На причислении	1120 чел.	1117 чел.
Убыло за март	3 чел.	
Уволено по билетам	469 чел.	
В месте причисления		648 чел.

¹ Садко М. Кто виноват? // Енисейская ссылка: сб. Енисейского землячества / под. ред. В. Н. Соколова. М: Изд-во ВОПКиС, 1934.

² Полиция Енисейской губернии: Общая географическая характеристика. Электронный ресурс. Код доступа: <http://rabotada.ru/articles/politsiya-eniseiskoi-gubernii-obshchaya-geograficheskaya-kharakteristika>

³ Константинова. М. В. Хлебная торговля в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: Дисс. на соискание уч. ст. кандидата ист. наук. Красноярск: КГТЭИ, 2007. С. 208.

⁴ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 143. Л. 14 об.

Губернские правления согласно ст. 333 «Устава о ссыльных», позволяли польским переселенцам, причисленным к деревням старожилков, переводиться из одной волости в другую по уважительным причинам. Жизненные биографии ссыльных Шушенской волости подтверждают этот законодательный акт. Так, например: «Скварский Павел Иванович – политический ссыльный, из дворян, уроженец Пултусского уезда, лишён всех прав состояния, состоит на причислении в с. Шушенском. С 26 апреля 1864 г. находится в увольнении на Абаканском железодельном заводе в услужении. Получает от казны пособие 24 рубля в год, поведения хорошего»¹. Сулимовский Адольф – 50 лет, причислен в с. Шушенское, находится в Красноярске по увольнительному билету². Арашевский Иосиф (Юзеф) Филиппович – мещанин г. Варшавы, был приписан к с. Ермаковскому, но с 1868 г. проживал в с. Шушенском по увольнительному билету, где занимался хлебопашеством и служил по найму десятником при волостном правлении. В 1871 г. был возвращён на родину³.

Ссыльнопоселенцы не стеснялись никакой работы, нанимались в работники, платили старожилам за постой и хлеб, строили избы и ухаживали за скотом, косили сено, выполняли ремесленные работы. Сферой занятий ссыльных поляков в округе были: услужение, хлебопашество, промысел. По профессиональному составу среди них имелись кузнецы, плотники, колбасники, цирюльники и т. д. В южных округах Енисейской губернии существовали небольшие заводы, где работали, в том числе, и политические ссыльные: Абаканский железодельный, стеклодельный завод М. Гусевой. Многие ссыльные находились в услужении на промыслах Окулова, Семёновой, Франковского, Хомутникова, Репетиловых и др.

Переселение, водворение и адаптация польских ссыльных к новому обществу и новой территории, традиционно предполагали значительные затраты государства на компенсацию низкого социально-экономического уровня невольных эмигрантов.

Широкий спектр экономических вопросов обустройства политических ссыльных решался выдачей ссуд и пособий тем

¹ МКУ АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1557. Л. 167.

² Там же. Л. 12–13.

³ Там же. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1536. Л. 16–17.

ссылным, которые их ещё не получали. Причём предполагалось обеспечивать таким образом и одиноких ссылных, и артели из трёх и более человек. Чиновникам временного управления по надзору за политическими ссылными предлагалось на местах определять при содействии местных властей желание ссылных заниматься хозяйством и их благонадёжность в местах причисления. Выдавать им ссуду и наблюдать за употреблением денег со стороны местных властей, которые подают в вышестоящие инстанции ежемесячные отчёты. Хозяйственная деятельность ссылных сдерживалась законодательными ограничениями. «Осужденные к ссылке в каторжную работу и на поселение, как лишённые всех прав состояния, не могли приобретать никакого недвижимого имущества в собственность»¹. Правда, это не ограничивало их в праве владения имуществом. Но в этом случае акты на покупку земли и домов совершались на имя Экспедиции о ссылных в местах их поселения, но не в городах, и пользовались этим имуществом ссылные до тех пор, пока жили в данной местности.

Имущество, предоставленное во владение, не могло продаваться, обмениваться, закладываться или обременяться долгами. Если ссылный причислялся в крестьяне на законных основаниях, то это недвижимое имущество передавалось ему в собственность, причём за совершение сделки не взималось никаких пошлин. Недвижимость могла оформляться на жён, которые сохраняли свободное состояние, последовав за мужьями в ссылку. В некоторых случаях предприятия могли оформляться на сибирских промышленников.

На новом месте жительства на ссылных распространялись налоговые льготы. В первое трёхлетие они были освобождены от уплаты всех податей, в последующие семь лет с них взимался половинный оклад подушных и оброчных денег, они освобождались от местных земских и волостных сборов. Дополнительно с них взимали 15 коп. серебром в экономический капитал, который использовался на содержание старых и увечных ссылно-поселенцев.

В целях поддержания материального состояния польских ссылных царское правительство оказывало им материальную

¹ Устав о ссылных // Свод законов Российской империи. Т. XIV. СПб., 1890. С. 93.

помощь в форме пособий и кормовых содержаний. Право на пособие распространялось на лиц шляхетского (дворянского) происхождения, поселенцев же «простого звания» царская льгота не затрагивала, и они могли рассчитывать только на самих себя¹.

Сумма пособия зависела от приговора или утраты прав состояния ссылными. Пособие от казны («кормовые») было мизерным, многие не получали его совсем. Для представителей высших социальных слоёв оно составляло 15 коп. в сутки. Право на получение пособия можно было легко потерять, если человек получал помощь от родных и близких, или устраивался на постоянную работу в месте пребывания. Часто кормовые деньги задерживали.

31 декабря 1875 г. политический ссылный Шушенской волости и села Лаврентий Каминский обращается к минусинскому окружному исправнику с просьбой о покровительстве и защите, т. к. по неспособности к работе и отсутствию средств существования, оказался в бедственном положении, не получая два месяца кормовые деньги в размере 2 р. серебром в месяц².

Если западно-польский переселенец был неспособен к труду по своему возрасту, болезням или физическим недостаткам, то его помещали на призрение в семейства старожилов либо польских переселенцев за определённое пособие, за взрослого – 10 рублей, за малолетнего – 5 рублей в год. Некоторым полякам выделялась пенсия в размере 24 рублей в год по болезни, старости, в связи с увечьями³.

Разовое пособие в 55 рублей выделялось на обзаведение хозяйством. На домообзаведство назначалось 35 рублей без отпуска казённого леса на постройку домов, если же разрешалось вырубить нужное количество леса из казённых дач, то размер пособия уменьшается на 15 рублей.

По многим причинам выделенного пособия на хозяйственное обзаведение явно не хватало. Польские переселенцы не имели никаких орудий труда, необходимых в хозяйственном обиходе, рабочих лошадей, семенного зерна, в отличие от переселенцев-крестьян.

¹ Кодан С. В. Сибирская ссылка декабристов (Историко-юридическое исследование). Иркутск, 1983. С. 211–213.

² МКУ АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1613. Л. 8–8 об.

³ Государственные преступления в России в XIX в. Т. 1. 1986. С. 109–110.

Польским ссыльным выделялись ссуда семенами для посева в размере двух четвертей на каждое семейство, но только в том случае, если они действительно приготовят поле под посев хлеба, в чём должны были удостоверить местное сельское начальство. При этом часто ссуда предполагала кредит в казначействе на покупку семян в весеннее время по завышенным ценам. Об этом свидетельствуют архивные документы. Так, минусинский окружной исправник Вахрушев подчёркивал в донесении военному губернатору г. Красноярска и гражданскому Енисейскому губернатору в 1868 г.: «Останется ещё достаточное количество запасов и к удовлетворению требований политических ссыльных, то я не предвижу ещё никакой надобности в приобретении для них семян покупкой, в особенности при существующей догодовизне на хлеб. Что же касается о количестве хлебов, выданных на посевы полякам в прошлом году в количестве 598 четвертей, 7 четвериков, 2 гарнца, то по сему мною уже доставлено вашему превосходительству донесение от 20 прошедшего декабря за № 2270 и по оному на отсрочку до будущего урожая оставшихся в недоимках 143 четвертей по приложенному именному списку мною получено разрешение Вашего превосходительства».

Иным было положение в северных округах Енисейской губернии, в частности, в Красноярском округе «за предположительным выпуском всего хлеба из сельских магазинов для предстоящего посева и предвидимой потребности его на продовольствие жителей, не предстоит никакой возможности произвести выдачу для политических преступников хлеба из сказанных магазинов. На покупку хлеба, а именно ярицы 55 четвертей и 2 четвериков полагая средне-установленные в Красноярском округе на апрель месяц сего года цены 10 руб. 80 коп. за четверик, ржи 8 пуд. весу потребно 596 руб. 70 коп. и овса 11-ти четвертей по 6 р. 46 1\4 коп. 45 руб. 23 3\4 коп. Всего же потребно денег 641 р. 93 3\4 коп.». Ачинский окружной исправник доносил, что «нуждающиеся в ссуде хлеба на весенний посев политические ссыльные и западно-польские переселенцы не могут быть удовлетворены из сельских экономических магазинов, потому что магазины истощены и в них оказывается недостаточно посевных семян для выдачи на посев крестьянам. И

потому нужно для них закупить хлеб, на что потребуется около трёх тысяч рублей»¹.

Те ссыльные, которые не находили применения своим знаниям и мастерству, изменяли характер своей деятельности, а также выполняли неквалифицированную работу. Так, дворяне Михаил Гайковский, Франц Громчевский занимались хлебопашеством в Шушенском и Идже, Владислав Баратынский, Феликс Броневиц, Павел Воротницкий, Василий Воргушило трудились на промыслах в Енисейской губернии, на Абаканском железоделательном заводе, стеклоделательном заводе Коновалова в 45 км от Красноярска, Корицкий Феликс был поваром в Минусинске².

По замыслу правительства ссыльные должны были стать важным источником пополнения сельского населения региона. Мелкое крестьянское хозяйство с двупольем и подсеками, обходясь до этого своими силами и особенного недостатка в рабочих руках не испытывало. Ротмистр Муравьев докладывал, что в «Минусинском округе в 1868 г. из 376 политических преступников, занимающихся хлебопашеством, только 51 человек может считаться самостоятельным хозяином, т. к. приобрёл дом. Большая часть остальных смотрит на хлебопашество, «как на аферу». Сами полей не обрабатывают, арендуют уже засеянные, или нанимают крестьян для обработки земли, расплачиваясь, в основном, семенами»³.

Минусинский округ был развитой сельскохозяйственной территорией, считался житницей Енисейского округа. С февраля 1838 г. сибирские власти выделяли ссыльным полякам 15-десятинные земельные наделы. На первых порах ссыльные получали арендованную землю, которой они могли пользоваться в течение 3-х лет, а по истечении данного срока, земля у них отбиралась, т. к. предполагалось, что за это время они сами обзаведутся пахотными угодьями.

Однако и аренда земли для этой категории сельских жителей была сопряжена с определенными трудностями. Так, например, Вацлав Брониславский (Грандельсман) из д. Малая Иня засеивал 3 десятины хлеба, землю брал в аренду у крестьянина, об-

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 157. Л. 11об–12.

² Там же. Д. 1431. Л. 41 об.

³ ГУ ГАОО. Оп. 13. Д. 18498. Л. 7.

завелся лошадьё и хозяйственными принадлежностями, но к обществу не был приписан. Поэтому не мог получать деньги на экономические нужды из капитала общественной запашки¹.

Определённое правительством пособие на приобретение оседлости в Сибири составляло 55 рублей (в том числе 20 рублей на заведение земледельческих орудий и 35 рублей на домообзаводство). 26 января 1868 г. Шушенский волостной старшина доложил окружному исправнику о том, что «полученное от казны пособие в размере 55 рублей политическим ссыльным Теодором Квенцицким употреблено на покупку своего продовольствия – 20 рублей, заплачено за 1 десятину земли на посев хлеба весной сего года – 4 рубля, а оставшиеся деньги потрачены на покупку товара для шитья сапогов у Владислава Пержхала и Матвея Красовского»².

Если ссыльный уже получил пособие, то на расширение хозяйства ему средств больше не давали, даже если он был переведён из одной волости в другую, как, например, в случае с Игнатием Савицким, который получил средства на обзаведение хозяйством в Ачинской волости и обратился за материальной помощью на новом месте жительства в д. Кривиной Шушенской волости, хотя здесь у него были свой дом, и он приготовил под посев 3 десятины пашни, а поэтому нуждался в средствах для устройства хозяйства. В помощи было отказано и второму ссыльному, который занимался хлебопашеством, Матеушу Кочаровскому, т. к. он с разрешения начальства получал кормовые деньги.

В выдаче средств на развитие хозяйства было отказано и Юзефу Козловскому, который несвоевременно обратился за пособием на домообзаводство, т. к. оно выдавалось только вновь прибывшим, а Козловский прибыл в Шушенскую волость в 1868 г, а к 1871 г. (ко времени подачи прошения) уже занимался хлебопашеством и портняжным ремеслом, а посему не мог нуждаться»³.

Ходатайства о выдаче ссуд на домообзаводство политическим ссыльным осуществляли окружные исправники, руководству-

¹ МКУ АГМ. Ф. 36. Д. 184. Оп. 1. Л. 3–9.

² О политических преступниках и польских переселенцах // АГМ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 1557. Л. 41.

³ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 74. Л. 34.

ьясь характеристиками просителей, которые им давали крестьяне сёл и деревень, где они проживают. «Крестьяне д. Средняя Шушь ходатайствуют за Доминика Антоновича Домбровского о выдаче ему пособия на устройство сельского хозяйства. Из заработков он приобрел лошадь, корову, овец, имеет сруб, лес для постройки дома»¹. Пособие в размере 55 рублей он получил 4 марта 1871 г. 3 июля 1871 г. крестьяне с. Субботино Шушенской волости ходатайствовали о выдаче пособия Яну Буцкевичу. Он жил в работниках, приобрел семена, 1 лошадь, занимался хозяйством, но нуждается в пособии для обзаведения дома и развития хозяйства². По данным исследователя польской ссылки в Минусинском округе О. Н. Шулбаева, «45 ссыльных Шушенской волости получили от казны пособие в сумме 55 рублей, и, подзаработав, обзавелись семьями и домами»³.

Таким образом, включаясь в иноэтническую среду, ссыльные поляки с неизбежностью втягивались в новые хозяйственные и культурные связи, должны были осесть, прижиться и закрепиться на новом месте, найти свою нишу в системе разделения труда и сформировать социальные связи на новом месте. Процесс «приживания» новоселов в местах вселения включал в себя все стороны адаптации невольных жителей сибирских окраин к условиям жизни в местах водворения.

¹ ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 74. Л. 181–183.

² Там же. Л. 311.

³ Шулбаев О. Н. Польская политическая ссылка в Минусинском уезде // Ежегодник Саяно-Алтайской тюркологии. Вып. 1. Абакан, 1997. С. 110.

Пенитенциарная и карательная система советской Сибири

УДК 947.073(571.54)

Башкуев В. Ю., Улан-Удэ

Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948–1960 гг.): медико-санитарный аспект¹

Аннотация. В статье рассматриваются медико-санитарные аспекты десятилетней ссылки литовцев в Бурят-Монгольскую АССР. Несмотря на ряд работ по изучению заболеваемости и смертности среди спецпоселенцев, изданных в 1930–1950-е гг., специальных исследований организации медицинского обслуживания во время их транспортировки и расселения почти нет. На примере литовского спецконтингента показано, насколько проблемным было медобслуживание депортированных в эшелонах по пути в ссылку и какие трудности медико-санитарного характера ожидали их в местах расселения. Выявляются причины неудовлетворительной организации медицинского дела в спецпоселках треста «Бурмонголлес».

Ключевые слова: Литва, Бурят-Монголия, операция «Весна», депортации, спецпоселение, спецпоселенцы, медицинское обслуживание, медико-санитарная ситуация.

Bashkuev V. Yu., Ulan-Ude

Lithuanian Special Settlers In Burat Mongolia (1948–1960): health aspect

Summary. The article deals with the health aspects of Lithuanian 10-year exile in the Burat Mongolian ASSR. Despite a

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, № АААА-А17-117021310269-9).

number of works on the study of morbidity and mortality among special settlers published in the 1930–1950, there are almost no special studies on the organization of medical services during their transportation and settlement. The example of the Lithuanian Special Content shows how problematic the medical care of deported persons in the echelons on their way to exile was and what medical and sanitary difficulties they expected in the places of settlement. The reasons for the unsatisfactory organization of the medical case in the special houses of the trust «Burmongolles» are revealed.

Keywords: Lithuania, Buryat Mongolia, operation «Spring», deportations, special settlement, special settlers, medical care, medical and sanitary situation.

Введение

Население Бурятии, в значительной части сформировавшееся в результате более чем 350-летней миграции в регион из других частей России, в середине XX в. вобрало в себя этнические контингенты немецких, литовских, молдавских и украинских спецпоселенцев. Самый многочисленный – ссыльные литовцы из Паневежиского, Плунгенского, Пасвальского и Шауляйского уездов ЛССР – прибыл в Бурят-Монгольскую АССР в начале июня 1948 г. Проведенная с жестокой эффективностью специальными частями МГБ СССР депортационная операция «Весна», побила все рекорды по количеству «изъятых пособников бандитов и националистов». Из одной только Литвы в период с 22 по 27 мая 1948 г. было вывезено 39 482 чел. или 11 233 семьи¹.

В Бурят-Монгольскую АССР эшелоны с депортированными литовцами прибыли спустя две с половиной недели, 8 и 10 июня. Всего эшелонов было три, под номерами 97908, 97912 и 97913. Общее количество прибывших ссыльных составило 4109 чел.²

Благодаря совместной работе российских и литовских историков, общественников и просто неравнодушных людей, история ссылки литовцев в Бурят-Монголию получила подробное освещение. Результатом многолетних исследований стали мо-

¹ Kašauskiene V. Deportations from Lithuania Under Stalin. 1940–1953 // Lithuanian Historical Studies. 1998. № 3. P. 80.

² Башкуев В. Ю. По обе стороны режима: наблюдательные дела как источник по истории литовской ссылки в Бурят-Монголию // Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Новосибирск: «Наука», 2010. С. 23.

нографии «Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948–1960 гг.)»¹ (Улан-Удэ, 2009) и «Didžiosios tremtys. Buriatija. 1948 m.» (Вильнюс, 2018)². Последняя работа представляет собой фундаментальный труд, плод сотрудничества бурятских и литовских ученых, помимо собственно исторических сведений содержащий массу фотографий, карт, схем, дополнительно иллюстрирующих историю спецпоселения.

Однако несколько в стороне от основных исторических нарративов оказался один важный аспект. Насильственное перемещение – бедствие для подвергшихся ему людей. Во время массовых депортаций 1940–1950-х гг. сильнейший психологический стресс накладывался на суровые, подчас невыносимые условия транспортировки и расселения в пунктах назначения. Затем следовала критическая для ссыльных стадия адаптации к географическим условиям, климату, эпидемиологическому фону, условиям проживания и социокультурным реалиям региона вселения. Именно на первые полгода-год ссылки приходилось наибольшее количество смертей.

Изучая с разных сторон феномен принудительных миграций, исследователи часто упускают из вида то, чем являлись массовые депортации с медико-санитарной точки зрения. Между тем история спецпоселенчества в СССР таит в себе множество вопросов, крайне интересных для историка медицины. Литовская ссылка в Бурят-Монголию не является исключением. В данной статье будут обозначены и раскрыты проблемные медико-санитарные аспекты: от повышенной заболеваемости во время транспортировки до санитарных проблем при расселении и охвата спецконтингента медицинской помощью в спецпоселках треста «Бурмонголлес».

Медико-санитарные проблемы литовского спецконтингента на пути в ссылку (конец мая – начало июня 1948 г.)

По своей сути и целеполаганию операция «Весна» была карательной акцией, направленной на подрыв социальной базы литовского националистического сопротивления. Все планировалось заранее, с большим временным запасом. Постановление Совмина СССР № 417-160сс, давшее начало депортационной

¹ Башкуев В. Ю. Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948–1960 гг.). Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2009.

² Didžiosios tremtys. Buriatija. 1948 m. Vilnius, 2018.

волне, вышло 21 февраля 1948 г. С 3 марта Министерство лесной и бумажной промышленности СССР стало рассылать приказы и инструкции по своим управлениям и трестам, чтобы начать подготовку к приему больших спецконтингентов на местах¹.

Списки на депортацию тоже составлялись заранее. Главной целью были крестьяне, особенно богатые и зажиточные, состоявшие на подозрении в связях с «лесными братьями». В реальности же, множество людей оказалось в депортационных списках по доносам. Глава литовской общины Бурятии Б. С. Разгус, ребенком попавший в депортацию 23 мая 1948 г., рассказывал, что видел донос на отца, подписанный четырьмя соседями. Глава семьи Разгус, владевший всего четырьмя гектарами земли, кулаком не был, но давление и угрозу жизни испытывал со всех сторон. Днем в ворота стучали советские активисты, требуя хлеба, но самое страшное начиналось ночью, когда из леса приходили повстанцы. Их инструмент убеждения – черный глазок автоматного дула – исключал любое сопротивление, а память о «профилактике неповиновения» – простреленный насквозь и бережно залуженный котелок – отправился вместе с семьей в ссылку².

При подготовке и проведении депортации работало обычное советское правило. Из-за коррупции и кумовства происходили утечки информации и некоторым семьям удалось заранее скрыться в лесу или на дальних хуторах. На место исчезнувших «бандпособников» мгновенно назначались другие, чаще всего не имевшие отношения не только к «лесным братьям», но и к крестьянам вообще.

Так произошло с семьей Недзельскис. Бывший спецпоселенец А. Недзельскис, попавший в Бурятию в 14-летнем возрасте, рассказал, что его семья проживала в городе Ретавас Тельшяйского уезда ЛССР и снимала комнату на чердаке. Отец, парикмахер Станисловас Недзельскис, в начале 1946 г. был по доносу арестован и получил 10 лет лагерей. Главой семьи была мать, на иждивении находились двое сыновей и старая бабушка. И Недзельскисов, по всем параметрам относившихся к бедноте,

¹ Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 767 сч. Оп. 2. Д. 16. Л. 63–64.

² Полевые материалы автора (далее – ПМА), интервью с Б. С. Разгусом, апрель 2011 г., г. Улан-Удэ.

выселили в Бурят-Монголию за считанные часы. Еще днем Адельбертас был в школе, где заметил отсутствие некоторых одноклассников, общее тягостное напряжение и вереницы автомашин по направлению к железнодорожной станции. А тем же вечером за ним, его матерью, бабушкой и братом с грохотом закрылась дверь переполненного товарного «пульмана»¹.

Погрузка спецконтингента происходила одновременно на 46 железнодорожных станциях ЛССР. Первые два состава в БМАССР были сформированы и погружены на станции Паневежис. Эшелон № 97913 состоял из нескольких партий спецпоселенцев. Сто семей погрузили на станции Павенчай. Затем были прицеплены вагоны со спецпоселенцами из Плулунгенского уезда (300 семей), отправленные со станции Плулунге².

Эшелоны №№ 97913 и 97908 отправились со станции Паневежис 23 мая 1948 г. в 23:45 и 23:57 соответственно. Каждый состоял из 50–60 вагонов различной величины³. Первый эшелон вмещал 387 семей, или 1376 человек, второй принял 388 семей, или 1257 человек⁴. Штаб эшелона, охранная команда, медпункт, кухня и изолятор занимали по четыре дополнительных вагона в каждом составе⁵. Эшелон № 97912 отправился со станции Павенчай 23 мая без указания точного времени отбытия. В то время как маршрут двух первых поездов проходил по станциям Бологое – Шарья – Пермь – Свердловск – Ишим – Омск – Новосибирск – Нижнеудинск – Иркутск – Улан-Удэ и далее в Заиграевский район, эшелон № 97912 два раза переадре-

¹ ПМА. Интервью с А. Недзельским, июнь 2014 г., по Скайпу из г. Друскининкай, Литва.

² Группа спецфондов информационного центра МВД РБ (ГСФ ИЦ МВД РБ). Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Т. 1. Л. 188–191; Там же. Л. 198; Там же. Л. 217.

³ Там же. Л. 188–189. По плану транспортного отдела МГБ каждый эшелон должен был состоять из 62 вагонов, вмещавших по 24 человека каждый. Однако в действительности вместимость вагонов была различной, к примеру, двухосный вагон позволял разместить 28–30, а четырехосный вагон вмещал уже 50–60 спецпоселенцев. Крупногабаритные вещи спецконтингента, например, мешки с продуктами, транспортировались в отдельном вагоне. См.: Там же. Л. 198.

⁴ Половозрастной состав спецпоселенцев был следующим – эшелон № 97913: мужчин 404, женщин 552, детей 420; эшелон № 97908: мужчин 368, женщин 548, детей 334; эшелон № 97912: мужчин 478, женщин 554, детей 465. См.: ГСФ ИЦ МВД РБ, Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 188, 198, 218.

⁵ Там же.

совывался. Количество спецпоселенцев, сданных по прибытию эшелона, составило 1497 человек, или 399 семей¹.

Трехнедельный путь через весь Советский Союз стал для ссыльных первым серьезным испытанием. Люди транспортировались в наспех переоборудованных товарных вагонах. Вдоль всего вагона в три яруса были установлены нары, а в дальнем конце в полу было прорублено отверстие для естественных нужд. Тем, кто занял нары, повезло. Бабушке А. Недзельскиса места там не хватило, и она две недели пролежала на узлах у дверей вагона. Когда поезд резко тормозил, люди с полок падали на нее. Недзельскис вспоминал, что бабушка уже тогда была больной и казалась ему очень старой. Всего в вагоне ехало более 30 человек – от старцев до грудного ребенка².

В тесноте и духоте товарных вагонов одной из наиболее распространенных опасностей была инфекция. Транспортировка проходила в начале лета, когда погода в Сибири непостоянна: сухие и жаркие дни могут чередоваться с дождем и даже снегом. Грозную опасность представляла кишечная инфекция, вызванная употреблением сырой воды и царившей в вагонах антисанитарией. Опасны были и острые заразные заболевания, передаваемые насекомыми.

Во избежание инфекционных болезней в эшелонах проводилась санобработка. Спецконтингент из состава № 97913 прошел ее 30 мая 1948 г. на станции Свердловск. Эшелон № 97908 был подвергнут дезинфекции в Новосибирске, а эшелон № 97912 проходил санобработку на станции Омск.

Адельбертас Недзельскис вспоминал, что в Омске весь эшелон повели в баню по улицам города колонной, оцепленной вооруженными солдатами. Начальник эшелона № 97912 подполковник с говорящей фамилией Скобочкин в отчете отмечал, что на эту операцию были израсходованы сразу все средства для подобных целей. По тону его замечаний можно предположить, что за 17 суток пути предписывалось делать несколько дезинфекций, но в действительности была проведена только одна. Кроме того, из-за «непродуманности вопроса железнодорожной администрацией и глупой принципиальности представителей УМВД» со-

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ, Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 217, 218.

² ПМА. Интервью с А. Недзельскисом, июнь 2014 г.

став был поставлен не там, где следовало, а у стационарного буфета, на расстоянии 2,5 км от санпропускника. Прибывший же эшелон № 97910, которому не требовалась санобработка, был поставлен напротив уже упомянутого санпропускника, так что Скобочкину пришлось водить своих спецпоселенцев за 2,5 км на обработку. Одновременно майор Сидоренко, начальник эшелона № 97910, был вынужден получать питание за 2,5 км от своего состава, в буфете. Такие бессмысленные прогулки под дождем в холодную погоду впоследствии привели к распространению гриппа в эшелоне № 97912¹.

Медико-санитарная подготовка к транспортировке оказалась слабой. В эшелонах не хватало медикаментов, отсутствовали хирургические иглы при наличии шелка и иглодержателей, не было препаратов для инъекций, хотя разнокалиберных шприцов запасы достаточно. Ситуацию спасали хорошо подготовленные врачи и медсестры, сопровождавшие составы. В эшелоне № 97912 врач Кузьмина и медсестры Зайцева и Газина оказывали больным профессиональную медицинскую помощь на протяжении всего пути².

Полностью избежать потерь среди спецпоселенцев не удалось. Было много младенцев; молока и питания для них не хватало. В составе № 97913 от энтероколита умер грудной ребенок, заболели и были оставлены в больницах семь человек, из них один мужчина, одна женщина и пять детей. Всего отстали от эшелона 10 человек – три матери были оставлены со своими малолетними детьми в больницах. Кроме мужчины и одного ребенка диагноз заболевших людей был общим – дизентерия³. В эшелоне № 97908 также умер младенец, женщина с четырьмя малолетними детьми и мужчина были госпитализированы. В поезде № 97912 умерли пожилая женщина и грудной ребенок, был оставлен в больнице в Свердловске мужчина с двусторонним воспалением легких⁴.

Несмотря на все тяготы трехнедельного пути, транспортировка литовских спецпоселенцев в Бурят-Монголию летом 1948 г. прошла относительно благополучно. Обошлось без огромных

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58 Л. Д. 199. Л. 223.

² Там же.

³ Там же. Л. 190.

⁴ Там же. Л. 231–232.

людских потерь, характерных для тотальных депортаций военного времени. Выселяя из Литвы «бандпособников» и «кулаков», войска МВД-МГБ на сей раз не разделяли семьи по принципу первой массовой депортации 14–17 июня 1941 г., отправляя мужчин в лагеря, а женщин с детьми – на поселение. Литовцы ехали в ссылку целыми хуторами и поддерживали друг друга в трудные минуты морально и материально. Многие семьи до депортации были соседями, односельчанами, друзьями. Присутствие в вагонах знакомых людей и этническая однородность спецконтингента давали дополнительные духовные и физические силы, помогавшие переносить сложные условия транспортировки.

Медико-санитарная обстановка в спецпоселках треста «Бурмонголлес»

Заранее осведомленное о скором прибытии больших спецконтингентов, руководство лесной промышленности БМАССР совместно с республиканским МВД и Управлением треста «Бурмонголлес» начало подготовку к их приему и расселению. В конце апреля 1948 г. были сформированы три специальные комиссии, в чьи задачи входило определение объема жилплощади на участках лесоразработок, определение размера жилфонда, подлежащего переоборудованию, принятие бань, прачечных и других санитарных объектов на участках леспромхозов¹. По результатам их работы были выявлены значительные проблемы в Эрийском мехлесопункте, а обнаруженные в Хандагайтском и Хандагайтском мехлесопунктах и Челутаевском леспромхозе недостатки, оказались легко устранимыми. Дирекция Эрийского МЛП к приему спецконтингента подготовилась плохо: временные палатки для переселенцев были грубо сооружены из неоштруганных досок с большими щелями в стенах; медицинская помощь на участках совершенно отсутствовала, а ближайший медпункт существовал только в поселке Илька. Капитальным жильем для депортированных литовцев на момент проверки даже не занимались, а в имевшихся временках отсутствовал хозинвентарь. Не было ни столов, ни стульев, ни кроватей, ни ламп, тазов и прочей хозяйственной мелочи².

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ, Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 3.

² Там же. Л. 44–45.

В реальной жизни ситуация с расселением была намного сложнее, чем могли предполагать члены комиссий, проводившие в мае 1948 г. оценку возможностей предприятий «Бурмонголес» к размещению крупного спецконтингента или принимавшие в начале июня подготовленные участки. Уже в докладных записках представителей МВД, наблюдавших за транспортировкой и расселением, отмечаются серьезные недостатки, существовавшие в пунктах поселения. Исполняющий обязанности начальника ОСП МВД БМАССР лейтенант Нагаслаев в своем отчете подчеркивал, что при заселении на участки Эрийского мехлесопункта значительная часть литовцев (111 семей) была размещена во временных палатках, которые «...не приспособлены по своим качествам даже для временного жилья, так как в некоторых из них не имеется полов и покрытия их плохие»¹.

В Хандагайтском мехлесопункте расселили 305 семей, которые размещались в поселках Верхняя Аракорка (183 семьи), Тарбагатай (53 семьи), Хутор (14 семей), а также в землянках недалеко от Верхней Аракорки (42 семьи) и вдоль Хандагайтской узкоколейки (13 семей). Также как и в Эрийском мехлесопункте, жилплощади здесь не хватало. По данным отчетов представителей МВД БМАССР, не менее 50 % спецпоселенцев в поселках этого предприятия были размещены скученно. На участке Верхняя Аракорка на 20 кв м жилплощади вселялись две семьи общим числом семь человек. Во многих квартирах в Верхней Аракорке, Хуторе и Тарбагатае не имелось стекол в рамах, печных очагов, кладовых, а в последних двух местах не было даже крыш. Еще хуже дело обстояло в землянках, где не было ни печей, ни освещения и где, по словам сотрудников МВД, «...продолжительный период проживать невозможно»².

В Челутаевском леспромхозе и Хандагайтском мехлесопункте ситуация с расселением была в целом схожа с другими участками, однако случаев откровенной неподготовленности не наблюдалось. Из 330 семей, размещенных на участках Хандагайтского мехлесопункта, во временные жилища не попал никто.

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ, Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 136. 180 семей литовских спецпоселенцев были расселены в бараках квартирного типа, которые, впрочем, также мало подходили для проживания, так как комнаты в них были очень малы, а какой-либо инвентарь или мебель в большинстве случаев отсутствовали.

² Там же. Л. 107.

Все спецпоселенцы были заселены в капитальные дома и жилые бараки, а на каждом участке, по словам проверяющих, имелись торговый ларек, баня, пекарня, столовая и дезокамера. В Челутаевском леспромхозе из 249 расселенных семей 79 попали во временные бараки, проживание в которых было возможно только до наступления холодов. Бытовые помещения в этом леспромхозе также имелись на каждом участке¹.

Как отмечали в акте от 15–23 июня 1948 г. уполномоченные Минлеспрома и МВД БМАССР, несмотря на в целом удовлетворительную подготовку предприятий треста «Бурмонгол-лес» к приему спецконтингента из Литвы, существовал целый ряд недоработок, которые подлежали устранению под личную ответственность управляющего. К их числу, естественно, относились и жилищные условия. Было предписано переселить спецпоселенцев из землянок возле Верхней Аракорки в строящиеся жилые дома и бараки в течение двух недель (не позднее 10 июля 1948 г.), заселить 111 семей, проживавших во временных палатках в капитальные дома на участках Эрийского мехлесопункта, либо перевести 75 семей, после согласования с МВД, в ведение другого предприятия, имеющего в наличии свободную жилплощадь. Кроме того, предприятиям «Бурмонгол-лес» предлагалось в короткие сроки завершить строительство дополнительного жилого фонда для размещения контингента в зимнее время, а также закончить благоустройство имеющегося капитального жилья – построить в каждой комнате печь для обогрева и приготовления пищи, а также входные тамбуры и кладовые в каждом бараке или жилом доме².

К сожалению, осмотренные проверяющими дома и объекты быта во многих случаях являлись типичными «потемкинскими деревнями». Фиктивность выставляемого руководством леспромхозов напоказ «благополучия» в размещении спецконтингента выяснилась позднее. Так, в ходе поездки по Заиграевскому району 17–24 ноября 1948 г. заместителем министра здравоохранения БМАССР Л. М. Резницким было обнаружено грубое нарушение санитарных правил в ряде спецпоселков Хандагатайского и Эрийского мехлесопунктов, а также Челутаевского леспромхоза. На лесозаготовительных участках Эрия

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ, Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 211.

² Там же. Л. 213, 214.

(Хандагайский МЛП), Харакутул (Хандагатайский МЛП), Мостовка (Челутаевский ЛПХ) отсутствовали бани, о наличии которых писали в своих отчетах представители Минлеспрома и МВД СССР. В поселке Тибигуты Эрийского мехлесопункта пропускная способность имевшейся бани была недостаточна. Совершенное отсутствие даже простейших дезокамер наблюдалось на участках Шабур, Нижние Бойцы, Белая Речка, Мойса и Мостовка Челутаевского леспромхоза, Харакутул и Мойга Хандагатайского мехлесопункта, Эрия, Старый и Новый Барун, а также Верхние Тальцы Хандагайского мехлесопункта и на участках Эрийского мехлесопункта. В поселках Нижняя Аракорка и Тибигуты дезокамеры были недостроены и не функционировали. В большинстве указанных населенных пунктов проживали литовские спецпоселенцы¹.

Плохое оснащение лесоучастков банями, дезокамерами и другими санитарно-гигиеническими объектами усугубляло и без того напряженную эпидемическую обстановку в населенных пунктах района, где нередко отмечались вспышки брюшного и сыпного тифа². Ситуация осложнялась тем, что к работам на лесозаготовках в качестве сезонной рабочей силы привлекалось значительное количество колхозников. Эти люди, покинувшие ради мизерного заработка свои деревни и улусы, проживали в ужасающих условиях. В дощатых бараках недалеко от лесозаготовок, среди преющей одежды и лошадиных хомутов, вповалку жили мужчины и женщины. Они готовили пищу, ели и спали в одних и тех же бараках на тесно составленных нарах или топчанах. Такой образ жизни вел к полной антисанитарии, создававшей идеальные условия для возникновения эпидемических очагов³. Возвращаясь в родные места по окончании работ, люди могли разнести инфекцию по республике. Леспромхозовское руководство оправдывалось тем, что сезонные рабочие сами отвечали за поддержание порядка в своих бараках.

Если сезонные рабочие представляли собой постоянно обновляющийся рабочий контингент, на обустройство которого дирекция предприятий «Бурмонголлес» не желала тратить времени и средств, то спецпоселенцы-литовцы числились посто-

¹ ГАРБ. Ф. 248 с. Оп. 3. Д. 238. Л. 55.

² Там же. Л. 120.

³ Там же.

янными кадровыми рабочими треста. Согласно предписаниям Минлеспрома СССР и Совета Министров БМАССР их нормальное жилищно-бытовое обслуживание являлось обязанностью администраций всех использовавших спецконтингент леспромхозов. Но в докладе замминистра здравоохранения БМАССР Л. М. Резницкого о результатах поездки по поселкам Заиграевского района указывается, что расселенные в них литовские спецпоселенцы проживали в крайне тяжелых условиях, не отвечавших даже минимальным санитарно-гигиеническим требованиям.

На лесозаготовительном участке Челан Хандагайского мехлесопункта, литовцы размещались в загроможденных вещами и продуктами комнатах старых бараков в страшной тесноте. Дирекция лесоучастка не выделила им ни дополнительных помещений для хранения своего имущества, ни кладовок для продуктов. Дезокамера на этом ЛЗУ также не функционировала, и люди были вынуждены сушить свои вещи прямо в бараках. Воздух в помещениях, занимаемых литовскими спецпоселенцами, был заражен зловонием от испарений преющей одежды и гниющих продуктов¹. Схожая ситуация наблюдалась в поселках Хандагатайского и Эрийского мехлесопунктов, а также на участках Белая Речка, Шабур, Мойса и Бойцы Челутаевского леспромхоза².

Руководство Минлеспрома СССР, зная о нарушениях в жилищно-бытовом устройстве спецконтингентов, рассылало по своим главкам и трестам суровые разносы и категорические требования немедленно заняться улучшением условий проживания спецпоселенцев³. Для пущей убедительности в них выделялась установка на то, что спецпоселенцы представляли собой не просто трудовой контингент, но «рабочих постоянного кадра», которых следовало «закреплять» на предприятиях лесной промышленности, создавая им нормальные жилищно-бытовые условия. Необходимость оказания реальной помощи в обустрой-

¹ ГАРБ. Ф. 248 с. Оп. 3. Д. 238. Л. 56.

² Там же. Л. 89.

³ Там же. Ф. 767 сч. Оп. 2. Д. 16. Л. 121–122. Административным взысканиям за непринятие своевременных мер по созданию нормальных жилищно-бытовых условий для спецпоселенцев и невыполнение указаний Минлесбумпрома СССР подверглись начальники Главлесдрева Баранов и Главзапсиблеса Тимашев (поставлено на вид) и управляющие трестами «Красдрев» Шанин и «Краслес» Кличенко (объявлены выговоры).

стве спецконтингентов на новых местах объяснялась и тем, что хорошие условия жизни позволяли бы в будущем запрашивать у МВД СССР новые партии спецпоселенцев для работы в отрасли¹. Упоминались и возможные санкции со стороны МВД, а именно, снятие с работы и перевод спецконтингентов в распоряжение других ведомств, располагавших большими возможностями для расселения дополнительных рабочих².

В ответ на местах совсем не торопились решать проблемы жилищно-бытового устройства и обслуживания спецпоселенцев. Напротив, в ряде случаев этот процесс сознательно затягивался, создавая впечатление, что выговоры и угрозы санкций воспринимались как пустой звук. Например, начальник ЛЗУ Верхняя Аракорка Афанасьев, зная о том, что единственный в округе врач не имеет своего транспорта и поэтому не может своевременно обслуживать все населенные пункты предприятия, отказывался предоставить ей лошадь, цинично заявляя: «Лошадь не дам, будете обслуживать пешком»³. При этом недостаточность качественного медицинского обслуживания в районе была одной из наиболее насущных проблем и неоднократно ставилась на обсуждение в Совете Министров ВМАССР.

Медико-санитарное состояние литовского спецконтингента: заболеваемость, смертность, проблемы медицинского обслуживания

Произведенная представителями республиканского МВД и Минлесбумпрома СССР 15 июня 1948 г. проверка обнаружила у литовцев 120 семей без единого трудоспособного члена и в крайне плачевном состоянии. Для этих 204 человек (детей – 33, женщин свыше 55 лет – 77, мужчин свыше 60 лет – 82, больных – 12) испытания и невзгоды вынужденного путешествия в Сибирь оказались слишком тяжелыми. Их обесиленное состояние и безнадежное материальное положение обеспокоили управляющего трестом «Бурмонголлес» П. А. Афанасенко. В информационной записке, адресованной министру внутренних дел ВМАССР Ильину и замминистра лесной промышленности СССР Радчук, он просил срочно рассмотреть вопрос о пребыва-

¹ ГАРБ. Ф. 767 сч. Оп. 2. Д. 16. Л. 121. См. также: Там же. Д. 38. Л. 50.

² Там же. Д. 38. Л. 48.

³ Там же. Ф. 248с. Д. 238. Л. 57.

нии этих людей на спецпоселении и отмечал, что без принятия особых мер многим из них грозила смерть от истощения¹.

Никто из руководителей республиканских министерств, ведомств и предприятий, вовлеченных в операцию, не предполагал, что процент нетрудоспособных в прибывшем спецконтингенте будет настолько высок. Неудивительно, что А. Ф. Афанасенко просил министра внутренних дел рассмотреть дело именно с точки зрения целесообразности содержания этих людей на спецпоселении. Требовались трудоспособные кадры, а не обессиленные, нуждавшиеся в особом уходе старики и беспризорные дети.

В течение двух дней после прибытия, с 9 по 11 июня 1948 г. умерло двое литовских детей – один в больнице при станции Новоильинск, другой на участке Верхняя Аракорка. Их смерть стала первым признаком того, что администрация принимающей предприятий мало озаботилась вопросами организации медицинской помощи спецпоселенцам, и еще меньше – обеспечением контингента медикаментами и детским питанием. Все это зафиксировано в отчетах представителей МВД, принимавших спецконтингент на месте назначения².

Уровень детской смертности, напрямую зависящий от качества условий жизни, в первые годы спецпоселения часто превышал показатели рождаемости. В I квартале 1949 г. на спецпоселении в БМАССР умерло 19 детей литовских спецпоселенцев, а родилось только 14. Во II квартале того же года скончалось три ребенка, при двух родившихся. Со второго полугодия показатели детской смертности начали было изменяться в лучшую сторону. Так, в III квартале умерло двое и родилось четверо детей, а в IV появилось на свет четыре новорожденных и один ребенок умер³. Однако уже во втором полугодии 1950 г. детская смертность в литовском спецконтингенте снова превысила рождаемость (умерло 17 и родилось 14 детей)⁴.

Сравнивая эти цифры с показателями по другим спецконтингентам, получаем следующую картину. У немцев во втором полугодии 1950 г. родилось 9 и умерло 6 детей, у «оуновцев» ро-

¹ ГАРБ. Ф. 767 сч. Оп. 2. Д. 16. Л. 92.

² ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 133.

³ Там же. Д. 5. Л. 14, 80, 211.

⁴ Там же. Д. 41. Л. 138.

дилось 7 и умерло 13 детей и у молдаван родилось 15 и умерло 18 детей¹. Самый низкий показатель детской смертности наблюдался у немцев, длительное время проживавших в Бурят-Монголии. Наименее благополучной была ситуация у «оуновцев», прибывших на спецпоселение гораздо позже других контингентов. У литовцев и молдаван показатели уровня детской смертности были практически одинаковы.

Приведенные выше статистические данные показывают, что пик детской смертности пришелся на первую зиму, проведенную в сибирской ссылке. Впоследствии, по мере естественной адаптации спецпоселенцев к суровым климатическим условиям Бурят-Монголии, уровень детской смертности постепенно снизился, однако так и не стабилизировался на положительной отметке.

Среди умерших взрослых спецпоселенцев на протяжении всего периода поселения преобладали люди пожилого возраста и престарелые. Например, из 26 литовцев, умерших во втором полугодии 1949 г., 20 человек составляли старики 1869–1891 гг. рождения². Из семерых спецпоселенцев, умерших с февраля по июль 1953 г., только один мужчина был 1924 г. рождения, а все остальные находились в преклонном возрасте (1887–1909 гг. рождения)³. Из 29 человек, скончавшихся за 1955 г., по меньшей мере, 24 были престарелыми людьми⁴.

Взрослые трудоспособные литовцы более стойко переносили тяготы и лишения сибирской ссылки и умирали на спецпоселении значительно реже. Основными причинами смерти являлись заболевания и несчастные случаи, зачастую связанные с производственным и бытовым травматизмом. Больные спецпоселенцы нередко погибали не столько от самой болезни или травмы, сколько из-за отсутствия своевременной медицинской помощи или необходимых медикаментов. «У нас если здоров – хорошо, но если заболел, то все, – говорили литовцы, имея в виду практически неизбежный исход тяжелой болезни, а затем делали неутешительные выводы, – пока работаешь, так им нужен, но

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 199. Л. 138.

² Там же. Д. 10. Л. 131, 170.

³ Там же. Л. 38–39, 55, 68, 98.

⁴ Там же. Д. 225. Т. 1. Л. 27, 35–37, 64–65, 70, 80, 87, 100, 110, 122, 138, 152, 160, 170–171.

если заболел, никто о тебе не беспокоится ..., но ничего, умирать-то один раз, а не два»¹.

Приведем несколько других высказываний о неблагополучии в плане обеспечения нормальной медицинской помощью:

«... Не дай Бог такой судьбы никому, такой жизни не желаю даже врагу.... Наша Янина тяжело болеет, неделю уже лежит в постели, температура 40 градусов, стала худая, остались одни кости. Лекарств здесь нет, никто не лечит, врачей нет...»

«На нашем лесоучастке нет никаких лекарств, и больным никакой помощи не оказывается. Достать медикаменты где-либо в другом месте не имеем возможности».

«Недавно мать заболела страшной болезнью – малярией, а врачебной помощи никто не оказывает...»

«...Никто о тебе не беспокоится, какой болезнью не болел бы, дают всем одинаковое лекарство от головной боли. Больше никаких лекарств они не имеют...»

«В настоящее время у нас много заболеваний малярией, а медицинской помощи никто не оказывает...»².

Доступность и качество медицинского обслуживания в местах проживания спецконтингентов вызывали нарекания как у самих обитателей спецпоселков, так и у представителей МВД, Минздрава и правительства БМАССР. К примеру, в отчете Л. М. Резницкого указывалось, что помещения, отведенные дирекцией леспромхоза под амбулаторию в Верхних Тальцах, не отвечали даже минимальным санитарно-гигиеническим требованиям, а больницы в Челутае и Новоильинске не имели изоляторов, помещений для ванны, кухни и осмотра пациентов. При этом слово «больница», применительно к Челутаю, взято в кавычки, из чего следует, что замминистра не считал возможным даже назвать таковой допотопное помещение на четыре койки, не имевшее практически ничего для нормальной работы медицинского учреждения³.

Отвечавшие за обеспечение больниц и медпунктов директора леспромхозов часто доводили ситуацию до абсурда, отказывая медработникам в самом необходимом. Так, начальник лесоучастка Верхняя Аракорка Афанасьев осенью 1948 г. отказался

¹ ГАРБ. Ф. 248 с. Оп. 3. Д. 278. Л. 49.

² Там же.

³ Там же. Д. 238. Л. 56.

дать лошадь и провожатого врачу Ивановой, обслуживавшей девять участков в радиусе 6–7 км, предложив ей ходить по вызовам пешком. Кончилась эта история тем, что женщина, возвращаясь ночью с одного из участков, заблудилась и была вынуждена ночевать в лесу. Только после этого ей была выделена лошадь, но провожатого Афанасьев так и не дал, предоставив врачу ездить по вызовам в ночное время одной¹.

Другой абсурдный эпизод произошел в Новоильинске. Местная больница страдала от недостатка топлива, находясь, по выражению Л. М. Резницкого, «буквально в окружении дров»². По-видимому, местному руководителю было некогда выписать наряд на несколько кубометров древесины, валявшейся под ногами вдоль каждой просеки. Остается только удивляться искусству советских «хозяйственников» создавать из ничего серьезные проблемы.

В свою очередь администрация ряда лесопредприятий имела повод обращаться в Минздрав БМАССР с жалобами на крайне низкое качество медицинского обслуживания и недобросовестность медперсонала некоторых медицинских учреждений. Так, например, в середине июля 1948 г. из Эрийского мехлесопункта поступила записка, в которой директор этого предприятия Цитрон обращал внимание министра здравоохранения республики В. Р. Бояновой на чрезвычайную ситуацию, складывавшуюся на лесоучастках Кундулюн и Тибигуты. Расселенные там литовские спецпоселенцы страдали от отсутствия медицинской помощи, в то время как отвечавшие за обслуживание этих населенных пунктов медработники из с. Илька, с 1 июня 1948 г. ни разу не удосужились появиться на проблемных участках. Мало того, один из врачей отказывался выдавать необходимые лекарства медработнику-спецпоселенцу с участка Тибигуты, которого Эрийский мехлесопункт взял на свой баланс. Больные спецпоселенцы и местные жители, имея на руках выписанные рецепты, не могли приобрести по ним даже простейших медикаментов. Без срочного решения имевшихся проблем данная ситуация грозила непредсказуемыми последствиями, ведь в тот

¹ ГАРБ. Ф. 248 с. Оп. 3. Д. 238. Л. 57.

² Там же.

период по всей республике наблюдалась крайне неблагоприятная эпидемическая обстановка¹.

Тревожные сигналы поступали и из райотдела МВД, осуществлявшего контроль за спецконтингентами через систему спецкомендатур. Так, в докладной записке на имя министра госбезопасности БМАССР полковника Смирнова от 19 февраля 1951 г., заместитель начальника Заиграевского РО МВД капитан Иванов сообщал, что врачебные кабинеты леспромхозов не могли справиться с задачей по обеспечению спецпоселенцев качественной и своевременной медпомощью в силу нескольких причин. Во-первых, в местных медпунктах отсутствовали рентген-кабинеты, а также отдельные врачи-специалисты, способные на месте определить точный диагноз пациента. Во-вторых, для выезда в центральные амбулатории республики на обследование или лечение требовалось особое разрешение 9-го отдела МГБ, а процесс его получения был излишне бюрократизирован и затянут, что пагубно сказывалось на состоянии больных². В-третьих, на многих участках проживания спецконтингентов местные медработники грубо пренебрегали профилактическими мероприятиями, усугубляя и без того неблагоприятную эпидемическую обстановку в районе. Помимо уже упомянутого нами Эрийского мехлесопункта, особенно неблагоприятными в отношении качества и доступности медицинского обслуживания являлись поселки Челутаевского и Барун-Тарбагатайского леспромхозов, а также лесозаготовительный участок Челан³.

Между тем ситуация с заболеваемостью в поселках лесопредприятий Заиграевского района была сложной. Тревожные высказывания местных жителей по этому поводу тщательно обрабатывались сотрудниками МГБ БМАССР и подавались в обком ВКП(б) в качестве своеобразного «материала для размышлений», основанного на реальных настроениях в обществе. Например, в спецсообщении МГБ о распространении эпидемических заболеваний в г. Улан-Удэ и ряде аймаков республики, датированном 23 июля 1949 г. приводятся следующие слова: «...Не очень давно у нас вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Больницы переполнены, большая скученность в бараках и это

¹ ГАРБ. Ф. 767 сч. Оп. 2. Д. 16. Л. 94.

² ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Л. 55.

³ Там же. Д. 10. Л. 117.

способствует распространению эпидемии...» «Среди литовцев частые заболевания какой-то заразной болезнью, – продолжается отчет о настроениях среди населения. – Многие болеют и лежат с температурой 40 градусов по 3–5 дней, без лекарств и помощи врача...» Далее приводится еще более настораживающее высказывание: «...на нашем участке уже 40 человек умерло, и большая часть из них умерла от заразных заболеваний...»¹

Распространявшаяся среди литовцев болезнь представляла собой паратиф В, заболеваемость которым была впервые отмечена в БМАССР во второй половине 1948 г.² Обитатели спецпоселков также страдали от брюшного тифа, дизентерии, туберкулеза, малярии и других серьезных заболеваний. Спецпоселенцам довелось в полной мере испытать на себе тяжесть неблагоприятной эпидемической обстановки в республике, а также коварство сибирского климата, в котором одинаково быстро распространялись как привычные инфекции, так и необычные, свойственные теплым и влажным странам болезни.

Помимо нехватки лекарств и отсутствия нормальной врачебной помощи, серьезную проблему для заболевших спецпоселенцев представляли многочисленные препоны при получении разрешения на выезд с места обязательного поселения для обследования или лечения. Чтобы получить его, спецпоселенец должен был сначала обратиться в спецкомендатуру, а комендант, в свою очередь, направлял запрос в районное отделение МВД. На этом процедура не заканчивалась, так как, согласно предписанию 9-го отдела МГБ, начальники районных отделов МВД не могли сами выдавать подобные разрешения, а должны были действовать строго через него. Вполне понятно, что за один день такая проблема была просто неразрешима³.

Не надеясь на понимание и помощь органов МВД-МГБ, и мало полагаясь на местных медработников, многие спецпоселенцы сознательно шли на нарушение режима и выезжали за пределы спецпоселков в надежде получить квалифицированную медицинскую помощь в больницах г. Улан-Удэ. Естественно, при обнаружении несанкционированной отлучки, скидок на

¹ ГАРБ. Ф. 248 с. Оп. 3. Д. 278. Л. 32–33.

² Там же. Д. 238. Л. 120.

³ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58 Л. Оп. 1. Д. 10. Л. 117.

чрезвычайную ситуацию не делалось, и нарушители несли за содеянное полную ответственность на общих основаниях.

Заключение

Для историков медицины медико-санитарные аспекты спецпоселенчества в СССР представляют собой практически нетронутое исследовательское поле. Несмотря на то, что о заболеваемости и смертности спецпоселенцев написано достаточно трудов, практически нет исследований, специально изучающих организацию медобслуживания спецконтингентов.

Между тем в доступных исследователям архивных фондах достаточно информативных документов, иллюстрирующих эту сторону жизни на спецпоселении. Формально спецпоселенцы сохраняли все права граждан СССР, кроме свободы передвижения, и поэтому теоретически должны были обслуживаться теми же медучреждениями, что и обычные советские люди. Поэтому в документах Министерства здравоохранения (Ф. Р-665) и Совета Министров БМАССР (Ф. 248с.) отложилось много материалов по проблеме медицинского обслуживания спецконтингентов. Данное исследование лишь приподняло завесу над основными медико-санитарными аспектами спецпоселения. Большинство материалов до сих пор ожидает своего исследователя.

Десятилетняя ссылка литовцев в Бурят-Монголию стала серьезнейшим жизненным испытанием, пройти которое до конца смогли не все. Санитарные условия в спецпоселках вызывали массу нареканий, а медицинское обслуживание было организовано плохо. Из-за этого погибло немало людей, которые при лучшей постановке медпомощи могли бы выжить и вернуться домой. Тяготы адаптации к суровым климатическим условиям Бурятии, изматывающему труду, постоянной неустроенности в бытовых вопросах, элементарной нужде и голоду усугублялись наплевательским отношением власти к здоровью спецпоселенцев. Представляя собой расходный материал для индустрии принудительного труда, эти люди не могли надеяться на помощь покаравшего их государства. Поэтому они старались выжить любым путем, сознательно идя на нарушение режима ради здоровья, своего и своих близких.

При всей удаленности от культурных и экономических центров, спецпоселки «Бурмонголеса» находились бок о бок с обычными населенными пунктами. Их жители испытывали

почти те же самые проблемы с медобслуживанием, за исключением возможности уехать в районный центр или город, чтобы обратиться в более или менее крупное медучреждение. Поэтому медико-санитарное обслуживание спецпоселков в определенной степени отражало существовавшие во всем послевоенном советском обществе проблемы организации медицинской помощи населению. Государство, официально декларировавшее благо трудящихся своим основным приоритетом, в реальности не могло обеспечить необходимый уровень общественной медицины для своих граждан, не говоря уже о тех, кого оно сознательно и неправомочно покарало и на долгие годы лишило родины.

УДК 947.073(471.51)

Иванов А. С., Сургут

**Ссылные крестьяне и война:
труд на спецпоселениях Югры (1941–1945 гг.)**

Аннотация. В статье анализируется практика использования труда ссылных крестьян в различных отраслях хозяйства Ханты-Мансийского округа – Югры периода Великой Отечественной войны. Выявлены характеристики принудительного труда спецпереселенцев. Автор приходит к выводу о том, что основным бенефициаром труда ссылных военных лет являлись предприятия рыбной промышленности.

Ключевые слова: крестьяне, кулаки, ссылка, спецпоселения, репрессии, депортации, война.

Ivanov A. S., Surgut

**Exiled peasants and war:
labor on special settlements of Ugra (1941–1945)**

Abstract. The article analyzes the practice of using the labor of exiled peasants in various sectors of the economy of the Khanty-

Mansiy district – Ugra during the Great Patriotic War. The characteristics of forced labor of special settlers are revealed. The author comes to the conclusion that the main beneficiary of the labor of exiled peasants was the fishing industry.

Key words: exiled peasants, kulak's, exile, special settlements, repressions, deportations, war.

До конца 1944 г. деятельность спецпереселенцев в хозяйственных организациях регламентировалась «Временным положением о правах и обязанностях спецпереселенцев» от 25 октября 1931 г., согласно которому они были обязаны заниматься «общественно полезным трудом», не имея права без ведома покидать спец(труд)поселок¹. «Временное положение...» утратило силу лишь 8 января 1945 г., когда были приняты постановление СНК № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» и «Положение о спецкомендатурах НКВД»². При этом обязательность всеобщего добросовестного труда была сохранена³. В период войны в документах карательного ведомства ссылные крестьяне именовались сначала трудпоселенцами (до весны 1944 г.), а затем спецпереселенцами контингента «бывшие кулаки».

На 1 июля 1941 г. система трудпоселений включала 5 районных комендатур (в Ларьякском районе комендатуры не было) и 43 трудпоселка. Под контролем комендатур Ханты-Мансийского округа проживало 18 522 трудпоселенца, что составляло 52 % от общего количества трудпоселенцев на территории всей Омской области⁴. Необходимо отметить, что каждый поселок имел свою специализацию, так как трудпоселенцы каждого населенного пункты были закреплены за определенным предприятием, с которым отдел спецтрудпоселений областного

¹ Временное положение о правах и обязанностях спецпереселенцев, об административных функциях и административных правах поселковой администрации в районах расселения спецпереселенцев // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: в 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 536–541. 1040.

² Ссылка калмыков: Как это было: Сборник документов и материалов. Т. I. Кн. 1. Элиста, 1993. С. 182–184.

³ Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. // Ссылка калмыков: Как это было. Т. I. Кн. 1. Элиста, 1993. С. 184.

⁴ Подсчитано по: Из справки отдела труд и спецпоселений ГУЛАГа НКВД о дислокации трудпоселков по краям и областям (на 1 июля 1941 г.) // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. Новосибирск, 1996. С. 284–285.

УНКВД заключал договор на предоставление в его распоряжение рабочей силы (т. е. трудпоселенцев)¹. По состоянию на 1 декабря 1941 г. в 43 трудпоселках округа трудпоселенцы были распределены следующим образом: в 13 поселках закреплены за Обьгосрыбтрестом; в 6 – часть была передана Обьгостыбтресту, а часть в колхозы (т. е. занималась сельским хозяйством); в 12 – за Обьлестрестом; в 2 – часть за Обьлестрестом, а часть за колхозами; в 10 – за колхозами². Нужно, конечно, учитывать, что отнесение трудпоселенцев к определенному наркомату не означало того, что все население трудпоселка занималось только рыбным промыслом, сельским хозяйством или было занято на лесоповале, специализация указывает на приоритетное направление деятельности.

В связи с признанием рыбной промышленности приоритетной отраслью народного хозяйства Северо-Западной Сибири, происходил отток рабочей силы (в том числе «бывших кулаков») из колхозов на рыбопромышленные предприятия. По договору с «Обьрыбтрестом», к началу декабря первого военного года, там трудились 3935 трудпоселенцев. Спустя тринадцать месяцев (сентябрь 1942 г.) их количество возросло на 804 чел. В пределах Западно-Сибирского Севера (Югры и Ямала) по состоянию на 1 сентября 1942 г. было сосредоточено 98,2 % трудпоселенцев, работавших в рыбной промышленности Омской области³. К концу октября 1942 г. количество переданных рыбопромышленным предприятиям оценивалось отделом трудспецпоселений НКВД СССР в 1150 трудпоселенцев⁴. В то же время количество ссыльных, занятых в сельском хозяйстве области, сократилось более чем на тысячу человек, лесная промышленность также потеряла 630 работников⁵. В середине 1943 г. комендантам дано указание: 20–25 дней в месяц «быть только на производстве – на рыбоугодьях, всемерно помогать руководителям предпри-

¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 1785. Оп. 5. Д. 182. Л. 2–5.

² Исторический архив Омской области (ИсА ОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 2709. Л. 74–77.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 112.

⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 109. Л. 200 об.

⁵ Там же. Д. 87. Л. 112; Там же. Д. 79. Л. 2 об. – 3.

ятий в деле выполнения и перевыполнения производственных заданий»¹.

Трудпоселенцы с самого начала войны успешно выполняли нормы. В июле 1941 г. по хозорганизациям ссыльные выполняли план выработки от 85 до 200 %. Не выполняли план лишь лица, отнесенные к категории «ограниченно трудоспособных»². В начале войны заработок «бывших кулаков» в промышленности колебался от 200 до 350 руб., а трудпоселенцы-колхозники выработывали в среднем 30 трудодней в месяц³. Произошло некоторое снижение показателей процента выполнения норм, что можно объяснить: во-первых, началом мобилизации спецпереселенцев в армию; во-вторых, увеличением самих норм и объема работ в целом. При этом одним из основных стимулов к труду оставалось принуждение: в Сургутском районе были оформлены материалы для привлечения к уголовной ответственности бригадиров и рыбаков трех рыболовецких бригад, которые выполнили план лова лишь наполовину⁴.

В связи с началом мобилизации трудпоселенцев в ряды действующей армии организации и ведомства, использовавшие их труд, обращались в вышестоящие инстанции с запросами «по вопросу предоставления отсрочек от призыва военнообязанных из числа трудпоселенцев и спецпереселенцев». На одно из таких обращений в марте 1942 г. дал разъяснение заместитель управляющего треста «Обьлес» Прошин: «в соответствии с указанием Военного отдела Наркомлеса СССР за № 39 – 858 с от 23/II – с. г. сообщаем, что военнообязанным из числа трудпоселенцев и спецпереселенцев, работающих в различных отраслях промышленности и сельском хозяйстве, предоставляются отсрочки от призыва по мобилизации по условиям бронирования рабочей и технической силы по постановлениям комиссии при СНК СССР для соответствующих отраслей народного хозяйства. На основании изложенного дайте указания производственным участкам, в которых имеются трудпереселенцы и спецпереселенцы оформить в райвоенкоматах на них отсрочки от призыва по мобилизации на 1942 год по перечню должностей и профессий, утверж-

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 264 об.

² Там же. Д. 79. Л. 3.

³ Там же. Д. 87. Л. 108 об.

⁴ Там же. Д. 109. Л. 109.

денных постановлением комиссии при СНК СССР за № 35 от 28/II-1942 г., а также постановлением № 11 от 11/II-42 года, для работников занятых на стройках»¹. Данное правительственное решение было призвано сократить отток квалифицированной рабочей силы из различных отраслей народного хозяйства.

Война привела к ухудшению условий труда на производстве. Предприятия стали допускать нарушения трудовых договоров, не могли обеспечить работников необходимым жильем, спецодеждой. Были зафиксированы случаи занижения расценок за сданную рыбу на предприятиях рыбной промышленности. Некоторые организации отказались от прогрессивной оплаты труда и премирования трудоселенцев². Зачастую расчетные книжки на руки трудоселенцам, в нарушение трудового законодательства, не выдавались³. Так, на Березовском рыбозаводе, в нарушение заключенного договора, часть спецпереселенцев снимались с работы, после окончания пугины⁴. Предприятие не имело права этого делать, т. к. по соглашению с НКВД обязано было обеспечить их постоянной работой. Отсутствие необходимого оборудования и средств производства в сочетании с обязанностью использовать рабочую силу полностью приводило к тому, что спецпереселенцев использовали «не по назначению», т. е. на тех видах работ и в организациях, которые не были предусмотрены договором⁵. В военные годы хозяйственные организации активно перемещали рабсилу по своему усмотрению. Спецкомендатуры постепенно утрачивали контроль не только за перемещениями своих подопечных, но и за их использованием. К сентябрю 1942 г. ряд предприятий местной промышленности использовали труд ссыльных крестьян незаконно – без договоров. В этот список попал и Ханты-Мансийский промкомбинат⁶.

Выше отмечалось, что существовала практика закрепления целых поселков за определенными отраслями народного хозяйства. Как показала ее реализация, имелись существенные недостатки. Так, при заключении отделом спецпоселений договоров с трестом «Обьлес» и рыбтрестом в число передаваемых на ра-

¹ Государственный архив Югры (ГАЮ.) Ф. 58. Оп. 4. Д. 30. Л. 19.

² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. 79. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 87. Л. 109.

⁶ Там же. Л. 113 об.

боту трудпоселенцев по Самаровскому району были включены и члены колхозов. За хозорганизациями закрепляли целиком поселки независимо от того, что в части из них имелись колхозы. Передача членов колхоза, без ведома его правления, для использования в другой организации, противоречила его уставу и была незаконна. Это приводило к возникновению «недоразумений», когда промышленные тресты требовали выделения рабочей силы согласно договора, а районные организации и коменданты снимали трудпоселенцев с работы в сельхозартелях¹.

Результат был предсказуем: в наиболее тяжелом положении оказались колхозы, в которых работали «бывшие кулаки». В 1942 г. весенний сев приходилось проводить в условиях, когда значительная часть колхозников была передана предприятиям рыбной промышленности, годных к службе мужчин призвали в Красную Армию, а план поставок государству был увеличен. Но даже в этих тяжелейших условиях колхозники выполняли государственные задания. В житнице Ханты-Мансийского округа – Кондинском районе – сельхозартели, несмотря на то, что план весеннего сева в 1942 г. был увеличен в 2,8 раза (!) выполнили его своевременно. Трудпоселенцами района было также освоено 1064 га новых земель². В 1943 г. трудпоселки Ханты-Мансийского округа сев закончили своевременно. Более того Микояновский, Кондинский, Сургутский и частично Самаровский перевыполнили план засева посевных площадей³.

Трудпоселенка поселка Лиственничный А. П. Корфидова вспоминала: «Колхозу увеличили план посевной. Прибавился план по заготовке леса. Оставив семьи, уходили молодые девушки, матери в лес. 40 конных подвод и 40 возчиков выставило хозяйство на лесозаготовки, и лишь двое из них были мужчины. Двужильными казались тогда люди. На покос шли женщины и старики, на трактора – наскоро подготовленные на курсах трактористки, на сплав леса – женщины и лишь 1-2 мужчины, которые по возрасту, либо по состоянию здоровья не попали на фронт»⁴. Существовали также рыболовецкие колхозы, которые в период путины занимались рыбодобычей. Так,

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. 79. Л. 113 об.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Д. 133. Л. 264 об.

⁴ Корфидова А. П. 80 лет на Тумане. М., 2010. С. 50–51.

колхозы «Быстрый» и «Кармымкары» во втором квартале 1943 г. за перевыполнение плана по рыбодобыче были занесены на Доску почета Микояновского района¹. Контролирующие организации отмечали рост производительности труда занятых на работах в хозяйственных организациях².

На территории Северо-Западной Сибири в период Великой Отечественной войны выполнение норм трудпоселенцами в промышленности и сельском хозяйстве не только не уступало показателям «правового» населения, но и зачастую превосходило их. Образцами для подражания были названы рабочие-трудпоселенцы Цапкало и Сименов (Кондинская спецкомендатура), которые заработали за март 1942 года свыше 2 тыс. руб.³ Подобные успехи приводили власти к мысли о «зажиточности» сельских и даже вызывали опасения.

Еще в последние предвоенные месяцы управляющий Обьгосрыбтрестом В. П. Боганов, описывая положение колхозов, в которых работают трудпоселенцы, указывал на то, что «сельское хозяйство, в основном животноводство, ... значительно выросло, перегнав хозяйство колхозов местного населения...»⁴

В июле 1943 г. заместитель начальника УНКВД Шеваров и начальник отдела трудспецпоселений УНКВД Омской области сообщали в Москву о вскрытии «ряда фактов», когда райисполкомы и секретари райкомов партии «самовольно, без ведома комендатур и РО НКВД, снимают трудпоселенцев [с работы] и перебрасывают их в другие районы или в райцентр на руководящую работу»⁵. Особенно возмутили чекистов следующие действия советских и партийных властей: из поселка Кирпичный Самаровской райкомендатуры был снят с работы председатель промысловой артели Дмитриев и назначен заведующим снабжением окружного Многопромсоюза в Ханты-Мансийске. Ему была разрешена также длительная командировка в Омск, по линии этой организации. Работавшие в спецпоселках Луговой

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 265.

² Там же. Л. 265.

³ Там же Д. 87. Л. 109.

⁴ Докладная записка управляющего Обьгосрыбтрестом Боганова наркомупромышленности СССР Ишкову об использовании спецпереселенцев на предприятиях треста (8 апреля 1941 г.) // Спецпереселенцы на Обском Севере // Архивы Урала. 1996. № 2 (4). С. 167.

⁵ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 269.

и Перековка бухгалтерами Долганов и Зонов, были отозваны на работу в Самаровский районный земельный отдел¹.

Еще более наглядно причину беспокойства представителей власти показывают «сведения», представленные Ханты-Мансийским леспромхозом в вышестоящие организации, в соответствии с которыми предоставление брони от призыва в армию требовалось 228 специалистам-трудпоселенцам. Из номенклатуры должностей, занимаемых «бывшими кулаками», становится понятно, что лесопромышленные предприятия были очень зависимы от квалифицированного труда ссыльных крестьян. Именно подобным «ростом влияния кулачества» были обеспокоены представители системы спецтрудпоселений. Многие ссыльные работали на руководящих должностях и ключевых участках в рыбной промышленности (звеньевыми, бригадами, начальниками рыбоучастков)².

Выдвижение «бывших кулаков» на ответственные посты, пусть и самого низшего уровня, воспринималось если не открыто враждебно, то почти всегда с подозрением, т. к. труд(спец)переселенцы являлись одной из наиболее уязвимых групп населения с точки зрения их правового статуса, что давало возможность некоторым лицам из числа «правового» населения обвинять их во «вредительстве», «контрреволюционной» деятельности, «антисоветских» высказываниях и других действиях, которые в условиях военного времени часто приводили к привлечению к уголовной ответственности

С довоенного времени сохранялись и дискриминационные меры, существенно мешавшие интеграции «бывших кулаков» в местные производственные структуры и снижавшие мотивацию к труду. На Обском Севере наиболее существенной чертой, указывающей на неполноправность ссыльных крестьян и всех спецпереселенцев в сфере трудовых отношений, в военные и послевоенные годы, была невыплата «северных» надбавок представителям этой группы «спецконтингента».

Прокурор СССР А. Я. Вышинский 8 апреля 1939 г. в ответе на запрос депутата Верховного Совета РСФСР Болотова о том, применимы ли льготы для лиц, работающих в отдаленных местностях для спецпереселенцев, указывал, что они «не рас-

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 269.

² Там же. Д. 132. Л. 298.

пространяются на работающих в предприятиях и учреждениях Крайнего Севера спецпереселенцев и на их детей, если последние не пользуются правом свободного выезда из мест поселения. Мотивация такого решения была достаточно цинична: спецпереселенцы, «как не прибывшие на Крайней Север в порядке перевода или найма из других местностей, а также как не прибывшие на Крайний Север по собственной инициативе, льготами не пользуются»¹.

В этом контексте снятие семьи со спецучета обрело экономический стимул: после снятия с учета труд(спец)поселения, с момента выдачи паспорта, «бывшим кулакам» начинали начислять стаж, необходимый для получения льгот (т. н. «северных»), «рассматривая этих работников, как нанятых на местах»². После снятия со спецучета бывший спецпереселенец отработывал год на Севере и получал 10 %-ю надбавку к заработку, как полноправный работник. На второй год размер «северных» составлял уже 20 % к сумме зарплаты и т. д. Индексация происходила ежегодно, однако ее пороговое значение (как правило, 30, 50 или более процентов) зависели от места работы (ведомства, к которому относилась организация) и должности человека³. Но если для части ссыльных крестьян такая «привилегия» стала реальностью уже в период 1942–1945 гг., то для этнических депортантов, прибывших в Северо-Западную Сибирь в годы войны, это было делом будущего.

В соответствии с постановлением СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении Трудовых книжек» с 15 января 1939 г. по всей стране «для рабочих и служащих всех государственных и кооперативных предприятий» были введены «Трудовые книжки, выдаваемые администрацией предприятия (учреждения)». Всем управлениям НКВД областей было дано разъяснение о порядке выдачи трудовых книжек трудпоселенцам «на общих

¹ Ответ Прокурора СССР Вышинского депутату Верховного совета РСФСР Болотову о льготах для работников Крайнего Севера (8 апреля 1939 г.) // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. / Сост. С. А. Красильников, Д. Н. Нохотович, Т. Н. Осташко и др. Новосибирск, 1996. С. 41. См. об этом также: Красильников С. А. Ссылные крестьяне // Маргиналы в советском социуме. 1930-е – середина 1950-х гг. Новосибирск, 2010. С. 188.

² ГАТО. Ф. 1785. Оп. 5. Д. 184. Л. 27.

³ Архивный отдел администрации Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа (далее – АОАБР). Ф. 3 л. Оп. 2. Д. 24. Л. 163–173; Д. 25. Л. 231–235.

основаниях со всеми рабочими и служащими администрацией предприятий и учреждений по месту работы»¹. После возражений ВЦСПС пришлось отказаться от первоначальной идеи делать в трудовых книжках отметку: «трудпоселенец»², штамп «спецпереселенец» в последующие годы также не ставился.

Принимая во внимание тот факт, что целью нового документа было объявлено упорядочение учета рабочих и служащих, не удивительно, что трудпоселенцы и все спецпереселенцы были полностью вписаны в новую учетную систему. Однако содержание самих трудовых книжек труд(спец)переселенцев убеждает в том, что они оформлялись «задним числом»: можно предположить, что в организованном порядке эти документы стали выдавать лишь после войны. Оформлялись они небрежно, с большими нарушениями: без указания номера приказа «о приеме на работу», сведения о приеме не заверялись печатью организации, иногда указывался только год приема на работу.

Наличие таких серьезных нарушений трудового законодательства при оформлении спецпереселенцев на работу можно связывать, в первую очередь, с неполноправным положением спецпереселенцев. Анализ приказов по личному составу директора Березовского рыбозавода показывает, что спецпереселенцы всех категорий могли рассчитывать на положительное для них, разрешение трудовых конфликтов, которые рассматривала комиссия по рассмотрению трудовых споров, только после снятия их со спецучета и перехода в категорию вольнонаемных работников³.

Уже отмечалось, что в начальный период войны у НКВД и производственных организаций то и дело возникали конфликты в связи с нарушением последними условий соглашения либо использования рабочей силы вообще без договора. И проблемы эти нарастали повсеместно, поскольку количество используемых в промышленности «бывших кулаков» постоянно сокращалось. Так, в рыбной промышленности северных округов Омской об-

¹ Докладная записка отдела трудпоселений руководству ГУЛага НКВД о порядке выдачи трудовых книжек трудпоселенцам (31 марта 1939 г.) // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939–1945 гг. С. 39.

² Там же.

³ АОАБР. Ф. 3 л. Оп. 2. Д. 24. Л. 51; Д. 25. Л. 239.

ласти на 1 июля 1942 г. работало 5239 трудпоселенцев¹, через год их количество сократилось до 2924 чел., а на 1 января 1944 г. насчитывалось 2671 чел.² В этой ситуации промышленность отчаянно нуждалась в восполнении оскудевших трудовых ресурсов. Государство, выполняя этот запрос, предоставило рыбопромышленным предприятиям новые «спецконтингенты».

Хозяйственные организации вели постоянную борьбу за расширение своих прав и сокращение обязанностей и в отношении трудпоселенцев. О действительном распределении ролей свидетельствуют слова секретаря Сургутского райкома ВКП(б) Ужинцева на заседании пленума Ханты-Мансийского окружкома, проходившего 6–7 июля 1942 г. Он говорил о том, что местные органы управления «регулирование рабочей силы передали во власть директора рыбозавода и коменданта»³. Критикуя недостатки отчетности Омгосрыбтреста (в части расселения и использования депортированных на работе), руководитель УНКВД Омской области Захаров с возмущением приводил слова начальника переселенческого отдела треста Мысовского: «Нам списки не нужны, людей мы передали по актам директорам рыбозаводов, они теперь полные хозяева, какое наше дело, где их используют»⁴.

В годы войны особенно остро ощущалось противоречие между карательной сущностью системы спецпоселений и хозяйственными интересами организаций. С одной стороны, учитывая особую важность стоящих перед народным хозяйством страны в военное время задач, руководство УНКВД Омской области требовало, чтобы коменданты «максимум своего времени находились в трудпоселках на производстве, всемерно помогая руководителям предприятий в деле выполнения и перевыполнения трудпереселенцами производственных заданий»⁵, а с другой – будучи структурой, призванной надзирать за репрессированными, настаивало на недопущении перемещения спецпе-

¹ Не считая категории «малотрудоспособных», так же широко используемых на работах.

² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 108 об.; Там же. Д. 133. Л. 186., Л. 264 об.

³ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 107. Оп. 1. Д. 631. Л. 9.

⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 109. Л. 203.

⁵ Там же. Д. 133. Л. 186.

реселенцев без разрешения спецкомендатур¹. Как своеобразный итог борьбы карательного и экономического начал 26 января 1945 г. появилась секретная записка, направленная начальником Ханты-Мансийского окружного УНКВД руководителям горрыбтреста и Ханты-Мансийского леспромхоза. В ней он упрекал начальство треста и леспромхоза в том, что они допускают, без ведома и санкции НКВД, перемещения («перестановку») спецпереселенцев, как между районами, так и между лесозаводами и рыбозаводами внутри района. Их действия были расценены как «фактический роспуск ссылки». Для исправления «нетерпимого» положения было «предложено»: а) без санкции НКВД запретить перемещения рабочей силы за пределы района; б) переброску контингента в пределах района разрешать лишь «в случае крайней необходимости»; в) на всех «труд. и спецпереселенцев, переведенных из Вашего района в другой район без Вашего ведома и санкции ОКРО НКВД», представлять списки лично начальнику окружного НКВД «на предмет водворения этих лиц в места расселения»².

Конфликты с НКВД были нередки, так как рыбопромышленные тресты периодически перебрасывали спецпереселенцев (одиночек и целыми семьями) «по производственной необходимости». При передаче спецпереселенцев между предприятиями шла своеобразная «торговля», они обязаны были предоставить работу всем трудоспособным и принять на баланс иждивенцев.³

Работы, которые приходилось выполнять спецпереселенцам, носили сезонный характер. В путинное время (май-сентябрь) большинство спецпереселенцев было задействовано на рыбодобыче, рыбообработке и других работах, непосредственно связанных с рыбным промыслом. В октябре-ноябре месяце на рыбозаводах происходило сокращение объема работ, при этом значительная часть работников высвобождалась. Это давало возможность руководству Ханты-Мансийского рыбтреста перебрасывать людей на лесозаготовки, строительство различных объектов и другие работы, непосредственно не связанные с рыбным хозяйством. Поэтому фронт работ, на которых были задействованы спецпереселенцы, зимой существенно расширял-

¹ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 116.

² ГАЮ. Ф. 58. Оп. 4. Д. 42. Л. 5.

³ Там же. Ф. 118. Оп. 2. Д. 18. Л. 92–93.

ся. В соответствии с указаниями руководства Омгосрыбтреста в ноябре 1942 г. директор Кондинского рыбозавода обязан был передать лесозаготовительным организациям 100 чел., «могущих работать на строительстве, лесозаготовках, т. е. лиц физически здоровых». Препятствием к исполнению стало то, что переброска на лесозаготовки была связана с переменой места жительства. Для спецпереселенцев это означало: 1) выезд из поселка, на что была необходима санкция комендатуры; 2) работы на морозе в лесу в собственной одежде (рыбзавод не имел фондов, чтобы выделить спецодежду); 3) разделение семей, т. к. лесозаготовительный сезон длился до весны. Со своей стороны руководство предприятия оспаривало решение начальства по той причине, что не располагало таким количеством трудоспособных. Директор указывал на то, что пригодных к использованию рабочих достаточно лишь на бумаге (за счет женщин и подростков), а на практике точное исполнение распоряжения приведет к срыву работы всего рыбозавода¹.

Основная масса спецпереселенцев использовалась на второстепенных, подсобных работах. Эти данные согласуются с директивным «разъяснением» органам НКВД и НКГБ «о возможности использования спецпереселенцев на работах в промышленных предприятиях», данным заместителем наркома госбезопасности Кобуловым и заместителем наркома внутренних дел Чернышевым. В первом пункте документа говорилось: «Спецпереселенцы в промышленных предприятиях, в том числе на заводах оборонной промышленности, как правило, могут быть использованы на строительных и подсобных работах. Разрешается также использование спецпереселенцев в механических цехах предприятий (за исключением взрывоопасных), решая вопрос об их допуске, в каждом отдельном случае, исходя из местных условий и обеспечивая за ними тщательное агентурное наблюдение»².

За годы войны произошел отток трудовых ресурсов из аграрного сектора в промышленный. К маю 1945 г. основная масса спецпереселенцев была занята в рыбной промышленности Северо-Западной Сибири. Спецпереселенцы четырех категорий («бывшие кулаки», немцы Поволжья, «бессарабцы» и «ленин-

¹ ГАЮ. Ф. 58. Оп. 4. Д. 13. Л. 82–82 об.

² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1 а. Д. 172. Л. 113.

градцы») к этому времени уже являлись рабочими постоянно-го кадра предприятий Северо-Западной Сибири. Большинство калмыков осваивало новые для них профессии, чтобы уже в послевоенное время стать квалифицированными специалистами.

Ссылные крестьяне были востребованы в системе рыболовецкой кооперации и банковской сфере, однако, как мы отмеча-ли ранее, с подобными проявлениями «врастания кулачества в социализм» власти вели борьбу. Несмотря десятилетнее нахожде-ние на спецпоселении и начавшийся в годы войны призыв в РККА, «бывшим кулакам» был закрыт путь в советские органы даже низшего уровня, не говоря уже о спецслужбах, что отличало их от калмыков, депортированных позднее.

Спецпереселенцы – «бывшие кулаки» продолжали оставаться объектом внимания компетентных органов. Всего из находящихся на спецпоселении в Сибири ИПХ с 1 января по 1 апреля 1945 г. «убыло в места лишения свободы» 34 человека¹. В третьем квартале 1945 г. прокурором Ханты-Мансийского округа окружному отделу НКВД были даны санкции на арест по 58-й статье 11 спецпереселенцев, из них: «бывших кулаков» – 1; калмыков – 3; ИПХ – 7 (все ИПХ обвинялись по статье 58-10, при этом четверо из них были родственниками)². При этом необходимо учитывать, что на спецкомендантов было возложено проведение первичных следственных действий по делам о контрреволюционных преступлениях³, но надзор за законно-стью их действий в годы войны, со стороны прокуратуры обла-сти организован не был⁴.

Труд на спецпоселении во всех сферах хозяйственной дея-тельности носил принудительный характер. Об этом свидетель-ствует: невозможность выбора и смены места работы без санк-ции надзирающих органов НКВД; целенаправленное привлече-ние к труду значительного количества лиц, попадавших в ка-тегории «ограниченно трудоспособных» и «нетрудоспособных»; имевшая место дискриминация в трудовых отношениях, пре-жде всего, в вопросах оплаты труда; режимный статус, который

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005. С. 119.

² ГАТО. Ф. 1103. Оп. 5. Д. 1. Л. 110–110 об.

³ Постановление № 34-14с Совнаркома СССР об утверждении «Положения о спецкомендатурах НКВД» (8 января 1945 г.) // Ссылка калмыков: как это было: Сб. док-в и мат-лов. С. 183.

⁴ ГАТО. Ф. 1103. Оп. 6. Д. 28. Л. 123.

делал спецпереселенцев уязвимыми для произвола со стороны руководителей хозяйственных организаций. Один из немногих плюсов подневольного статуса заключался в невозможности уволить спецпереселенцев без предоставления другой работы.

Даже принимаемые центральными и региональными властями меры по социально-бытовому обустройству спецпереселенцев и улучшению условий их жизни диктовались хозяйственными соображениями, были направлены на «оседание» репрессированных в местах спецпоселений и продолжение использования их труда. К примеру, забота об иждивенцах носила прикладной характер: власти были озабочены открытием детских учреждений для детей с целью как можно большего привлечения на работы их матерей из числа спецпереселенцев.

По мысли властей спецпереселенцы должны были стать не просто дешевой, а почти бесплатной рабочей силой. Затраты производились только на перевозку и организацию спецпереселенцев. Все остальное было заботой самих спецпереселенцев: они строили жилье, снабжали поселки продуктами питания и работали. Однако отсутствие какой-либо инфраструктуры в местах заселения спецпереселенцев порождало описанные выше трудности со снабжением, обустройством и обслуживанием переселенцев, приводило к повышению уровня смертности, что отнюдь не способствовало высокой производительности их труда. Данное обстоятельство можно было компенсировать только за счет количества, поэтому за первыми партиями спецпереселенцев последовали следующие. Среди ссыльных были ударники, но ударничество в спецпоселках имело определенную специфику. Ударники производства получали большую зарплату и норму питания, следовательно, могли прокормить своих детей и престарелых родителей, которые получали мизерную «иждивенческую» норму. Таким образом, ударничество в условиях спецпоселения военных лет становилось одной из стратегий выживания.

Война явилась фактором, обусловившим появление многочисленных межведомственных конфликтов, где ссыльные крестьяне выступали в качестве объекта борьбы, являя собой ценнейший ресурс военного времени – мобильную, дешёвую и достаточно квалифицированную рабочую силу, жизненно необходимую для выполнения заданий центра. На региональ-

ном уровне победителем в битве за рабочую силу вышел Ханты-Мансийский госрыбтрест, добившийся перевода «на рыбу» большинства ссыльных крестьян за счет сельского хозяйства и лесной отрасли.

УДК 343.81(571.51)

Суверов Е. В., Барнаул

Функционирование исправительно-трудовых колоний в Красноярском крае (в 30-е годы XX века)

Аннотация. Исправительно-трудовые колонии стали создаваться в Красноярском крае в 30-е годы прошлого века, на базе производственной части тюремной системы. В исправительно-трудовые колонии направлялись осужденные за нетяжкие преступления, сроком наказания до 3 лет лишения свободы. Значительная часть красноярских колоний имела аграрный уклон, также колонисты работали на стройках и промышленных предприятиях края. Изоляция преступного элемента, выполнение производственного плана и перевоспитание осужденных с помощью повседневного труда были основными направлениями функционирования исправительно-трудовых колоний в Красноярском крае. Условия жизни осужденных были тяжелыми, что выражалось в плохом питании, низком санитарно-бытовом обслуживании. Значительное количество осужденных работало в колониях, что значительно удешевляло производственную деятельность, но с другой стороны, снижало эффективность поддержания на должном уровне режима содержания заключенных.

Ключевые слова: исправительно-трудовые колонии, заключенные, производство, Красноярский край, охрана.

Suverov E. V., Barnaul

The functioning of the corrective labour colonies in the Krasnoyarsk territory (in the 30s of the XX century)

Annotation. Correctional labor colonies began to be created in the Krasnoyarsk region in the 30s of the last century, on the basis of the production part of the prison system. In the correctional labor colony sent convicted of minor crimes, a sentence of up to 3 years in prison. A significant part of the Krasnoyarsk colonies had an agricultural bias, and the colonists worked at construction sites and industrial enterprises of the region. The isolation of the criminal element, the implementation of the production plan and the re-education of convicts through daily work were the main directions of the functioning of correctional labor colonies in the Krasnoyarsk region. The living conditions of the convicts were difficult: poor nutrition, low and sanitary services. A significant number of convicts worked in the colonies, which significantly reduced the cost of production activities, but on the other hand reduced the effectiveness of maintaining the proper level of detention.

Key words: labor camp, prisoners, trade, Krasnoyarsk Krai, security.

Советская пенитенциарная система в Восточной Сибири окончательно стала формироваться в 20-х годах прошлого столетия. В 1924 г. был принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, регламентирующий деятельность мест лишения свободы.

В Красноярском крае (образованном в 1934 г.) исправительно-трудовые колонии (ИТК) стали образовываться на основе тюремной системы. Это значительно разгружало переполненность тюрем спецконтингентом во время проведения массовых репрессий. Функционирование советской пенитенциарной системы связано с продолжавшейся репрессивной политикой государства и необходимостью дальнейшей колонизации Сибири, полнейшей изоляцией осужденных с целью перевоспитания на коммунистических идеях с привлечением к обязательной трудовой деятельности. [20, с. 36]. Заключение привлекались на работы в сложных климатических условиях, зачастую начиная с «первого колышка», что значительно повышало их совокупный вклад в экономику [22, л. 418]. Количество заключенных в Красноярском крае постепенно увеличивалось и составило в 1935 г. 7500 человек [1, л. 19].

Функционирование ИТК осуществлялось Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г. «Положением об исправительно-трудовых лагерях» [19], туда направлялись осужденные на небольшие сроки заключения (до 3 лет) для изоляции и трудового перевоспитания [2, л. 37, 38].

В конце 30-х гг. в СССР насчитывалось 425 ИТК (в том числе 170 промышленных, 83 сельскохозяйственных и 172 «контрагентские», чьи заключенные работали на стройках и предприятиях других ведомств) и 50 колоний для несовершеннолетних [3, л. 1–7, 124]

Первоначально руководил работой исправительно-трудовых колоний на территории Красноярского края отдел мест заключенных и трудовых поселений УНКВД по Красноярскому краю.

В июле 1935 г. штат отдела мест заключения и трудпоселений УНКВД по Красноярскому краю состоял из [6, л. 37–39]:

Наименование аппарата	Наименование должностей	Количество
Руководство	Начальник отдела	1
	Заместитель начальника отдела	1
	Помощник начальника отдела	1
Секретариат	Секретарь	1
	Юрисконсульт	1
	Старший делопроизводитель	1
	Машинистки	3
	Обслуживающие	1
1-е отделение (исправительные работы)	Начальник отделения	1
	Инспекторы	2
	Статистики	1
2-е отделение (учетно-распределительное)	Начальник отделения	1
	Инспектора	2
	статистики	1
3-е отделение (охраны)	Начальник отделения	1
	оперуполномоченные	2
	уполномоченные	3
	инспектор	1
4-е отделение (культурно-воспитательное)	Начальник отделения	1
	инспектора	2
5-е отделение (снабжение)	Начальник отделения	1
	Инспектора	1
	Экономист	1
	агент	1
6-е отделение (финансовое)	Начальник отделения	1
	Ст. бухгалтер	2
	Бухгалтеров	4
	Счетовод	1
	кассир	1

Пенитенциарная и карательная система советской Сибири

7-е отделение (сельскохозяйственное)	Начальник отделения Ветеринарный инспектор Экономист Агроном зоотехник	1 1 1 1 1
8-е отделение (производственно-строительное)	Начальник отделения Инспектор Инженер экономист	1 1 1 1
9-е отделение (санитарное)	Начальник отделения Санитарный инспектор статистики	1 1 1
10-е отделение (планово-экономическое)	Старший инспектор Инспектор экономист	1 1 1
11-е отделение (трудовых поселенцев)	Начальник отделения Ст. инспектор Инспектор Статистики делопроизводители	1 1 2 2 1

Часть кадрового состава советской пенитенциарной системы в 30-е годы формировалась из самих заключенных. Они руководили производством, работали в канцелярии, медицинском, финансовом, культурно-массовом секторах и даже в охране. «Самоохранникам» (осужденные, которые сами охраняли других заключенных) выдавалось боевое оружие, доверяя им важные объекты, что, безусловно, снижало эффективность изоляции спецконтингента. Привлечение на службу осужденных объяснялось дефицитом грамотных специалистов (особенно в удаленных районах) и желанием государства сэкономить на обслуживании мест заключения.

Это наглядно показывает штатная численность Красноярской ИТК в 1935 г. [7, л. 42, 43]:

Должность	Количество
начальник колонии	1
начальник охраны	1
старший надзиратель	4
отдельный надзиратель	2
младший надзиратель	43 (из них 15 заключенные)
начальник пожарной охраны	1
начальник канцелярии	1
делопроизводитель	5 (из них 3 заключенные)
заведующий секретной частью	1
секретарь наблюдкома	1
секретарь-делопроизводитель	1

плановик-экономист	1
статистик	1 (заключенный)
заведующий производственной частью	1
нормировщик	1 (заключенный)
калькулятор	1 (заключенный)
агроном	1 (заключенный)
зоотехник	1 (заключенный)
инспектор снабжения	1
агент	4 (из них 2 заключенные)
заведующий складом	3
инспектор снабжения	1
инспектор КВО	3
культурники	5 (из них 2 заключенные)
политрук	1
санмединспектора	1
врач терапевт	1
санитарный врач	1
зубной врач	1
заведующий аптекой	1
санитары лекпома	2
медсестры	4 (из них 2 заключенные)
дезинфектор	1 (заключенный)
завхоз	2
главбух	1
старший бухгалтер	1
бухгалтер	4 (все заключенные)
карточник	2 (все заключенные)
счетоводы	5 (все заключенные)
кассир-инкассатор	1
инструктор цехов	1
заведующий лесозаготовками	1
десятник	1 (заключенный)
заведующий кирпичным производством	1 (заключенный)
механик	2 (все заключенные)
мастер по обжигу	2 (все заключенные)
мастер по сырцу	1 (заключенный)
заведующий известкового производства	1
заведующий сельскохозяйственного отдела	1
помощник по производственной части	1
пастух	3 (все заключенные)
машинистка	1 (заключенный)

В штате колонии массовых работ для строительства ШОСДО-Ра (шоссеиных дорог) (контингент 300–400 заключенных) состояло [8, л. 131, 132]:

Должность	Количество
начальник колонии	1
уполномоченный	1
комендант	1
дежурные помощники коменданта	3
начальник пожарной охраны	1
заведующий делопроизводством	1
делопроизводитель	1 (заключенный)
инспектор	1
регистратор	1 (заключенный)
заведующий библиотекой	1 (заключенный)
начальник производственной части	1
заведующий снабжением	1
экономист	1 (заключенный)
статистик	1 (заключенный)
старший бухгалтер	1
бухгалтер	1 (заключенный)
счетовод	1 (заключенный)
Начальник санитарной части, он же заведующий стационаром	1

В Красноярском крае в изучаемый период часть исправительно-трудовых колоний имели сельскохозяйственную направленности: Минусинская ИТК, Абанская ИТК, Миндерлинская ИТК, Березовская ИТК, Ширинская ИТК.

В Минусинской сельскохозяйственной ИТК ОМЗ ТП УНКВД Красноярского края (начальник Воробьев И. Ф) в сентябре 1937 г. штатная структура [9, л. 175–185]:

Должность	Количество
начальник	1
сотрудники охраны	14
работники канцелярии	1
работники учетно-распределительной части	1
работники культурно-воспитательной части	1
работники хозяйственной части	2
работники финансовой части	1
работники медицинской части	1

В Абанской сельскохозяйственной ИТК ОмЗ ТП УНКВД Красноярского края (начальник Чемоданов Г. Я.) в 1937 г. штатная численность:

Должность	Количество
начальник колонии	1
помощник начальника колонии	1
оперуполномоченный	1
уполномоченный	1
начальник помощника охраны	1
дежурный помощник коменданта	3
комендант, он же начальник охраны	1
проводник служебно-розыскных собак (СРС)	1
старший надзиратель	6
надзиратель	10
работники канцелярии	2
работники учетно-распределительной части	1
работники культурно-воспитательной части	1
работники хозяйственной части	2
работники финансовой части	2
работники медицинской части	11
работники производственной части	2

В Миндерлинской сельскохозяйственной ИТК (начальник Князев В. В.) в сентябре 1937 г. штатная численность состояла из:

Должность	Количество
начальник колонии	1
уполномоченный	1
помощник начальника охраны	1
ком. начальника охраны	1
дежурный помощник коменданта	1
проводник СРС	1
старший надзиратель	5
надзиратель	6
работник канцелярии	1
работник учетно-распределительной части	1
Работник культурно-воспитательной части	1
работник хозяйственной части	2
работник финансовой части	1
работник медицинской части	3

Структура исправительно-трудовых колоний в Красноярском крае была непостоянной, возникали новые колонии, ликвидировались старые.

Были упразднены 4 исправительно-трудовые колонии и создана одна новая только в одном 1936 г. На основании приказа начальника УНКВД СССР по Красноярскому краю № 0063 от 19 августа 1936 г. «О ликвидации колоний массовых работ в Казачинске, Ярцево, Богучано-Кежме и Стеклозаводе и организации колонии инвалидов при известковом заводе Красноярского района» [10, л. 128]. Приказ по управлению НКВД СССР по Красноярскому краю 27 января 1937 г. № 009. «О ликвидации Усинской колонии массовых работ ОМЗ ТП УНКВД Красноярского края», ликвидировал Усинскую исправительно-трудовую колонию массовых работ в связи с окончанием работ на Усинском тракте [11, л. 11]. В конце 1941 г. приказом № 113 по управлению НКВД Красноярского края Миндерлинская сельскохозяйственная исправительно-трудовая колония (образованная в 1935 г.) была преобразована в подсобное хозяйство ХОЗО УНКВД. Временно исполняющим обязанности директора был назначен товарищ Ткаченко [18].

Выполнение производственных планов являлось важной задачей функционирования всей советской пенитенциарной системы, в том числе и исправительно-трудовых колоний Красноярского края.

План основной производственной программы по Березовской сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии в 1935 г. составлял: посев яровых культур – 784 гектара (га), в том числе под зерновыми культурами 530 га, картофелем, корнеплодами и огородными культурами 115 га и прочими культурами 139 га. Довести поголовье скота – по крупному рогатому скоту: быков-производителей – до 2 голов, коров – 82 голов, нетелей – 53 голов, молодняка до 2-х лет – 32 голов, телят до 1 года – 79 голов; по свиному стаду: хряков-производителей – до 2 голов, свиноматок – 50 голов, подсвинок старше 4 месяцев поросят до 4 месяцев – 156 голов; по овцам: баранов-производителей – 14 голов, овец маток – 52 голов; по кроликам: кролики-самцы – 27 голов, кролики-самки – 69 голов, молодняк – 216 голов. Получить 81 тонну молока, сдать в переработку 53 тонны, получить 2, 68 тонн сливочного масла, мяса крупного

рогатого скота – 5,24 тонны, свинины – 31,20 тонны, баранины – 0,60 тонны [12, л. 165].

В Ширинской сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии в 1935 г. было запланировано посеять яровые культуры на 576 га, в том числе под зерновыми культурами 550 га, картофелем, корнеплодами и огородными культурами – 26 га. К концу года предполагалось довести поголовье скота: по крупному рогатому скоту: быков-производителей – до 1 головы, коров – 12 голов, нетелей – 4 голов, молодняка до 2-х лет – 1 головы, делят до 1 года – 11 голов); по свиному стаду: хряков-производителей – 2 голов, свиноматок – 27 голов, подсвинок старше 54 месяцев поросят до 4 месяцев – 50 голов; по овцам: баранов-производителей – 101 головы, овец маток – 2752 головы, молодняка – 943 головы. Годовые удои молока должны были составить 13 тонн, сдать в переработку 5,13 тонн молока, получить 0, 27 тонн сливочного масла, мяса крупного рогатого скота – 42 тонны, свинины – 8,6 тонн, баранины 13,59 тонн [13, л. 166].

В Миндерлинской сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии план посева яровых культур составил 1510 га, планировалось собрать урожай 1648 тонн зерновых, 360 тонн картофеля, 15 тонн плодов и овощей, скосить 800 тонн сена, заготовить и вывезти 800 кубометров древесины. [14, л. 204].

В Абанской сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии план посева яровых культур составил 4000 га, планировалось собрать урожай в количестве 4526 тонн зерновых, 480 тонн картофеля, 966 тонн корнеплодов и овощей. Поголовье скота в колонии составляло в 1935 г. 5 голов быков, 76 голов коров, 54 головы телят, свиноматок – до 74 голов, поросят старше 4 месяцев 217 голов. Требовалось заготовить и вывезти 600 кубометров древесины. Во время аграрных работ заключенные были обеспечены жильем, кухнями, в необходимых случаях подвозилась горячая пицца [15, л. 207].

Снижало производительность труда в красноярских ИТК отсутствие со стороны руководителей должного контроля за работой технических средств, тягловой силы, правильной расстановки людей, расходом топлива. Наблюдались массовые случаи простоя, неэффективной работы тракторов. В момент посевной кампании в Ачинской колонии снизили выдачу хлеба рабочим,

уменьшили норму выдачи корма лошадям, работающим в поле, что значительно снизило темпы работ [16, л. 54, 55].

На военизированную охрану и отдел режима содержания возлагались задачи по недопущению побегов и соблюдению полной изоляции преступного элемента в исправительно-трудовых колониях. В связи с нерешенными кадровыми проблемами, низкой технической обеспеченностью (в ночное время периметр колонии освещался с помощью костров, что было далеко не эффективно) из ИТК совершались многочисленные побег.

В 3 квартале 1939 г. из мест лишения свободы страны бежало 1860 человек, задержано было лишь 1000 человек; в 4 квартале 1939 г. бежало 917 человек, задержано всего 408 человек. Причина многочисленных побегов – большая нагрузка на стрелков (по 12–14 часов в сутки), особенно в летний период, недостаточное внимание администрации колоний к созданию надлежащих бытовых условий для охраны, функционирование множества производственных точек, не вызванных хозяйственной необходимостью, требующих значительного количества охраны, шаблонное применение методов охраны, слабая политико-воспитательная работа среди личного состава. Массовое «расконвоирование» приводило к тому, что заключенные становились безнадзорными, совершали грабежи, хулиганские выходки, кражи, пьянствовали, сожительствовали с гражданскими лицами и другими заключенными, терроризировали окружающее население.

Для предотвращения побегов в колониях было увеличено поголовье служебно-розыскных собак с 268 до 5227 штук. Сотрудники НКВД боролись с «отказниками» (лицами, отказывавшимися совершать трудовую деятельность) и «промотами» вещевого довольствия (продажа и утеря заключенными казенного имущества, в том числе одежды, обуви, постельных принадлежностей, инвентаря), с сожительством заключенных, проводили систематические обыски в бараках. Если в 1 квартале 1939 г. было вскрыто 279 фактов нелегальной переписки заключенных, то в 3 квартале – 166 случаев. В 1 квартале 1939 г. во время обысков заключенных было обнаружено 18 617 предметов, а в 3 квартале – 10 978 предметов. К уголовной ответственности было привлечено только в 1 квартале 1939 г. 6217 заключенных, а среди вольнонаемных работников – 722 человека [4, л. 46–62].

Для предотвращения побегов из мест лишения свободы широко применялась круговая порука среди заключенных. Собирались собрания спецконтингента, где осужденные давали клятву о недопустимости нелегального выхода за пределы зоны, расписываясь в протоколе собрания. В случае нарушения этих обязательств, на всех осужденных налагались жесткие ограничения. Предполагалось, что боясь наказания, заключенные будут препятствовать готовящимся побегам. Те заключенные, которые отказывались подписывать протокол, не допускались к бесконвойному хождению к производственным объектам, на них возлагался дополнительный надзор.

Несмотря на предпринимаемые меры в исправительно-трудовых колониях, расположенных на территории края, фиксировались нарушения режима содержания заключенных, приводившие к побегам, нападениям на надзирателей, вольнонаемных работников и других заключенных, кражам, убийствам и другим преступлениям, вовлечению осужденных в азартные игры, отказ от выполнения работ.

В 1939 г. ряд заключенных Миндерлинской колонии свободно выходили в близлежащие населенные пункты, где предавались пьянству, совершая преступления. Так, 28 января 1939 г. был отпущен из колонии заключенный Амосов, который в городе Красноярске совершил кражу в квартире гражданина Шелетова, после чего скрылся. Систематически отбывал без конвоя в Красноярск осужденный на 5 лет Курчавый, имея при себе удостоверение сотрудника колонии. Бесконтрольно выезжали в город заключенные шоферы, где распивали спиртные напитки с местными жителями. 17 января 1939 г. заключенный шофер Василек в пьяном виде в Красноярске врезался в дом, повредив машину о стену дома. 29 января 1939 г. надзиратели колонии Трушин и Дерябкин, сопровождая из Красноярской тюрьмы 18 заключенных, не довели их до колонии. В результате часть заключенных стали употреблять алкоголь с местными жителями, придя в колонию лишь на третьи сутки, причем 4 заключенных обморозились. Начальник колонии инвалидов Каверзин своих заключенных свободно отпускал по делам колонии в город, разрешал женам заключенных приезжать в колонию, где они жили со своими мужьями по 2–3 суток. За 4 квартал 1938 г. из колонии инвалидов бежало 10 человек, из Миндерлинской колонии 6 человек, из Абаканской колонии 6 человек.

По большинству колоний розыск объявлялся не сразу, а только после 8–10 дней после побега [17, л. 72–74].

Санитарно-бытовые условия в красноярских ИТК были тяжелые. Норма питания в 1939 г. для заключенных исправительно-трудовых колоний СССР составляла на 1 человека в сутки: 600 грамм хлеба, 30 грамм мяса, 500 грамм картофеля и овощей, 128 грамм рыбы. Для занятых на основных производственных работах и выполняющих норму выработки в сутки питание составляло: 1200 грамм хлеба, 30 грамм мяса, 600 грамм картофеля и овощей, 158 грамм рыбы. Дополнительно к норме довольствия работающим стахановским методом предусматривалось: 200 грамм хлеба, 50 грамм мяса, 34 грамма рыбы, 150 грамм картофеля и овощей. Штрафной паек составлял: хлеба 400 грамм в сутки, 75 грамм рыбы, 400 грамм овощей и картофеля, мясо не было предусмотрено [5, л. 60–62 об., 67–69].

Перенаселенность, «спартанские» бытовые условия, тяжелый физический труд приводили к массовым болезням, быстрому истощению осужденных, приводившему и к летальным исходам. Несоблюдение сроков содержания арестованных, перегруженность пенитенциарной системы, повсеместное нарушение социалистического законодательства стало возможным из-за массовых репрессий в предвоенный период и самоустранения прокуратуры как надзорного органа [21, с. 429].

Таким образом, в 30-е годы прошлого века в Красноярском крае была организована сеть исправительно-трудовых колоний, часть которых имела аграрный уклон: Минусинская ИТК, Абанская ИТК, Миндерлинская ИТК, Березовская ИТК, Ширинская ИТК, а также функционировала Красноярская ИТК, исправительно-трудовая колония при Шосдорострое, Казачинская ИТК, Ярцевская ИТК, Богучано-Кежменская ИТК, ИТК при Стеклозаводе, ИТК инвалидов.

Функционирование исправительно-трудовых колоний в Красноярском крае в исследуемый период было направлено на выполнение производственного плана, изоляцию преступного элемента и попытки перевоспитания с помощью воспитательных мер и обязательной трудовой деятельности. С помощью использования трудовых ресурсов проходило освоение труднодоступных районов Красноярского края, добыча полезных ископаемых, производство промышленных и сельскохозяйственных

товаров. В связи с халатным отношением к своим служебным обязанностям некоторых сотрудников НКВД, были зафиксированы случаи нарушения режима содержания заключенных, приводившие к побегам, неповиновению и нападению на надзирателей. Тяжелые санитарно-бытовые условия, скудное питание являлись серьезным недостатком всей советской пенитенциарной системы, однако это было связано и со сложной социально-экономической ситуацией в стране.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 9414. Оп. 1. Д. 2740.
2. ГАРФ. Ф.Р.9414. Оп. 1. Д. 368.
3. Там же. Д. 28.
4. Там же. Д. 2989.
5. ГАРФ. Ф.Р. 9401. Оп. 1а. Д. 35. Л. 60–62 об., 67–69.
6. Отдел спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра ГУ МВД России по Красноярскому краю (ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю) Ф. 6. оп. 1. Арх. № 1. Д. 1.
7. ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1 л/с. Арх. № 1. Д. 2.
8. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 5. Д. 1.
9. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 28.
10. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 5. Д. 1.
11. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 10. Д. 28.
12. Там же. Ф. 6. Оп. 1 л/с. Арх. № 2. Д. 2.
13. Там же. Ф. 6. Оп. 1 л/с. Арх. № 2. Д. 2.
14. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Т. 2.
15. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2. Т. 2.
16. ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1 л/с. Арх. № 2. Д. 2.
17. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 21 д.3.
18. История поселка – под грифом «секретно» // Сельская жизнь. 2018. 18 авг. Общественно-политическая газета Сухобузимского района Красноярского края.
19. Собрание законов СССР. 1930. № 22. Ст. 248.
20. Суверов Е. В. Образование и функционирование Сибирского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР (Сиблага) в 1929–1941 гг. Монография. Барнаул, 2016. 124 с.
21. Суверов С. Е. Нарушение следственных действий сотрудниками НКВД СССР (на примере Дальнего Востока в 30-е годы XX века) // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего исторического образования на Д. Востоке России. Хабаровск, 2018. С. 428–431.
22. Упов И. В. НКВД СССР и эксплуатация труда заключенных в 1920–1940-е годы // Электронный научный журнал. 2016. № 6 (9). С. 412–419.

Репрессивная политика Советского государства в Сибири

УДК 947.073(571.51)

Дементьев А. П., Красноярск

Репрессивная политика «первой советской власти» в Енисейской губернии

Аннотация. Рассматриваются репрессивные мероприятия «первой советской власти» в Енисейской губернии по отношению к политическим оппонентам. Выявляются методы и формы борьбы с оппозицией, анализируется их влияния на общественно-политическую жизнь.

Ключевые слова: советы, Енисейская губерния, репрессии, эсеры, меньшевики.

Dementyev A. P., Krasnoyarsk

Repressive policy of the first Soviet authorities in Yeniseisk Gubernia

Abstract. The current article analyses repressive measures of the first Soviet authorities in Yeniseisk Gubernia, in relation to the political opponents. Methods and forms of struggle with the opposition are revealed, the influence on the social and political life is studied.

Key words: soviets, Yeniseisk Gubernia, repression, the SRs, the Mensheviks.

На территории Енисейской губернии советская власть была провозглашена в конце октября – начале ноября 1917 г. Опира-

ясь на решения Красноярского, Ачинского и Канского советов 31 октября губернский исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов отстранил от должности губернско-го комиссара и объявил о переходе к нему высшей власти в регионе¹. 17 ноября соответствующие резолюции приняли Советы в Енисейске и Минусинске.

Фактический захват власти леворадикальным блоком большевиков, левых эсеров и анархистов был осуществлен в обход формировавшихся демократических институтов, вопреки мнению популярных либеральных и умеренно-социалистических партий, множества общественно-политических организаций. Закономерно, что с первых дней существования советской власти перед ее лидерами встал вопрос о проведении репрессивной политики – карательных мер по отношению к политическим оппонентам.

Традиционно в советской историографии репрессивная политика советов данного периода рассматривалась в контексте «триумфального шествия» советской власти, как борьба с «предателями» интересов трудового народа²; данный подход неизбежно сказывался на объективности научного анализа. В настоящей работе предпринята попытка комплексного освещения репрессивных мероприятий «первой советской власти», просуществовавшей в Енисейской губернии с октября 1917 до июня 1918 г., до свержения силами чехословацкого корпуса и подпольных эсеровских организаций.

Первые репрессивные мероприятия большевиков были вызваны действиями политических оппонентов, пытавшихся оказать сопротивление установлению советской власти. 29 октября 1917 г. в Красноярске по инициативе губернского комиссара Вл. М. Крутовского был создан губернский комитет объединенных общественных организаций, который заявил о взятии в свои руки всей полноты власти в губернии и призвал все общественные учреждения, государственные и частные предприятия выполнять лежащие на них обязанности. По инициативе комитета в Красноярске была начата забастовка служащих, прекратили

¹ Красноярский Совет. Сборник документов. Март 1917 – июнь 1918 г. Красноярск, 1960. С. 229, 233, 243–244.

² Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 1. Красноярск, 1967. С. 283.

работу почта, телеграф, банки, учебные и административные учреждения¹. В Ачинске подобным образом был организован комитет спасения революции.

Стремясь остановить распространение антисоветских воззваний еще 27 октября исполнительный комитет (ИК) Красноярского совета обсуждал предложение закрыть либеральные газеты «Свободная Сибирь» и «Голос народа». В итоге было принято решение вынести изданиям предупреждение о недопустимости появления статей или публикаций, направленных против советов². 30 октября 1917 г. Красноярский совет установил контроль над типографией товарищества потребительских кооперативов, где, в частности, печаталась меньшевистская газета «Дело рабочего». Остальным газетам было запрещено печатать сообщения Временного правительства, так же, как и воззвания бывшего губернского комиссара³. В этот же день ИК губернского совета рабочих и солдатских депутатов пригрозил призвать в армию всех бастующих чиновников, имевших отсрочки по воинской повинности.

2 ноября 1917 г. был организован Енисейский губернский народный комиссариат, которому временно передавалась высшая административная и политическая власть в губернии. В его состав вошли большевики И. И. Белопольский, В. Н. Яковлев, А. Г. Перенсон и левый эсер Н. В. Мазурин. В уездных центрах для охраны порядка и борьбы с саботажем политических противников были созданы военно-революционные комитеты (ВРК) советов. Так, в состав Канского ВРК, образованного 2 ноября 1917 г., вошли представители совета рабочих депутатов, совета крестьянских депутатов, совета солдатских депутатов, военной организации, а также председатель городской думы, начальник гарнизона и начальник уездной милиции⁴. Именно ВРК возглавили борьбу с антисоветской оппозицией осенью 1917 г.

Первым своим приказом Енисейский губернский народный комиссариат уволил всех чиновников губернского правления,

¹ Голос народа (Красноярск). 1917. 2 ноября; Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 2 ноября.

² Красноярский совет. С. 231–232.

³ Красноярский совет. С. 239.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 1. Л. 55; Известия Канского объединенного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Канск). 1917. 11 ноября.

принимавших участие в забастовке. Желающие вернуться на службу должны были заново подать прошение¹. 5 ноября были арестованы губернский комиссар Вл. М. Крутовский и его помощник Е. Л. Козлова. Красноярский окружной прокурор Г. Б. Патушинский, выступивший с резким протестом против арестов, был обвинен в саботаже, снят с должности и помещен под арест. Окончательный разлад в ряды бастующих внесла угроза комиссариата заселить беженцами квартиры участвующих в забастовке чиновников. Уже к 12 ноября забастовка служащих в Красноярске была прекращена. Таким же образом к этому времени разрешилась ситуация в Канске.

21 ноября 1917 г. губернский народный комиссариат постановил немедленно распустить комитеты общественного спасения, которые пытались организовать борьбу с рабоче-крестьянской властью. Членов комитетов, не желающих подчиняться, было решено придавать революционному суду².

Для ограничения распространения оппозиционных печатных изданий 25 ноября губернский комиссариат принял постановление о государственной монополии на объявления. Этим актом все меньшевистские газеты лишались значительного источника заработка. За неисполнение данного постановления комиссариат наказал штрафами газеты «Голос народа» и «Знамя труда». Более радикально боролись с оппозиционной печатью уездные советы. Например, Ачинский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил с 1 января 1918 г. запретить продажу в уезде либеральной газеты «Сибирская жизнь», как приносящей «вред для населения»³. 31 января было принято решение о закрытии журнала «Путь деревни», издававшегося земской управой, поскольку публикации в журнале носили явно политический характер и были направлены против совета⁴.

Таким образом, политический кризис конца 1917 г. был разрешен политическим блоком большевиков, левых эсеров и анархистов без применения физического воздействия к оппонентам. По мнению историка А. А. Штырбула, относительная мягкость

¹ Красноярский Совет. С. 242, 250.

² Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1917. 21 ноября.

³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 3. Д. 150 б. Л. 2.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 60. Л. 16.

«первой советской власти» стала следствием ее многопартийности и мощного демократического потенциала¹.

Однако среди советской элиты звучали и более радикальные предложения. Так, по сообщениям газеты «Голос народа», 6 ноября анархист В. К. Каминский на заседании ИК Красноярского совета предлагал повесить зачинщиков забастовки служащих. Большевики на эти меры не пошли².

Зафиксировано несколько случаев применения физической силы, как средства политической борьбы, рядовыми активистами. В октябре 1917 г. в селе Шеломки Канского уезда был избит инструктор товарищества кооперативов эсер Л. С. Органов. Большевистски настроенные крестьяне «сначала пробовали криками заставить замолчать. Когда это не удалось, то начали бить»³. 7 ноября 1917 года двое рабочих железнодорожных мастерских избili рабочего эсера А. Е. Курденкова. Рукоприкладство последовало после слов: «Ну что т. т. вы думаете, где ваш Керенский?»⁴.

К апрелю 1918 г. советы мирно подчинили себе организационный аппарат органов земского самоуправления. Только в Ачинском и Енисейском уездах ликвидация земства сопровождалась санкциями против его деятелей. Енисейское уездное земское собрание в январе 1918 г. было распущено «угрозой штыков», а члены земской управы были вынуждены уехать, избегая арестов⁵. Ачинский совет в феврале 1918 г. постановил лишить свободы и предать народно-революционному суду земцев, подписавших обращение о расторжении договоров с ямщиками, что на некоторое время затруднило передвижение представителей власти по уезду⁶. 30 марта общее собрание группы большевиков села Пановское Кежемской волости высказалось за арест членов волостной земской управы – в случае если они окажут противодействие выборам совета⁷.

¹ Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая половина XX века). Омск, 2008. С. 309.

² Голос народа (Красноярск). 1917. 11 ноября.

³ Знамя труда (Красноярск). 1918. 26 октября.

⁴ Указ. изд. 1917. 15 ноября.

⁵ ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

⁶ Там же. Ф. Р-1768. Оп. 1. Д. 66. Л. 14.

⁷ Там же. Ф. Р-1800. Оп. 2. Д. 344. Л. 57.

Губернский соединенный ИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 21 марта 1918 г. постановил утвердить постановление СНК о закрытии и конфискации органов прессы: «призывающих к открытому сопротивлению или неповиновению рабоче-крестьянскому правительству и советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; сеющих смуту путем явно клеветнического извращения фактов; призывающих к деяниям явно преступного, то есть уголовно наказуемого характера»¹. В результате в марте были закрыты печатные органы эсеров, кадетов, анархистов: «Знамя труда», «Свободная Сибирь», «Сибирский анархист».

Определенные репрессивные мероприятия проводились советами и в отношении общественно-политических организаций. Придя к власти, большевики поспешили ликвидировать наиболее правые общественные объединения. В частности, губернский ИК запретил открытие 14 января 1918 г. 1-го съезда деятелей торговли и промышленности Енисейской губернии, на котором планировалось создание постоянного представительного органа в лице совета съездов представителей промышленности и торговли Енисейского края². 21 января 1918 г. губернский ИК был арестован весь состав военно-промышленного комитета³. В Канском уезде в марте 1918 г. уездный совет признав, что неоднократное отрицание учителями советской власти «ни коим образом терпимо быть не может», постановил не уплачивать жалования учителям, не признающим советскую власть⁴.

Согласно декрету СНК от 28 ноября 1917 г. партия Народной свободы объявлялась вне закона, ее активисты подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. Однако в Енисейской губернии на начальном этапе организации кадетов продолжали существовать легально и открыто критиковали политику большевиков на страницах своих периодических изданий. Так, кадеты осудили действия красноярских большевиков по подавлению юнкерского восстания против советской власти

¹ Красноярский совет. С. 401.

² Славное сорокалетие. Из истории Красноярской партийной организации 1917–1957 гг. Красноярск, 1957. С. 144; ГАКК. Ф. 904. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

³ Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 30 января.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1775. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

в Иркутске в декабре 1917 г.¹ Большевики закрыли издания кадетов и народных социалистов только в марте–апреле 1918 г.

Более жесткую политику большевики проводили в отношении эсеров. 20 января по обвинению в подготовке мятежа Красноярского казачьего дивизиона во главе с А. А. Сотниковым были арестованы 14 красноярских эсеров. Клуб партии был закрыт. Среди арестованных оказались активные партийные работники: И. В. Казанцев, Б. Ф. Тарасов, С. И. Либман, А. Ф. Сергеев, Г. Я. Ревич, А. Ф. Кусков, П. И. Накрохин. Действия большевиков серьезно подорвали работу красноярской группы ПСР. По этой причине объединенное заседание Енисейского губернского и Красноярского городского комитетов партии 21 января 1918 г., констатируя, что в условиях «дикого насилия» красноярская организация не может вести в полном объеме легальную работу, посчитало целесообразным временно прекратить проведение партийных собраний. При этом губернский комитет партии продолжал функционировать. Суд, назначенный на 26 февраля 1918 г., не состоялся, так как незадолго до заседания застрелился председатель революционного трибунала Королев. Причиной самоубийства эсеры считали несогласие председателя с навязываемым ИК приговором. Под влиянием аудитории, собравшейся на судебное заседание, эсеры были отпущены². Но уже на следующий день пятеро из отпущенных вновь оказались арестованы. Часть эсеров была вынуждена на некоторое время перейти на нелегальное положение. Деятельность красноярской группы ПСР была возобновлена в марте 1918 г.³

Активная критика анархистами организационных форм и первых мероприятий советской власти с радикально-левых позиций заставила большевиков отмежеваться от бывших союзников и искать пути и средства к их нейтрализации. Как верно отмечалось в газете «Дело рабочего», «когда большевики увидели, что аппетиты анархистов грозят уже и их собственному благополучию, они со свойственной им решительностью приняли меры обуздания»⁴.

¹ Свободная Сибирь (Красноярск). 1917. 29 декабря.

² Знамя труда (Красноярск). 1918. 3 марта.

³ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 10. Д. 96. Л. 5; Знамя труда (Красноярск). 1918. 28 января.

⁴ Дело рабочего (Красноярск). 1918. 30 июня.

27 декабря по постановлению ИК Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов лидер красноярских анархистов В. К. Каминский был арестован и обвинен в мародерстве во время своего участия в подавлении антисоветского юнкерского восстания в Иркутске. Красноярская гимназистка Екатерина Гайдукovich записала в своем дневнике: «Как это!?! Не могу... Не хочу верить! Каминский – проповедник высоких идей анархизма... и Каминский – грабитель! Вор! Нет – не верится!»¹ В тюрьме Каминский В. К. пробыл до 2 февраля 1918 года, после чего был освобожден «на поруки» по настоянию московской федерации анархистов, красноярской и иркутской анархических групп.

Однако осудить Каминского не удалось. В марте 1918 г. на заседании революционного трибунала Красноярска все свидетели отвергли обвинение анархиста в мародерстве и говорили о недоумении. В итоге трибунал не принял никакого решения из-за недостаточности доказательств. Дело было отправлено на дальнейшее². Апрельское заседание трибунала оправдало анархиста. В мае 1918 г. Каминский был вновь арестован большевиками, теперь уже по обвинению в соучастии в ограблении поезда Ачинск–Минусинск³. Однако суда большевики провести не успели.

В апреле 1918 г. Минусинский совет сформировал чрезвычайную следственную комиссию для выявления сторонников Сотникова и наложения контрибуции на состоятельных казаков. «Следствие» выявило «контрреволюционную» сеть во главе со священником Владимиром Кузьминым в Минусинске и его отцом Иваном в Таштыпе⁴. По постановлению V чрезвычайного крестьянского съезда была закрыта возглавляемая В. Кузьминым газета «Свобода и труд», «как клеветущая все время на рабочих и крестьян»⁵.

Весной 1918 г. началось формирование непосредственно репрессивного аппарата советской власти в Енисейской губернии. 25 мая при губернском ИК для борьбы с контрреволюцией, са-

¹ Дементьев А. П., Елисеенко А. Г., Мармышев А. В., Новиков П. А., 1917. Гроза над Енисеем: Русская революция в Енисейской губернии. Красноярск, 2017. С. 163.

² Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1917. 31 марта.

³ ГАКК. Ф. Р-1763. Оп. 1. Д. 62. Л. 138.

⁴ Гидлевский К. И., Сафьянов М. Г., Трегубенков К. Е. Минусинская коммуна. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.-Л., 1934. С. 131–132.

⁵ Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1917. 21 марта.

ботажем и спекуляцией была создана губернская чрезвычайная комиссия во главе с Г. Пекажем¹. В начале июня 1918 г. комиссия обращалась «К товарищам и гражданам» через газету «Красноярский рабочий» с просьбой помочь в борьбе со спекулянтами, взяточниками, контрреволюционерами и саботажниками «в форме словесных или письменных заявлений по обнаружению товаров и спекулянтов, взяточников, а также о всяких контрреволюционных замыслах против Советской Федеративной Республики»². Но активную деятельность ЧК развернуть не успела.

Тем не менее, репрессии советской власти по отношению к политическим оппонентам усилились в преддверии гражданской войны в мае – июне 1918 г. Газета «Наше слово» сообщала, что в ночь на 1 мая в клуб партии эсеров ворвался отряд красногвардейцев и произвел обыски. Были отобраны приготовленные для демонстрации флаги с надписями: «Долой Брестский мир!», «Да здравствует Учредительное собрание!». Как позднее отмечали сами эсеры, в Ачинске «работы какой-либо вести не приходилось, чему способствовала система террора со стороны большевиков, благодаря которой многим приходилось уезжать, скрываться»³. В Енисейске после беспорядков в начале мая 1918 г. ИК Енисейского совета запретил любые собрания и митинги⁴.

После отказа признать советскую власть, силами Красной гвардии 30 мая был разогнан 3-й Ачинский уездный съезд учителей⁵. Часть делегатов – 14 человек были арестованы и отправлены рыть окопы на фронт против чехословаков. Постановлением ИК Ачинского совета все учителя были уволены с 1 июня 1918 г.⁶

В начале июня 1918 г. постановлением губернского ИК была закрыта меньшевистская газета «Дело рабочего». В своей новой газете «Рабочее дело» меньшевики сообщали, что их красноярская организация подверглась полному разгрому, сопровождавшемуся обысками, облавами и арестами членов группы. Помещение, в котором находилось бюро организации, было

¹ Красноярский совет. С. 469.

² Красноярский рабочий (Красноярск). 1918. 4 июня.

³ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 10. Д. 96. Л. 12; Знамя труда (Красноярск). 1918. 5 августа.

⁴ Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1918. 23 мая.

⁵ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г). Томск, 1991. С. 182.

⁶ Съезды, конференции и совещания...С. 182.

опечатано¹. В Ачинске советская власть закрыла профсоюз торгово-промышленных служащих. Право на организацию нового союза было дано служащим, признавшим новую власть². 10 июня 1918 г. во время митинга служащих и рабочих на одной из станций Томской железной дороги большевики угрожали не желающим записываться в Красную Армию рабочим увольнением, «а остальных взять на заметку и постепенно уволить и выселить из казенных квартир, а потом судить военно-революционным судом, как контрреволюционеров»³.

Если в конце 1917 г. радикализм рядовых активистов проявлялся в избиениях оппонентов, то летом 1918 г. уже имели место факты физической расправы. В июне 1918 г. вблизи села Тасеево красногвардейцами были зверски убиты эсеры П. М. Портяников и М. И. Балада. Анархист В. К. Каминский в своих показаниях, записанных органами ЧК в 1920 г., указывал на факты внесудебных расправ красноярскими красногвардейцами⁴.

Наглядным свидетельством постепенного ограничения демократических свобод при большевиках являются данные о количестве проведенных в губернии с ноября 1917 по май 1918 г. съездов, конференций и совещаний социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций. Так, если за март – октябрь 1917 г. в губернии состоялось 95 различного рода форумов, то с ноября 1917 г. по май 1918 г. – всего 33⁵.

Таким образом, репрессивная политика «первой советской власти» в Енисейской губернии прошла в своем развитии ряд этапов. В ноябре 1917 – апреле 1918 гг. советы не применяли тотальных репрессий за убеждения и оппозиционно-партийную принадлежность. Преследования осуществлялись за конкретные антисоветские действия: забастовки, публикацию воззваний, протесты. Применялись такие формы давления на политических оппонентов, как закрытие печатных изданий, арест активистов, увольнения с официальных должностей, угрозы тюремным заключением. В мае – июне 1918 г. большевики стали проявлять большую политическую жестокость: были закрыты клубы эсеров и меньшевиков, усилились аресты активистов, ле-

¹ Рабочее дело (Красноярск). 1918. 17 июня.

² Указ. изд. 1918. 17 июня.

³ ГАРФ. Ф. Р-149. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

⁴ Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 7. П-23021. Л. 2.

⁵ Съезды, конференции и совещания... С. 4.

гальная работа оппозиционных общественных организаций стала невозможной. Приемы физического воздействия на оппонентов официально не декларировались, но применялись рядовыми активистами. Тем не менее, усиление репрессивной политики в начале лета 1918 г. уже не могло переломить ситуацию в пользу советов; в результате выступления чехословацкого корпуса советская власть оказалась свергнута.

УДК 947.084.3(571.53)

Петрушин Ю. А., Иркутск

**Между белым и красным террором:
Куйтунское сельское общество в годы гражданской войны**

Аннотация. В статье анализируются события гражданской войны в Восточной Сибири на примере Куйтунского сельского общества Иркутской губернии, которое включало в 1917–1921 гг. около 40 деревень и сел. Автор исследует особенности формирования органов Советской власти, отношение крестьян к политике «военного коммунизма» и продовольственной разверстке, рассказывает о партизанском движении, приводит примеры белого и красного террора.

Ключевые слова: революционные события в 1917 г., гражданская война, партизанское движение в Иркутской губернии, налоговая политика Советской власти, Куйтунская волость.

Petrushin Yu. A., Irkutsk

**Between white and red terror:
Kuitun Rural Society during the Civil War**

Summary. The article analyses the events of the civil war in Eastern Siberia on the example of the Kuitun Rural Society of the Irkutsk Province, which included about 40 villages and villages in 1917–1921. The author explores the peculiarities of the formation of the bodies of Soviet power, the attitude of peasants towards the

policy of «military communism» and food deployment, tells about the guerrilla movement, gives examples of white and red terror.

Key words: revolutionary events in 1917, civil war, guerrilla movement in the Irkutsk province, tax policy of the Soviet power, Kuitun parish.

В начале марта 1917 г. в Приангарье стало известно о Февральской революции в Петрограде. Вскоре по Куйтуну поползли слухи о свержении царя. Здесь состоялась большая для волостного села демонстрация. В ней участвовало около 500 человек. Выступавшие на митинге волостные чиновники, купцы говорили о свержении самодержавия, приветствовали новое Временное правительство. Многие были непонятны. Крестьяне с опаской ждали перемен, надеялись на замирение с «германцами». Им хотелось мирной, спокойной, трудовой жизни. В такой обстановке прошёл весенний сев, подступала уборочная пора. Где-где в соседних деревнях с войны возвращались фронтовики, приносящие совсем непонятные вести. Ясно было только одно – власть не контролировала ситуацию. Однако Сибирь – далекая сторона, забота о хлебе насущном перебивала все. В трудах и заботах подошла осень, сельчане убрали урожай. С ноября 1917 г. события завертели как мельничное колесо.

Победа Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде положила начало слома старой и установления новой, Советской власти. В ноябре 1917 г. власть к Совету перешла в уездном городе Нижнеудинске, а в январе 1918 г. здесь состоялся уездный съезд Советов. Большевики приступили к организации Советов в волостях и селах Нижнеудинского уезда. После съезда делегаты отправились на места и развернули работу по организации низовых Советов, в том числе в Куйтунской волости. Весной 1918 г. в Куйтуне был создан волостной Совет. Он взял на себя роль организации Советской власти в деревнях.

Сельские Советы создавались обычно на крестьянских сходах и ориентировались на их решения. Сельские Советы были созданы в селах Чеботарихе, Тулюшке, Ан-Станице. Местные советы начали работу по пересмотру налоговой политики, решению других неотложных вопросов. Однако вспыхнувший в мае 1918 г. белочешский мятеж прервал этот новый этап. Сотни деревень Сибири оказались вовлечены в водоворот событий гражданской

войны. Летом 1918 г. местные советы были разогнаны, к власти пришло антибольшевистское Временное Сибирское правительство, образованное 30 июня 1918 г. в Омске. Оно взяло курс на восстановление старых порядков. Власть на местах передавалась земствам. Деревня притихла, ожидая самых неприятных событий. 18 ноября 1918 г. в результате переворота власть получил А. Колчак, объявленный Верховным правителем.

Главной целью он объявил создание боеспособной армии, победу над большевиками. Опорой режима стало офицерство, буржуазия, чиновничество и зажиточное крестьянство. Новая администрация начала проводить мобилизацию в белую армию, была объявлена новая система налогообложения. Однако крестьяне не спешили платить продуктовый налог новой власти. В «Земском журнале» за 1919 г. мы можем прочитать информацию, что крестьяне Куйтунской волости всячески уклонялись от раскладки продовольственного налога и его сдачи. «Казачьи станицы отказываются платить земские налоги. Плохо работают сельские старосты в Тагане, Харгажине»¹.

В это время в Куйтунской волости стали формироваться небольшие подпольные организации под руководством большевиков и бывших работников советов, организовывающих сопротивление против колчаковской власти. По решению Тулинской партийной группы, которую возглавлял Михаил Иванов, начал формироваться партизанский отряд, действовавший в районе деревень Кундуй, Амур, Таган.

Небольшой отряд возглавил коммунист Д. Е. Щипцов, входивший еще в 1918 г. в первый Ан-Станичный совет. Он проявил большую активность по организации отряда, ездил для установления связей в город Нижнеудинск, агитировал вступать в отряд сельчан Амура, Харгажина, Каранца, Каразея, Кундуя, Тагана. Так в отряд попали местные крестьяне А. И. Лобанов, С. А. Власов, Т. Остапенко, Степан и Григорий Смоляк. Из Кундуя в отряд вошли Х. Т. Шевелев, П. С. Подъячих, Г. В. Петрушин, А. П. Блинов, Г. Я. Карасев².

Штаб отряда располагался в глухом, таежном участке Таган. Сюда трудно было добраться колчаковцам. Партизаны были плохо вооружены. Они нападали на небольшие группы

¹ Земский журнал. 1919. № 10.

² ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 422. Л. 39.

колчаковских фуражиров, проводили мелкие диверсии на железной дороге (спиливали телеграфные столбы). С ноября 1919 г. под ударами Красной Армии колчаковцы стали откатываться на восток. Партизаны активизировали свои действия, оказывая посильную помощь Красной Армии. В это время жители деревень спешно угоняли скот и лошадей на дальние заимки, прятали продовольствие и имущество. По воспоминаниям старожилов, отступающие колчаковцы проходили через Каразей, Чеботариху, Кундуй под Рождество (начало января 1920 г.). В основном это были каппелевцы. Они отбирали коней, зерно, продовольствие, мобилизовали крестьян с подводами. Особенно запомнились сельчанам беспокойные дни, когда колчаковские части останавливались на постой. Солдаты были деморализованы, многие обморожены, больны сыпным тифом. Группами они вваливались в тесные избы на постой, требовали еды, самогона. Многие из них ночевали во дворах у костров. Крестьяне немало натерпелись страха, ожидая, когда эта вооруженная волна пройдет дальше на восток. Жительница деревни Кундуй И. П. Михайлова вспоминала: «Белые шли в гражданскую. Девки-то молодые прятались по подполам. Колчак мужиков забирал. Белые зимой мертвых людей навозили целую кучу. Едут по деревне, свезут на кладбище. Белые лошадь свою оставляли, а взамен хорошего коня брали»¹. В архивных документах нам встретилась «Сводка о причиненных убытках крестьянскому хозяйству и населению Куйтунской волости в период колчаковщины 1918–1920-х гг.», составленная на основании актов комиссий по обследованию волостей Тулуновского уезда. В ней отмечалось, что в период колчаковщины из Куйтунской волости было уведено 360 лошадей, 587 коров, 691 голова мелкого скота. Изъято 507 пудов фуража, 325 пудов мяса и рыбы, 570 пудов хлеба, 60 пудов жира. Много взято сбруи, упряжи. Не найдено у жителей валюты, ценностей, серебра. Сожжено пять хозяйств. Убыток по Куйтунской волости нанесен общей стоимостью 211 483 золотых рубля. Но самое главное: порото 384 человека, расстреляно четверо². Эти данные по волости опровергают утверждение некоторых историков о благонамеренности Колчака и его воинства в отношении мирного населения Сибири.

¹ Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 194.

² ГАНИИО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 166. Л. 11.

Во время отступления колчаковцев в Куйтуне был организован совет содействия. В него вошли Г. Галичин, Д. Щипцов, И. Куклин, И. Антипин, С. Неудачин. Совет пытался объединить мелкие партизанские отряды, готовился к приходу Красной Армии, кое-где была разогнана колчаковская администрация. Когда белые вошли в Куйтун, совет не успел уйти. Некоторые активисты были схвачены и расстреляны¹. В Куйтуне колчаковцы и белочехи задержались на несколько дней. В это время крестьяне впервые увидели аэроплан, участвующий в боевых действиях. 7 февраля 1920 г. на станции Куйтун было подписано соглашение между командованием 5-й Армии и белочехами о прекращении боевых действий. По условиям соглашения чехи обязывались соблюдать нейтралитет, не поддерживать колчаковцев, не взрывать железнодорожные пути и водокачки. Оставив Колчака и его части на произвол судьбы, чехи тем самым смогли беспрепятственно проследовать по железной дороге за Байкал, а затем через Владивосток вернуться на родину². Красная Армия при поддержке партизан продолжала громить колчаковцев, освободив в конце зимы 1920 г. Куйтунскую волость. Не случайно в эти дни родились Куйтунские партизанские частушки, которые напевали и в наших деревнях:

*«Изорвало бурей снасти –
Нет верховной больше власти.
Адмирал Колчак скулит,
Чемодан сбирать велит.*

*Ты не плачь, моя сестренка,
Не грусти, родная мать.
Разобью белогвардейцев
И приду домой опять»³.*

Весной 1920 г. в Куйтунской волости началось восстановление Советской власти, вступали в силу ее законы. Главным для крестьян оставался земельный вопрос. Согласно Декрету о

¹ ГАИО. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 422. Л. 39.

² Куйтунское соглашение. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 317. См. также: Петрушин Ю. А. Путь к перемирию // По Ленинскому пути. 1990. 20 февр.

³ Фольклор Восточной Сибири. Иркутск, 1938. С. 32.

земле, частная собственность на землю отменялась. Но это не влияло на наделы сельчан. В Сибири земля не являлась частной собственностью и до революции. Крестьяне Сибири меньше выиграли от революции. В аграрном вопросе изменений было мало. Деревне предстояло преодолеть упадок и разруху сельского хозяйства, нанесенные сначала четырехлетней мировой, а потом трехлетней гражданской войнами, бандитизмом.

Новым веянием стала организация коммун. Исходя из «Основного закона о социализации земли», принятого Советской властью еще 27 января 1918 г., была предусмотрена поддержка государством коллективных форм хозяйствования. Так, в марте 1918 г. возникла первая в Приангарье сельскохозяйственная коммуна им. В. И. Ленина в селе Тыреть. Гражданская война затормозила этот процесс. После ее окончания Советская власть вновь возвращается к идее создать новые коллективные объединения с целью продемонстрировать единоличникам преимуществ нового вида социалистического хозяйствования.

25 ноября 1920 г. в участке Каранцай была организована первая в Куйтунской волости коммуна «Сила». В числе ее первых организаторов и членов были П. К. Усов, С. Борисенко, И. М. Владимирова, Ф. Чалый, А. Н. Зарубин, Г. Д. Галичин, Н. К. Ступин, Л. Р. Усов и др. В начале в ее составе насчитывалось до 70 работающих членов. Уездный земотдел отвел коммуне земли малозаселенных участков Сперанского и Муравьева-Амурского (Амур), и работа закипела¹.

Ухоженная земля на первых порах платила коммунарам хорошим урожаем, сбываемым через потребительскую кооперацию. Однако постепенно в коммуне нарастали проблемы. Ограниченная материальная и агрономическая помощь государства, уравнительное распределение доходов на фоне укрепления единоличных крестьянских хозяйств в волости, связанной с благоприятной рыночной политикой в условиях НЭП, подрывало интерес коммунаров к неэквивалентному распределению доходов по труду. Не помогали даже переход к сдельщине, повышение трудовой дисциплины и активная агитационно-массовая работа местной партячейки и ее коммунистов при поддержке райкома партии. Власть списывала долги с коммуны, закрывала глаза на то, что на торгах коммуна приобретала вместо коров и лоша-

¹ По Ленинскому пути. 1991. 18, 24 мая.

дей зеркала и граммофоны. Как это было похоже на сюжет из «Поднятой целины» М. Шолохова, где коммунар Менок купил для сельхозартели мотоцикл.

В двух десятках верст от «Силы», в селении Еланское, была создана в 1925 г. коммуна «Красный Октябрь». К 1929 г. здесь уравниловка уступила место сдельщине, и дела пошли лучше. Расценки труда были для коммунаров более приемлемыми. Например, уход за дойной коровой стоил 2,5 копейки в день, плюс 10 % с пуда надоенного молока. Уход за птицами оценивался с яйценоскости: 25 копеек за получение 150 яиц, плюс 5 % добавочной стоимости. Покупательная способность денег в ту пору, после проведения денежной реформы 1924 г., была твердой и высокой.

При активной поддержке Советской власти коммунары старались своим примером показать преимущества ведения коллективного хозяйства. Но успехи жизни и деятельности коммун были более чем скромные. Крестьяне в округе не спешили следовать их примеру, восстанавливая свои единоличные хозяйства, изрядно пошатнувшиеся в период лихолетья. В официальном докладе по хозяйственному и политическому обследованию Куйтунского района, представленному в 1925 г. специальной комиссией в Тулунский Уком РКП(б), было сказано, что население смотрит на эти коммуны как на захватчиков пашни, хотя некоторые крестьяне им сочувствуют¹.

О критичном настроении к коммуне свидетельствует и факт выхода из нее даже коммунистов. Об этом стало известно местным партийным органам. Реакцией на эти события стала докладная записка уполномоченного губернской контрольной комиссии Луконина на выход из коммуны члена партии Семенича от 18 мая 1926 г. Уполномоченный писал, что коммунист-коммунар не изменил взгляды на частную собственность, пренебрежительно относился к рядовым членам коммуны, называя их голытьбой, которая вошла в коллектив без своего хозяйства и жила за чужой счет. Во время общей работы этот коммунар демонстративно садился за чтение книг, выражал недоверие строительству новой власти, требовал роспуска коммуны. Вывод уполномоченного был очевидным: исключить такого

¹ ГАНИИО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 188. Л. 19.

коммуниста из партии¹. В конечном итоге постепенно нарастал процесс выхода из коммун рядовых членов, и ее судьба была предрешена. В период коллективизации остатки коммун влились в колхозы и совхозы. В 1931 г. коммуна «Сила» вошла в колхоз «Искра Труда», потом сельхозартель «Восход», коммуна «Красный Октябрь» в 1929 г. стала седьмым отделением совхоза «Иркутский».

С 1920 г. проводилась раскладка продразверстки (ее называли нарядом) на деревни. В Куйтунской волости за это отвечал агент 30-й дивизии особой продовольственной комиссии по фамилии Зенков. Летом 1920 г. предстояло пополнить 30-ю стрелковую дивизию 5-й Армии личным составом (в ней был некомплект). К тому подталкивала непростая внешнеполитическая ситуация. Белые еще удерживали «Читинскую пробку», 6 мая 1920 г. поляки захватили Киев. Из сибирских войсковых частей на польский и врангелевский фронт были отправлены новые команды и добровольцы. В Сибири началась мобилизация молодежи 1899–1900 гг. рождения. Призывников нужно было обмундировать, а главное, кормить. Отсюда проистекала активная деятельность власти при заготовке продовольствия методами «военного коммунизма»².

При разверстке продовольственные задания назначались сверху по схеме губерния – уезд – волость – сельское общество – отдельные домохозяева. Сельские общества несли коллективную ответственность за выполнение продовольственных заданий (круговая порука). В Государственном архиве Иркутской области сохранились документы о выполнении продразверстки весной и летом 1920 г. в нашей волости. Участок Кундуй фигурирует как два сельских общества: Бобровка и Лобка. Им следовало сдать 200 пудов овса, 50 пудов сена, 200 пудов ржи, 20 пудов масла и столько же мяса. Это притом, что деревня пережила столько пертурбаций, в ней осталось только 150 голов скота. Селу Чеботариха следовало сдать 200 пудов овса, 200 пудов ржи, по 25 пудов сала и мяса. Тулинскому обществу требовалось собрать по разверстке по 200 пудов овса и ржи, по 83 пуда мяса и сала. Для Куйтуна норма сдачи была выше.

¹ ГАНИИО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 236. Л. 1.

² Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 262–263.

Следовало сдать 700 пудов овса, 300 – сена, 400 пудов ржи, 181 пуд масла. В списке обществ, облагаемых продразверсткой, значились казачьи станицы, Таган¹.

Советская власть освободила от сдачи масла только много-семейных крестьян. Продразверстка проводилась под сильным нажимом, но не была выполнена. Всего по Куйтунской волости требовалось сдать 2800 пудов мяса, а было собрано 1068; овса предполагалось собрать 8000 пудов, было собрано 4340 пудов, ржи было сдано 3670 при плане 8000 пудов. По плану с волости даже предполагалось собрать 200 гусей и уток. Это задание не было выполнено вообще².

Продразверстка вызвала недовольство крестьян. Они не понимали, почему должны безвозмездно отдавать хлеб и продовольствие, полученные тяжелым трудом, хотели свободно торговать хлебом. Скоро возмущение продразверсткой переросло в недовольство властью. 3 октября 1920 г. сход в селе Барлук отказался выполнить разверстку. В ответ уездный военком арестовал пятерых зачинщиков и их имущество. В дальнейшем сходы для обсуждения разверстки были запрещены и разгонялись³.

Кроме недовольства продразверсткой крестьяне выступали против мобилизации в армию, давления на выборах в Советы. Чрезвычайные меры большевистской власти вызвали в Иркутской губернии, в том числе Куйтунской волости, активные методы сопротивления. Здесь не было крестьянских восстаний, но активизировались вооруженные выступления бандитских формирований, которые именовали себя повстанцами. Руководили примерно 50 такими повстанцами в районе Зимы, казачьих станиц, Тулюшки уроженец села Кимильтей вахмистр (по другим данным хорунжий) И. Г. Сенотрусов и офицер Ягнышев⁴. В состав входили кулаки, зажиточные казаки, уголовные элементы. Банда передвигалась по территории района на лошадях. От рук бандитов погиб милиционер из с. Чеботарихи С. И. Грибачев. Его изрубили пашками на части и бросили в урочище между селами Тулюшка и Чеботариха. Только осенью, во время убор-

¹ ГАИО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 172. Л. 9–11.

² Там же.

³ Там же. Д. 200. Л. 267.

⁴ Там же. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 200. Л. 271.

ки урожая, на тело наткнулись жители (кисть руки принесла собака) и похоронили милиционера, зверски погибшего от рук бандитов. Впоследствии его именем была названа пионерская дружина Чеботарихинской школы, в ограде которой был установлен скромный деревянный памятник С. И. Грибачеву. Мученическую смерть от повстанцев принял председатель станичного Совета Воронков. Его тело привязали к лошади и несколько верст волокли к станице. На родине ему также установлен памятник. В декабре 1921 г. вдова Воронкова обратилась в местную партийную ячейку с просьбой помочь вывезти хлеб с поля. Коммунисты и комсомольцы решили по этому случаю организовать воскресник и помочь бедной вдове.

В 1920 г. в деревне Большой Кошелак был замучен секретарь местной партийной ячейки Зверев. Бандиты зажгли его на костре. В 1929 г. здешний колхоз получил название «Имени Зверева»¹. У местного населения до сих пор сохранилась память об этих людях, принявших мученическую смерть за новую жизнь.

Повстанцы убивали рядовых коммунистов, сопровождая убийство грабежом. В архиве сохранилось заявление в Таганскую коммунистическую ячейку от жителя деревни Таган, бывшего партизана Никифора Осиповича Близнеца от 11 октября 1921 г. «Товарищи защитники РСФСР и РКП(б), – писал он. – Ставлю вас в известность, что мой сын, Иван Близнец, состоявший в Таганской комячейке, был убит белобандитами 8 октября 1921 г. С него взята новая большая шуба, лошадь – мерин, серый, 9 лет, с седлом и единственная моя корова. Так что я теперь совсем обнищал и не могу поправить своего положения. Мое состояние и имущественное, и физическое совершенно в плохом положении. А посему не найдете ли возможность уделить мне потерянное имущество из конфискованных вещей у бандитов-злодеев, идущих против Советской власти. Буду ждать товарищеского уведомления. Никифор Близнец, неграмотный. Заявление по моей просьбе писал Назар Гаранин». Просьбу заверил председатель местной коммунистической ячейки И. Разум. Далее заявление попало начальнику губернской милиции, который 8 ноября 1921 г. направил его командиру летучего отряда 442-го стрелкового полка т. Павлову о принятии мер².

¹ ГАНИИО. Ф. 270. Оп. 3. Д. 136. Л. 2; Коммунар. 1938. 7 нояб.

² Там же. Д. 142. Л. 2.

Отряд особого назначения (ЧОН) контролировал железную дорогу и прилегающие к Ангаре районы. Милиция в ту пору не могла обеспечить стабильность общественного порядка. В ее штате наблюдался некомплект. Охотников служить в милиции находилось мало, дело рискованное. В милиции не хватало обмундирования, недостаточным было пайковое обеспечение. Партийные ячейки нашего района повсеместно обращались с просьбой к начальнику милиции и получали для защиты от бандитов оружие и боеприпасы. Кое-где коммунисты партийных ячеек вели перестрелку с бандитами. В деревнях нашей волости везде «гуляло» оружие, патроны. Об этом говорят архивные документы. Поэтому население положительно отнеслось к прибытию отряда ЧОН под командованием Павлова (примерно 200 штыков) для наведения элементарного порядка и установления твердой власти. Отряд приступил к ликвидации банды Сенотрусова, окружив ее между переселенческими участками Амур и Каранцай, и в основном уничтожил. Остатки банды рассеялись и изредка нападали на торговые лавки и даже обстреляли Куйтунский райком партии. По информации Тулунского уездного отдела ГПУ, остатки банды Сенотрусова в количестве четырех человек были замечены даже в 1925 г. в окрестностях 3-й станицы, а затем ушли в район Братского тракта. Событие разгрома банды сохранилось в памяти местных жителей как бой у «Красного озера». Сожалений по поводу уничтожения бандитов в народе не было. В 1950–1960-е гг. об этом событии помещала публикации краеведов местная районная газета «По ленинскому пути». А жители близлежащих деревень отмечали обилие ягоды брусники у «Красного озера».

Наряду с «белым» повсеместно проявлялся «красный» бандитизм. Это признавали и представители Советской власти. В первой половине 1920-х гг. Куйтунский райком партии регулярно собирал и обобщал политико-информационные сводки с мест о белом и красном бандитизме, о настроениях крестьянства. Отряд ЧОН под командованием Павлова также нарушал права населения, за что его командир был арестован и отдан под суд. В некоторых партийных ячейках по этому поводу состоялись собрания, на которых местные коммунисты просили вышестоящие партийные органы смягчить наказание этому командиру. По их мнению, он «много сделал для защиты населе-

ния от белобандитов»¹. Дело было еще и в том, что некоторые жители Тулинской волости села Каразей (А. Викулов, И. Бурчак, И. Ежиков) входили в состав отряда Павлова и участвовали в борьбе против банды Сенотрусова в районе казачьих станиц осенью 1921 г. Не случайно коммунисты партийной ячейки с. Каразей выступали в защиту Павлова².

В феврале 1922 г. Тулинский волостной исполнительный комитет РКП(б) затребовал с мест списки участников борьбы с колчаковцами и каппелевцами в 1919–1920 гг. В списке Таганской комячейки, заверенном ее секретарем, содержалось 16 фамилий участников борьбы против колчаковцев с февраля 1919-го по февраль 1920 г. на территории Куйтунской волости. В партизанской дружине, организованной Д. Е. Щипцовым, состояли: Н. Гаранин (помощник командира), И. Хозум (командир отделения), З. Юшкин, Ф. Близнец, Г. Смоляк (разведчики). В числе стрелков числились Е. Астапенко, С. Близнец, А. Шашков, Я. Кондратьев и другие³. В списке Каразейской комячейки, заверенном секретарем Зенцовым, значилось семь партизан. В их числе в отряде Н. Бурлова, воевавшего против колчаковцев в 1919–1920 гг., значились Ф. З. Кугук, М. П. Щикалков (Тасеевский фронт). А. И. Буяков, М. М. Литвинов, участвовали в боях на реке Бирюса в составе партизанского отряда Щетинкина⁴. Например, в с. Хаихта числилось восемь бывших партизан. К началу 1930-х гг. власти имели более полную информацию о партизанском движении на территории Куйтунского района в 1919–1920 гг. Так, в сводке о политическом и экономическом положении района за 1930–1931 гг. говорилось, что белобандитское движение в прошлом отмечалось в селах: Тулюшка, Ан-Станица, 3-я Станица, Барлук, Красный Яр, Усть-Када, Заваль. Партизанское движение затронуло Барлук, Уян, Таган, Усть-Каду, Или, Куйтун, Тобино, Хаихту. Всего в партизанском движении в Куйтунской волости по архивным данным участвовало 138 человек⁵.

Чрезвычайные меры изъятия продовольствия и сырья в Куйтунском районе продолжались до конца гражданской войны. 8

¹ ГАНИИО. Ф. 270. Оп. 3. Д. 138. Л. 3.

² Там же. Д. 52. Л. 3.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Ф. 243. Оп. 1. Д. 471. Л. 72.

ноября 1922 г. был опубликован в боевом порядке для населения приказ № 2 Тулунской уездной продовольственной тройки. В нем было сказано, что командарм 5-й Армии прислал телеграмму о катастрофическом положении конного состава армии по причине отсутствия фуража. В этой связи уездная продовольственная тройка приказывала: волостным исполкомам безоговорочно, не позднее семидневного срока выполнить поставки сена в счет единого налога. Тулинской волости – 17 000 пудов; Барлукской – 15 000 пудов; Куйтунской – 28 000 пудов. Сельсоветы должны были в боевом порядке разверстать задание и вывезти сено. Одновременно не останавливать сдачу хлеба по налогу. Оповестить граждан, что сено подлежит обязательной сдаче в счет единого натурального налога и никакими другими продуктами заменено быть не может. Только 5 пудов сена приравнивались к 1 пуду ржи. Неисполнение боевого задания и уклонение от него влекло ответственность по революционному закону республики. Концовка приказа была в духе времени. Помните, товарищи, что этот фронт еще не закончен! Категорически требуем энергичной работы!¹

Отпечатанный типографским способом приказ был разослан в волисполкомы и должен быть расклеен в людных местах. Местным властям ничего не оставалось, как приступить к его выполнению.

Подобная ситуация, как известно, наблюдалась повсеместно, и недовольство людей вылилось в вооруженные восстания 1921 г. (Кронштадт, Тамбов, Западная Сибирь). Советская власть вынуждена была менять курс. В начале февраля 1921 г. В. И. Ленин встречался с заведующим Сибземагделом В. Н. Соколовым и крестьянином из села Черемхово О. И. Черновым, приезжавшими в Москву с такими же предложениями. Все это способствовало принятию решения о переходе от «военного коммунизма» к новой экономической политике. В марте 1921 г. Сибревком первой в советской Сибири освободил Иркутскую губернию от продразверстки, заменив ее продналогом. Изменение налоговой политики привело к резкому снижению численности повстанцев, наступлению мирного состояния в сибирской деревне.

¹ ГАНИИО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 38. Л. 24, 38.

История интернирования и военного плена

УДК 947.073(571.53)

Ануфриев А. В., Козлов Д. В., Иркутск

Конфликты администрации и военнопленных в лагерях Восточной Сибири в 1914–1918 гг.

**(по материалам Российского военно-исторического архива
и Государственного архива Иркутской области)¹**

Аннотация. Статья посвящена анализу конфликтных ситуаций, возникавших в лагерях для военнопленных Восточной Сибири в годы Первой мировой войны. Авторы подробно рассматривают типичные причины конфликтов, подвергают критическому разбору действия сторон, приходят к выводу о том, что, несмотря на отдельные нарушения, имевшиеся со стороны администрации, основные права военнопленных последовательно и неукоснительно соблюдались.

Ключевые слова. Первая мировая война, лагеря для военнопленных, Восточная Сибирь, принудительный труд.

Anufriyev A. V., Kozlov D. V., Irkutsk

Administration and prisoner-of-war conflicts In the camps of Eastern Siberia in 1914–1918.

**(Based on the materials of the Russian Military-Historical Archive and
the State Archive of the Irkutsk Region)**

Summary. The article is devoted to the analysis of conflict situations that arose in the camps for prisoners of war of Eastern Siberia during the First World War. The authors examine in detail

ВЫПУСК 9 (211)

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда «За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 19-59-23007.

the typical causes of the conflicts, critically examine the actions of the parties, and conclude that, despite some violations by the Administration, the fundamental rights of prisoners of war have been consistently and strictly respected.

Keywords. World War I, prisoner of war camps, Eastern Siberia, forced labor.

Первая мировая война явилась в мировой истории событием огромной важности. Война длилась более 4 лет и вовлекла в конфликт 38 государств, где проживало свыше 1,5 млрд человек, в этом конфликте погибло около 10 млн человек, более 20 млн были ранены и контужены, либо попали в плен.

Власти воюющих государств впервые в истории столкнулись с феноменом массового плена, и данная проблема требовала своего решения. Эти события стали своего рода проверкой для международного и национального законодательства как о методах ведения войны в целом, так и статусе военнопленных в частности.

Исследователь Н. В. Греков в своей работе отмечает, что крайне ограниченный жилой фонд Восточной Сибири не мог вместить всех прибывающих. Военные нашли очень простой выход из создавшегося положения: попросту обязали городские власти любыми путями изыскать жилье для прибывающих пленных. Постоянно прибывавшие эшелоны с военнопленными сводили к нулю все ухищрения местных властей: казарм для пленных не хватало¹.

Выход был один – строительство концентрационных лагерей для военнопленных. В среднем строительство одного лагеря обходилось казне в 250–270 тыс. руб. Лагерь, как правило, состоял из 20–25 крупных жилых бараков, в которых размещалось от 10 до 15 тыс. пленных. На один барак приходилось обычно 500 пленных нижних чинов².

Необходимо оговориться, что проблема, обозначенная Грековым Н. В., была более характерна для Западной Сибири. На территории Иркутского военного округа – в гарнизонах Иркутска (Военный городок и ст. Иннокентьевская), Канска, Березов-

¹ Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917). Омск, 1996. С. 156–159.

² Вестник Омского городского общественного управления. 1915. № 2. С. 9.

ки, Нижнеудинска, Даурии, Антипихи – военнопленные были размещены только в казармах. Столкнувшись с недостатком помещений, в Чите, Сретенске, Нерчинске было принято решение о размещении пленных вне гарнизона. Так, в Чите под эти цели были приспособлены частные и общественные здания.

Вместе с тем проблема размещения военнопленных стояла более остро в Западной Сибири, на территории Омского военного округа, ибо он считался тыловым и строевых частей там было крайне мало – и, соответственно, отсутствовал казарменный фонд. В Иркутском военном округе было стационарно размещено (на территории военных городков в казармах) минимум два армейских корпуса. При средней численности строевого стрелкового полка в 88 офицеров и военных чиновников и 4245 нижних чинов в полку и 44 офицера и 1399 нижних чинов в артиллерийской стрелковой бригаде и с учетом вспомогательных частей, это дает примерно 100 000 мест в казарменном фонде Иркутского округа.

Кроме этого свой казарменный фонд был и у казачьих полков и батарей Забайкальского казачьего войска. Даже если учесть, что часть казарменных помещений использовалась под размещение запасных частей и дружин ополчения, «окарауливающих» военнопленных, проблема размещения военнопленных Четверного союза не стояла столь остро и необходимости строительства полуземлянок не наблюдалось (кроме Красноярского лагеря)¹.

Стоит более подробно рассказать, что же представляли из себя гарнизоны, которые и стали основой для формирования «концентрационных лагерей военнопленных» (термин абсолютно юридически верный). Начнем с самого восточного лагеря – Сретенска, где военнопленные размещались в кирпичных казармах гарнизона 16 Сибирского стрелкового полка (хотя полк там находился временно); станция Даурия – кирпичные казармы 1 Аргунского казачьего полка с 1 конно-артиллерийской батареей ЗКВ; Троицкосавск – каменные казармы 20 Сибирского стрелкового полка; Чита и её окрестности (Антипиха и Песчанка) –

¹ Новиков П. А. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. С. 14.

каменные казармы двух стрелковых полков; Нижняя Березовка (под Верхнеудинском) – капитальные казармы для стрелковой бригады; Иркутск (а точнее Заиркутный военный городок) – деревянные бараки, построенные спешно в 1904–1905 гг., однако полностью отремонтированные перед войной, и одно каменное здание, где был развернут госпиталь для военнопленных; Нижнеудинск – бывшие казармы 8 Восточно-Сибирского горного дивизиона (построены в 1908 г.); Красноярск – военный городок стрелковой бригады; Ачинск – каменные казармы 29 Сибирского стрелкового полка (построены в 1908 г.); Канск – казармы стрелкового полка. Из первых лагерей выпадает только Нерчинск, но и там имелись казармы, принадлежащие ЗКВ.

Игра в карты австро-венгерских офицеров. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Следовательно, из всего нового казарменного фонда Иркутского военного округа под пленных не были отведены только капитальные казармы Сибирского стрелкового полка в Иркутске и казармы на ст. Оловянная.

В самом Иркутске в распоряжении гарнизона остались только Белые и Красные казармы, да так и недостроенный военный городок Иркутского военного училища и кадетского корпуса, который из-за недостатка строителей, достраивали китайцы и военнопленные. Лучшие помещения округа были отданы под военнопленных, а вновь созданные запасные части и учебные заведения были вынуждены арендовать помещения под казар-

мы у городов. Так, развернутая в Иркутске 2-ая школа прапорщиков была размещена в здании мужской губернской гимназии.

Оказавшись в изоляции, военнопленные всеми доступными средствами старались отстоять свои права, гарантированные международными правовыми актами, что зачастую и порождало конфликты.

Во многом конфликты провоцировались, как и администрацией лагерей, ставившей целью ужесточить режим содержания для предотвращения побегов, так и сообществом военнопленных, прежде всего, офицерами. Если в среде офицеров оказывался яркий лидер, начиналось настоящее противостояние. С апелляцией к Гаагской конвенции, письмами в международный Красный Крест и посольства нейтральных государств.

Так, в Заиркутном городке таким лидером стал майор Динер, подавший от своего имени и имени военнопленных за 1916–1917 гг. несколько десятков жалоб на режим содержания. Противостояние началось осенью 1916 г., когда военнопленные офицеры получили сокращенное на 50 % жалование. Реакция последовала незамедлительно – в жалобе военнопленные обер-лейтенант Ганс Штрук и капитан Генрих Лейзер отмечали, что «эта сумма недостаточна для жизни», а майор Динер охарактеризовал сокращение жалования, как «нахальный акт» нарушения Гаагской конвенции¹. Затем последовал конфликт, связанный с запрещением носить траур офицерам по случаю кончины императора Франца-Иосифа. Именно майор Динер стал застрельщиком разбирательства об исчезновении сахара из офицерской лавки – «уже неоднократно нас поучали, что предписания, изданные для русских императорских офицеров, действительны для нас. Ввиду того, что не можна предположить, чтобы русские офицеры уже более чем полгода оставались без сахара, просим ходатайствовать, чтобы и мы получали сахар в том же количестве и по той же цене, как и русские офицеры».

Динер стоял за жалобой о закрытии окон в офицерских бараках в 9 часов вечера, вместо 7 часов. Он требовал, как председатель комитета военнопленных, разрешения купания в реке Иркут. Именно он настаивал на проведении в 1916 г. рождественской елки для нижних чинов.

¹ РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 5–9.

Следует отметить, что большинство просьб удовлетворялось. Так, 24 ноября 1916 г. была отслужена панихида и установлен траур по императору Францу-Иосифу, 27 ноября 1916 г. – богослужение в честь восшествия на престол императора Карла, 14 января 1917 г. было разрешено богослужение и исполнение императорского гимна в честь дня рождения немецкого императора Вильгельма. В рождество 25 декабря 1916 г. было разрешено провести рождественскую елку для нижних чинов до 1 часу ночи за счет средств офицеров. Особенно активизировалась деятельность Динера после появления в лагере католического священника Дрекслея, который был переведен с Дальнего Востока, где «содержался долгое время под арестом по подозрению в шпионаже»¹.

Иннокентьевский концентрационный лагерь для военнопленных.
Иркутск. 1916. ИОКМ

Администрация лагеря болезненно реагировала на поток жалоб. Так, заведующий военнопленными городка, описывая сахарный конфликт, констатировал: «Я пришел к выводу, что их жалобы возникают на почве стремления под предлогом закупок

¹ РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 33, 48, 53; Д. 59. Л. 69.

продовольствия ходить в город, что для них в данный момент является недопустимым»¹.

На особом положении находились некомбатанты, особенно живущие вне лагеря. В реальности они могли вернуться на родину без особых затруднений, однако многие предпочли остаться и разделить со своими товарищами тяжелую участь плена. В лагерях оказалось немало военных врачей и военных священников, которые содержались с большими послаблениями режима. Так, в лагере Заиркутного городка, охраняемого 716-ой ополченческой дружиной, находился католический священник австро-венгерской армии Карл Дрексель. По мнению начальника дружины генерала Насонова, «человек ловкий и хитрый, он сумел завязать связи в Петрограде и добился своего освобождения из казарм» на поруки декану иркутского католического костела Казимиру Ваньковскому. По мнению коменданта лагеря, изложенного в письме на имя начальника Иркутского ГЖУ полковника Балабина, римско-католический священник К. Дрексель «имеет огромное влияние на пленных и оказывает крайне вредное влияние», а также контактирует с иностранными делегациями. По мнению командира дружины, именно он организовал побег 5 офицеров из лагеря 26 января 1916 г. и «распространяет слухи во вред России». ГЖУ приняло соответствующие меры: К. Дрексель был арестован, у него изъяли дневник, отложившийся в деле, который содержал конспект воспоминаний. Надо сказать, что это единственный документ подобного рода, выявленный на настоящий момент в фондах ГАИО. К сожалению, данный документ оказался малоинформативным: очевидно, опасаясь обыска, К. Дрексель обозначил только названия подразделов (на немецком), однако в деле отложился и его перевод на русском языке.

Рассмотрим этот дневник, который представляет коричневую ученическую тетрадь с записями на немецком языке. Каждый раздел коротко озаглавлен, итак разделы: «1. В плену. Раненый во враждебной стране. Путешествие в Сибирь... 2. В госпитале. Наши покойники. Судьба Отечества. Пятнистый тиф. Готовится побег. Русское начальство. В Никольском. Свыше 900 больных, попытка побега. Шкотово. 440 покойников. Попытка побега. 3. В Хабаровске. Попытка побега, в смиренном доме. Спасское,

¹ РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 50. Л. 54.

удачный побег, репрессии и угрозы. 4. Домашний обыск, тяжелое прощание, семь суток в арестантском вагоне... 5. Иркутск: месяцами под стражей, вероломные, отважнейшая попытка побега».

Исходя лишь из заголовков дневника, уже понятна позиция К. Дрекслея и еще более понятна позиция Иркутского ГЖУ по отношению к нему.

В переписке прослеживается, что именно Дрексель был главным распорядителем средств, поступавших в часть лагерей на Дальнем Востоке от делегаций Красного Креста. Стоит согласиться с тем недоверием, которое питал к Дрекселю начальник Иркутского ГЖУ Балабин, а также с его высказыванием о том, что именно Дрексель стоял за организацией побега военнопленных¹.

За антироссийскую пропаганду подвергались репрессиям и строевые офицеры. Так, из Красноярского лагеря предполагалось перевести в Заиркутный городок полковника Нотая и подполковника Седлачека, которые «вели будирующую по отношению к нашему военному начальству гарнизона политику и вызывали среди офицеров лагеря враждебное отношение к русским военным властям»².

Необходимо отметить, что отношения охраны и военнопленных были достаточно лояльными и случаи конфликтов, хотя и имели место, но были достаточно редки. Так, в феврале 1916 в г. Чите в результате конфликта между военнопленными Германом, Цвенгелем, Костером и конвоиром ратником ополчения Облогиным последний получил тяжёлое увечье, а военнопленные были осуждены³.

Иногда чины администрации проявляли прямое попустительство военнопленным. Так, в июле немецкий военнопленный повар Фросс в ответ на замечание сестры милосердия А. Казачихиной о грязи в столовой, ответил руганью, а после повторного замечания, побил сестру милосердия, при полном попустительстве русского военного врача Брема⁴.

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 13–15.

² РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 51. Л. 151, 151 об.

³ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 195.

⁴ Там же. Л. 268.

Всего по архивным данным выявлено лишь два случая конфликтов военнопленных с русским медицинским персоналом. Второй случай произошел в 1919 г. в ачинском гарнизоне для военнопленных и стал предметом расследования военного следователя. В 7 утра 31 марта 1919 г. в помещении хирургического отделения ачинского лазарета военнопленный Алоис Раушер ударил несколько раз мокрой грязной тряпкой медицинскую сестру Жигур. Военнопленный был арестован, помещен на гауптвахту и обвинён по ст. 251 Свода военных постановлений. Однако при подробном разборе выяснилось, что официальная картина конфликта была неполной и искаженной. Так, медицинская сестра Жигур являлась в реальности сестрой-хозяйкой и отвечала за порядок на кухне и прачечной и не имела права отдавать распоряжения военнопленным. Сделав замечание А. Раушеру, она опрокинула ведро с грязной водой и потребовала перемыть коридор. Дело было переквалифицировано на ст. 135 Устава о наказаниях, налагаемых мировым судьей, и передано местной судебной власти¹.

Пленные офицеры играют в лаун-теннис. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

Интересна для анализа книга записей арестованных солдат Сретенского гарнизона, где наряду с ратниками ополчения, есть

¹ ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 308. Л. 2–22.

сведения и о военнопленных Сретенского лагеря. Так, в 1916 г. были подвергнуты аресту 10 военнопленных, 8 из которых были арестованы за самовольную отлучку (2 января 1916 г. и 14 февраля 1916 г.), позднее переквалифицированную в попытку бегства. Арест происходил по записке начальника гарнизона на срок «до окончания войны», что противоречило как международным актам, так и русскому положению о военнопленных. Помечено, что у беглецов были изъяты свисток и нож.

Еще два ареста были по поводу «промотания казенного имущества» военнопленным Фридрихом Ульманом (15 суток ареста), а также «за пьянство» военнопленного Отто Августа (первично на 3 суток, вторично на 20)¹.

Показателен единственный случай, выявленный в архивных документах, связанный с избиением военнопленного. Главное управление Генерального штаба русской армии в своем письме № 27658 от 1 октября 1916 г. запросило от штаба Иркутского военного округа информацию о случаях избиения военнопленных на территории округа, ссылаясь на информацию американского посольства о двух подобных фактах – избиение австрийского военнопленного и пытавшегося бежать офицера. Управление требовало от штаба округа провести всестороннее и объективное расследование данных фактов. Первоначально командование сообщило, что имеет данные только об одном инциденте. Однако говорить, об избиении нельзя, ибо военнопленного Кальмина Боди, пререкавшегося с генерал-майором Бояровским, сопровождавший генерала конвойный казак только толкнул. Однако произведенное расследование, с привлечением свидетелей события, дало абсолютно другую картину. 30 октября 1915 г. военнопленный лагеря на ст. Иннокентьевской Кальмин Боди самовольно оставил работы, но был задержан стражниками. Доставленный в штаб дружины он заявил, что болен и не может работать, к тому же порвал форменные брюки. Генерал-майор Бояровский потребовал от него вернуться на работу, но военнопленный отказался это сделать и дерзко вел себя. Взбешенный этим генерал Бояровский отдал приказ сопровождавшим его казакам, принудить Боди к работе, причем, один из конвойных ударил военнопленного кнутом. Приложенное к рапорту объяснение 7 пленных офицеров рисует мрачную картину: «бил

¹ РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–9.

немилосердно по голове и плечам, сбросил на землю и бил кнутом по ногам». Стоит оговориться, что истинная картина происшествия лежит ровно посередине этих версий, ибо представить русского генерала отдавшего приказ о избииении и наблюдавшего за его исполнением, в присутствии 7 пленных офицеров, довольно сложно¹.

Можно привести в пример и другой случай, на этот раз в ст. Сретенской, где 24 октября 1915 г. произошел конфликт караульного ратника 719-ой дружины Гурьяна Сироткина и военнопленного Франца Эбинга. По объяснению ратника, он стоял на посту № 1 у ворот лагеря, в 10 часов утра к нему подошел военнопленный и просил пропустить: «Пан, пусти в барак». Караульный отказался и сказал ждать разводящего, тогда Эбинге ответил: «У вас все нельзя!» и добавил площадную брань, после чего выхватил из подмышки топор, взял его в две руки и замахнулся на часового. Военнопленный был арестован и обвинен по ст. 286 и 281-1 «Уложения о наказаниях» за «оскорбление словами часового», «нападение на часового» и придан военному суду. В ходе расследования, по показаниям разводящего ефрейтора Авилова, выяснилось, что часовой сам замахнулся винтовкой, чтобы ударить военнопленного и тот, защищаясь, поднял топор.

По приговору временного военного суда г. Читы от 16 апреля 1916 г. военнопленный Эбинге (21 года, уроженец Вены) за оскорбление словами часового был заключен в тюрьму на 4 месяца, а по обвинению о нападении на часового – был оправдан².

Резкое падение дисциплины как среди военнопленных, так и среди солдат охраны лагерей пришлось на 1917 г., что связано с внутрirosсийской смутой. Конфликты следовали один за другим, что фиксируется в архивных документах и, прежде всего, в следственных делах.

Так, 4 октября 1917 г. в помещении водокачки военной мукомольни ст. Иннокентьевской произошел конфликт между стражником рядовым Непомнящим и военнопленным Михаилом Кечкишем. По словам стражника, военнопленный отказался выходить на работы, дерзко возражал ратнику, бросил ключ от водокачки на пол, и когда Непомнящий нагнулся, чтобы его

¹ РГВИА. Ф. 1529. Оп. 1. Д. 45. Л. 143, 206.

² Там же. Д. 163. Л. 21–45.

поднять, ударил стражника. За свой проступок Кечкиш был арестован и предан военному суду. По опросу самого Кечкиша, картина была иной. Он в составе 40 военнопленных лагеря Заиркутный городок был отправлен на мукомольню. 4 октября он вместе с другим военнопленным по имени Янош, отказался выходить на работы, Кечкиш заявил о болезни двух рук, препятствующей работе. Но ратник Непомнящий потребовал его выхода на работы, после отказа избил военнопленного, тогда Кечкиш в раздражении бросил ключ от водокачки на пол, но ратник продолжил избиение. «В горячке не помня себя, я ему ответил на этот удар тем же», – пояснял военнопленный.

Столярная мастерская военнопленных. Ст. Заиркутный городок. 1916. ИОКМ

За провинность и неподчинение Кечкиш был отдан под суд и помещен на гарнизонную гауптвахту. Следствие по его делу длилось очень долго, менялись переводчики (так, первым переводчиком был пленный штабс-капитан австрийской армии Ладислаус фон Палашти), подсудимого и свидетелей не могли доставить в суд. А затем грянула революция, и следствие прекратилось, ибо было «прервано силой обстоятельств, в период большевистского засилья». Однако оно было возобновлено 7 ноября 1919 г. в Иркутске, но до суда так и не дошло¹.

Подобный конфликт был зафиксирован и в Нижнеудинске. Там группа военнопленных местного лагеря отказалась выхо-

¹ ГАИО. Ф. 524. Оп. 2. Д. 473. Л. 1–26.